ISSN 2223-5221

ОСИЯННОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

2

2011

OS2'.indd 1 14.09.2011 23:04:37

Содержание

Расписание мероприятий **4**

Форум им. Н. С. Гумилева **6**

От редактора **7**

Алексей Витаков «Меркурий» (Проза) **8**

Дарья Лебедева «Он был убежден, что не нужно слов» (Поэзия) **64**

Екатерина Зюбанова «Молоко волчицы» (Проза) **69**

Михаил Крупин «На колокольне» (Поэзия) **75**

Любовь Малиновская «Большая рыба» (Проза) **86**

Алексей Шмелёв «Апельсиновые рощи» (Поэзия) 90

Дмитрий Меркушов «Закат на окраине» (Проза) 96

Юрий Федотов «Мой ангел» (Поэзия) 130

Таисия Зинина «Случайный шёпот» (Поэзия) 135

Иван Карпов «Не ходи за эти сени» (Поэзия) 138

Виктория Кан «Маскарад» (Поэзия) 142

Андрей Коровин «Детство на Оке» (Поэзия) 145

Алина Богачёва «В этом городе» (Поэзия) 153

16-18 сентября На древней земле Тмутаракани (ст.Тамань) на юге Руси, у стен домика, где однажды осенью остановился М.Ю. Лермонтов, где Понт Эвксинский (Чёрное море) и Меотида (Азовское море) сливаются в одно — состоится фестиваль авторской песни и литературы малых форм под названием «Осень в Тамани». Фестиваль проводится по следующим направлениям: проза малых форм (миниатюра, рассказ, новелла, эссе и т.д.), поэзия, авторская песня.
Подробнее читайте на сайте **http://osen-v-tamani.ru**.

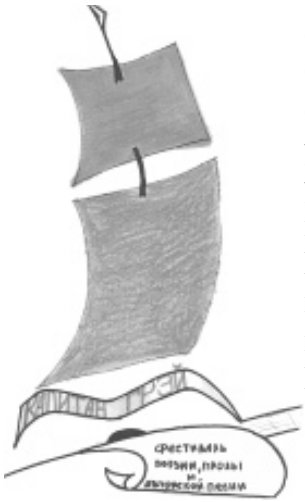
7-9 октября Фестиваль авторской песни, поэзии и прозы малых форм «Рубикон» имени Н.И. Рыленкова состоится в городе-герое Смоленске, на территории спортивно-оздоровительного комплекса «Смена» предприятия ОАО «СмоленскОблгаз», в п. Красный Бор. В нём примут участие не только отечественные авторы, но также ожидаются гости из Беларуси, Польши, Прибалтики.
Это пилотный фестиваль на смоленской земле, чьи лауреаты и дипломанты также проходят в финал «Осиянного Слова».
Подробнее читайте на сайте **http://www.vsenarubikon.ru**.

ФЕСТИВАЛЬ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ, ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ МАЛЫХ ФОРМ ИМЕНИ Н.И. РЫЛЕНКОВА
«РУБИКОН»

OS2'.indd 4 14.09.2011 23:04:38

21-23 октября

Фестиваль авторской песни и литературы малых форм «Капитан Грэй» пройдёт в Оленегорске Мурманской области. К участию в фестивале приглашаются молодые авторы Северо-Запада — Мурманской, Архангельской, Вологодской областей, республик Карелии и Коми. Одним из главных условий участия в конкурсной программе, кроме возраста участника (не старше 30 лет), является отсутствие у конкурсанта профессионального литературного образования.



В фестивале на правах гостя, вне конкурсной программы, может участвовать любой прозаик, поэт или автор-исполнитель, подавший заявку установленного образца.

Подробнее читайте на сайте **http://www.kapitan-grey.ru**.

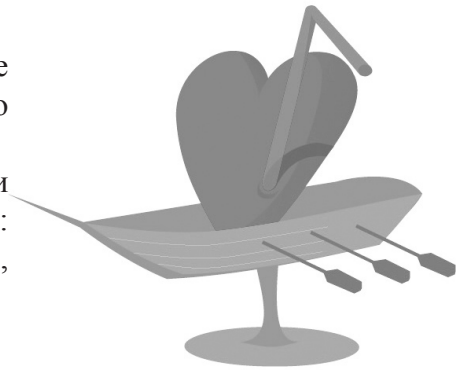
3-7 ноября

Заключительный семинар Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово» пройдёт в Доме творчества писателей «Переделкино» (г. Москва). В семинаре примут участие финалисты Форума из числа подавших заявки и рекомендованных оргкомитетами региональных фестивалей.

Возраст участников до 35 лет. Обязательно отсутствие профильного литературного профессионального образования.

Участники семинара смогут опубликовать свои произведения в ведущих литературных изданиях: журналах «Осиянное Слово», «Москва», «Юность», «Форум» и др.

Подробности на **http://www.osiyannoye-slovo.ru**.



OS2'.indd 5 14.09.2011 23:04:38

Идёт приём заявок участников VIII Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово».

Форум проходит с февраля по декабрь 2011 года.

В Форуме могут принять участие начинающие поэты и писатели в возрасте до 30 лет, не имеющие профессионального образования в области литературного творчества.

В программе Форума — фестивали, летняя открытая литературная школа, мастер-классы членов жюри, заключительный семинар для финалистов в Доме творчества писателей в Переделкине, а также другие мероприятия.

Заявку на Форум можно подать следующими способами:

1. по обычной и электронной почте
2. на сайте Форума **http://osiyannoye-slovo.ru**

Заявки принимаются **до 12 октября 2011 года.**

Межвузовский литературный форум им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово» — это ежегодное мероприятие, ориентированное на раскрытие и реализацию творческого потенциала начинающих непрофессиональных писателей и поэтов. Важным отличием Форума от похожих мероприятий является то, что Форум не является в чистом виде конкурсом: хотя в рамках Форума и проводятся конкурсы по направлениям (проза, поэзия, драматургия и др.), большинство мероприятий Форума имеют неконкурсную основу, а участие в конкурсах добровольно. Традиционным для Форума стал заключительный семинар в знаменитом Доме творчества писателей в подмосковном Переделкине.

Дмитрий Крылов, председатель оргкомитета Форума:

«Не секрет, что объявления о подобных событиях в первую очередь звучат в вузах гуманитарного направления. У нас с самого начала была идея — предоставить возможность студентам негуманитарных вузов участвовать в таком мероприятии. Неожиданно откликнулись на наше приглашение не только студенты, но и аспиранты, молодые преподаватели, и даже молодые люди, которые ещё не успели поступить в вуз — школьники, студенты колледжей. Приходили заявки и от людей, уже закончивших технические вузы, и от военнослужащих. Представители гуманитарного направления подтянулись. А мы рады всем участникам».

Алексей Витаков, художественный руководитель Форума, член Союза писателей России:

«Творческая молодежь испытывает необходимость в общении. Показать написанное, обсудить, посмотреть, куда движутся собратья по перу... Мы не стремимся формализовать творчество, мы помогаем создать максимально комфортные условия для обмена творческими взглядами».

Форум основан в 2004 году по инициативе ректора Московского института радиотехники, электроники и автоматики (технического университета) — МИРЭА (ТУ) — А.С.Сигова. Существенную поддержку Форуму оказывают различные организации писателей: Союзы писателей России и Москвы, Международная федерация русскоязычных писателей и др.

В I Форуме (2004 г.) приняли участие 72 студента из 25 вузов Москвы и Московской области. В VII Форуме (2010 г.) участвовали уже более двух тысяч человек, представлявших 125 вузов Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Саратова, Калуги, Самары, Минска, Киева, Харькова, а также других регионов России и стран СНГ. В VII Форуме также принимали участие молодые люди из Франции, Польши, Венгрии, Болгарии, Японии и КНР.

Контактная информация

Сайт Форума: http://osiyannoye-slovo.ru

E-mail: mlf@osiyannoye-slovo.ru

Тел.: +7 (916) 809-76-10 (Ответственный секретарь оргкомитета Дмитрий Меркушов)

OS2'.indd 6 14.09.2011 23:04:38

От редактора

Здравствуй, Читатель!

Мы представляем на твой суд второй выпуск журнала «Осиянное слово».
«Цель художества есть идеал, а не нравоучение», — писал незадолго до смерти А.С. Пушкин. И это утверждение отнюдь не было проповедью так называемого «искусства для искусства». Пишуший человек прежде всего по своей сути обязан быть гражданином. Литература — это одна из важнейших сфер духовной жизни и деятельности людей; путь из «железного» «века-торгаша», «жестокого века жестоких сердец» — в век грядущий, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»; путь — в мир гармонических, по-настоящему человечных отношений, которые строятся только лишь по законам правды и красоты. В этом номере мы не случайно открываем новый раздел под названием «Славянское слово». Думаю, что комментарии на этот счёт будут лишними.

Приятного чтения!

Всегда ваш Алексей Витаков

OS2'.indd 7 14.09.2011 23:04:39

Алексей Витаков

Меркурий

Глава 1

И сказал Чингисхан: «Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить всё, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами».

Топот десятков тысяч копыт. Вот она — истинная музыка степи. А вой тетивы, пение стрел и лязг боевого железа — это музыка монгола. Хайду вел полтумена к северо-западным рубежам Руси. Бату-хан доверил ему пять тысяч отборных всадников. Шли опятиконь, поставив рулоны свернутого войлока на свободных коней — издалека пятитысячный отряд выглядел двадцатипятитысячным войском... Смоленск должен подчиниться, встать на колени, иначе — всё до пепла, до праха, до основания. Есть мнение, что кривичи — искусные бойцы. Бред собачий. Сколько пало империй и сколько ещё падёт! А Смоленск всего лишь маленький прыщ, которому суждено войти в состав Золотой Орды и стать очередным данником Джучиева улуса. Хайду недавно исполнилось сорок лет, и он хотел отпраздновать эту дату очередной победой. Урусы не празднуют сороколетие. Это у них считается дурной приметой. Все они собачьи выкормыши!

Сожалел монгольский джихангир только об одном: слишком уж мал был Смоленск для его честолюбивых планов. Вряд ли взятие этого города кто-нибудь когда-нибудь назовёт крупным событием в военной истории.

Хайду происходил из монгольского колена Наймань. В лето Жинь-сюй (1201) найманьские войска потерпели поражение от Чингисхана. Сражение произошло в урочище Чой-дань. Наймани покорились. Много, очень много мужчин этого колена было перебито. Взятых в плен женщин и детей поделили между собой победители. Хайду исполнился один год, когда ярмо дикого степного рабства сдавило его в своих жестоких тисках. Его мать Чор-бцзи крепко глянулась Балгату, одному из лучших батыров Чингиса. Став наложницей в гареме Балгата, она родила двух сыновей, которые по праву рождения получили титул нойонов. А Хайду остался рабом, любимым рабом своего хозяина. Через двадцать лет Балгат умер. Погубило степного воина истовое пьянство.

Монгольский обычай суров. Рядом копаются две ямы. Одна для усопшего, а другая — значительно глубже, со специальной нишей. Ниша должна быть под могилой. В неё-то и опускают любимого раба или рабыню. Когда тело Хайду начинало агонизировать, а дух устремляться к Вечному Синему Небу, его вытаскивали наверх, шаман приводил в чувство, а затем вновь

OS2'.indd 8 14.09.2011 23:04:40

опускали и засыпали землей. Так было трижды. Если после третьего раза человек оживал, его отпускали на свободу. А если нет — оставляли под могилой хозяина. Сильный организм молодого найманьца выдержал. Его спросили: чем он хочет заниматься? Вместо ответа Хайду молча протянул руку к мечу. С тех пор минуло ещё почти двадцать лет. Медленно, шаг за шагом взбирался бывший раб по крутой лестнице военной иерархии. К сорока годам у него был титул нойона (проблема кастовости у монголов никогда остро не стояла, титул присуждался за доблесть и военные заслуги), полтумена отборной конницы и десятки боевых шрамов на задубевшем от походных ветров теле. Сейчас, ведя войско к стенам Смоленска, он не думал о том, сколько его товарищей погибнет. Иные мысли овладевали военачальником: назначит ли Бату-хан, после падения города, его темником, командиром целого тумена, и полюбит ли его Моналунь. Он бы, конечно, мог взять Моналунь в жёны без ее согласия, просто заплатив выкуп, но не хотел. Хайду знает, что такое неволя. Уррагх. Он несильно ударил пятками под рёбра белого жеребца, и тот полетел по ломкой ноябрьской траве, увлекая за собой остальных. Руссы погрязли в междоусобицах, христиане бьются с язычниками. Все города, вздумавшие сопротивляться, пали, а многие из них стёрты с лица земли. Смоленск сам на золотом блюде вынесет ключи. Уррагх. А нет? Ну что ж — будет много хабара, красивых женщин и крови. Будет хорошее пиршество для звонких клинков.

— Алиха! — крикнул Хайду, вздыбив коня, — давай сюда этого мальчишку. Пусть едет рядом со мной и показывает дорогу.

Шеренги воинов расступились, пропуская седока, ноги которого были связаны под брюхом стареющей кобылы. Правой рукой он сжимал узду, а левая по локоть отсутствовала. Пустой рукав крепко был схвачен кушаком и прижат к телу.

— Руку съел, что ли? Три дня назад обе сам видел, — удивился Хайду.

— Нет, дяденька, — Голята всхлипнул, — твои срубили. Откуда мне знать, что огонь ножом нельзя трогать. Я мясо достать хотел.

— Таков обычай. Огонь — это бог. А бог может обидеться и перестать помогать. Но если уже в седле, то, значит, Чжой-линь не зря слывет одним из лучших хирургов Поднебесной, а теперь уже и не только... Уррагх. Где по-монгольски говорить научился? Мы на Русь совсем недавно пришли.

— А я, дяденька, ловкий разумом. Год назад привезли к нам в деревню израненного татарина. Мать давай его выхаживать — и выходила. Он ещё и подмороженный был. Кто таков? Откель? Так и не сказал. У нас ведь как. Если человек хворый и оружие в руках не держит, значит, не враг. Он давай меня языку вашему научать, а я его — нашему. Все ж мы люди. Войны кончаются, а нам жить, может, вместе дальше придется. Зачем простым-то людям воевать? Простые люди должны хлеб сеять, рыбу ловить, торговать по надобности.

— К Смоленску хорошо приведешь? Откуда путь знаешь?

— С отцом коробейничал. Точно приведу. А вы, дяденьки, уж не воевать ли? Эко силищи-то!

— А там и поглядим, — Хайду уже начинал нравиться смышлёный мальчишка. Особенно это его «дяденька». — Зависит не только от нас. Откроют ворота, присягнут на верность бунчукам Орды — коней накормим, ясак возьмём, десятиной обложим и уйдём. А коль воевать начнут, все разрушим.

OS2'.indd 9 14.09.2011 23:04:40

— А вдруг поначалу начнут, а потом одумаются?

— По нашим законам так: если хоть одна стрела вылетела навстречу монголу — смерть.

— А зачем так далеко нужно ездить коней кормить? У вас своего сена мало?

— Тебе сколько лет?

— Шестнадцать.

— Наши дети уже в семь лет знают, зачем нужно далеко коней кормить.

— Ваши всё про коней знают, а наши зато греческой грамоте научаются. Только те, конечно, что христианами значатся. Христиане с язычниками на Масленицу стенка на стенку дерутся. Я тоже дерусь. У меня хорошо получалось. Теперь вот — не знаю! — Голята посмотрел на пустой рукав.

— А ты кто: язычник или христианин?

— Мне, по правде сказать, и тех и других жалко. Так иной раз калечим друг друга. Христос ведь всех любить завещал.

— Значит, христианин. А вот я пришёл на твою землю, топчу её копытами коней, людей убиваю, граблю, разоряю. Что ж, и меня любить нужно?

— Да, дяденька. Карать ведь тоже в любви можно. Христос тоже с мечом пришёл. Ещё про ад и рай могу рассказать. От отца Алексия услышал. Приходит как-то к одному человеку ангел и говорит: «Давай я тебе ад и рай покажу». Взял за руку того и повёл. Заводит в первую избу, а там люди сидят вокруг стола, голодные и злые. На столе полный чугунок каши, да толку что: люди дерутся промеж собой, не дают друг дружке ложку до рта донести. Ну, ад, одним словом! Повёл ангел человека в другую избу. И там люди вокруг стола сидят, но все счастливые и сытые, а всё потому что один другому ложку с кашей ко рту подносит. Суть-то в том, что на земле тоже ад есть и рай сами люди делают.

Хайду передёрнуло. Он не понимал, о какой любви говорит проводник, но почувствовал, что в этих словах есть уверенная, спокойная сила. Ком тошноты подкатил к горлу монгольского джихангира. Народ, который выхаживает раненого врага да ещё с интересом изучает его язык и обычаи, достоин уважения. Такой народ может сам растворить в себе кого угодно. Впервые в жизни Хайду посетила жалость. Даже не совсем так, что-то другое, какое-то ранее не изведанное чувство. Словно тёплый мохнатый зверь шевельнулся под сердцем. Ему вдруг вспомнились далёкие времена, когда он ребенком украдкой смотрел из-под полога юрты на летнюю ночную степь, усыпанную светлячками.

— Ты бледен. Рука болит ещё? — видя перед собой искалеченного отрока, он вдруг поймал себя на мысли, что хочет крикнуть «Уррагх!» и развернуть войско обратно.

— Болит. Особенно там, где в рукаве пусто. Я с ней иногда во сне разговариваю.

— Хочешь пересесть в повозку?

— Нет. А вот ноги бы развязать не мешало. Я не сбегу. Да и куда мне с одной рукой. Обрубок вон ещё подтекает. Твой Чжой-линь говорит, что перевязки надо много дней делать. И некуда. А с тобой, может, и дослужусь до звания?..

Хайду выдернул из-за пояса кинжал и, перегнувшись в седле, рассек веревки.

— Благодарствую. Я вот всё одно не понимаю. У монголов, по рассказам, очень много земель. А зачем вам столько?

— Тенгри, главный наш бог, поставил монголов над всеми людьми — наводить порядок на земле. Вот посмотри, что на вашей Руси происходит: князья дерутся,

OS2'.indd 10 14.09.2011 23:04:40

язычники с христианами дерутся, то литовцы вас грабят, то половцы. С половцами особый разговор. Мы на Русь пришли ещё и потому, чтобы потребовать у ваших князей наших пастухов, наших куманов. А князья воспротивились, мол, мы со многими половецкими знатными родами в родстве состоим.

— А почему вы половцев своими рабами считаете?

— Так распорядилось Вечное Синее Небо. Да и у вас порядка нет. Перепись нужна, производство стекла нужно; по оружию — так вообще отсталость дремучая. Мужики не работают, боятся, что не те, так другие всё равно заберут нажитое.

— Так-то оно так. Только зачем в наших ранах чужие персты нужны?

— Кх, а Чжой-линь плохо тебя вылечил?

— Век бы не знать такого лечения. У нас тоже лечит умеют. Ну, может, не так шибко. Но зато и рук-ног не рубят.

— Ладно. Многое ещё тебе понимать необходимо. А о Смоленске что знаешь? Сколько жителей? Каково войско?

— Город-то немалый будет. Считай, домов два раза по пятьсот, а в них где по восемь, где по десять душ, а где и поболе. Да, ещё посад. Тоже вприсядку не обойдёшь. Князь вот только плох. Его третьегодни удар хватил, к людям не кажется; говорят, сам ходить не может; чего говорит, то не разберёшь. А дружина наша, я по шлемам сам считал, восемьдесят шесть человек, а над ней сотник Валун поставлен. Знатный боец. Во такой вот в плечах, — Голята по привычке хотел развести руки в стороны. Но, поняв, что будет выглядеть смешным и жалким, сплюнул на холодный ветер.

— А рати, что же, совсем нет?

— Да разве ж то ратью назвать можно! Так, мужичьё в лаптях с косами вместо рогатин. Силы у нас хорошей нет, дяденька. Наверно, сразу всё миром уладим.

— Если князь немощный, кто же делами занимается?

— Так ведь и бояре с бородищами, и купцы с животищами. Вече тоже есть, да только так, для показу. Колокол-то знатно бает, да мужик не понимает.

— А как же вы тогда с литовцами разбираетесь? С такой дружиной отобьёшься раз-другой, а потом и некому будет. А, впрочем, довольно. Мне и того хватит, — Хайду понял, что выспрашивать у Голяты дальше уже не имеет смысла: парень, видать, совсем по верхам о военных делах знает. — Оставь меня. Мне нужно подумать.

Голята послушно натянул поводья и отстал, смешавшись с толпой воинов.

До самых сумерек ехали молча. Зачернели разбросанные по холмам деревни. Хайду понял, что до Смоленска осталось недалеко. Выросла брошенная сторожа, над которой возвышалась смотровая вышка, сделанная из жердей в кроне могучей сосны. На земле ещё дымились головни сигнального сполоха. Значит, жители предупреждены, и деревни пусты. Вдруг конь под ним фыркнул, замотал головой и встал как вкопанный. Джихангир посмотрел по линии конского взгляда. И то, что открылось зрению, заставило гулко застучать сердце под тяжёлой хутангу-дегель. Примерно в двухстах шагах, по-над кромкой синего леса, медленно ехал всадник. Только не конь был под ним, а здоровенный лось. Одной рукой человек сжимал длинное ратовище, на конце которого поблёскивало в лучах вечерней зари лезвие внушительного топора, а другой держался за подпиленные рога сохатого. Хайду слышал от старших товарищей по оружию, что далеко на севере, где тянутся в небо огромные камни, обитают шаманы-смертники. Эти люди идут в бой верхом на оленях. Но чтобы здесь! Ледяная капля выступила на шее

OS2'.indd 11 14.09.2011 23:04:41

монгола и длинно потекла по спине, между лопаток, по бугоркам позвоночника к пояснице. И тут же резкая боль. Давняя мочекаменная болезнь дала о себе знать. Очередной приступ. Хайду знал, что не избежит осеннего обострения, но всё же очень надеялся вначале выполнить воинский долг. А уж потом... Он крепко сжал ногами ребра Ордоса.... Сейчас пройдёт. Не нужно тревожить воинов. Будущий темник не имеет права болеть. Что-то подсказало монголу, что именно тот человек, спокойно ехавший сейчас верхом на лосе, стал причиной нестерпимой боли в семенниках.... Поймаю, живым в котле заставлю сварить.

— Где мальчишка? Сюда его!

Голята вырос сей же миг и поравнялся с младшим темником.

— Кто этот человек верхом на сохатом? — Хайду вытянул вперёд руку, показывая пальцем на всадника.

— Это волхв Измор. Что ты хочешь услышать, дяденька?

— Рассказывай мне про него всё, — Хайду опять поморщился.

— Тебе больно? А как же твой китаец?

— Молчи, щенок. Поймаю, порублю на куски!

— Сам ловить будешь?

Вместо ответа Хайду недоуменно и страшно скосился на Голяту.

— Я ж к тому, что ты его видишь, а другие нет.

— Алиха, — монгол зашипел, обернувшись на тысячника, — Притащи этого сюда на аркане!

— Кого, господин? — Алиха стал всматриваться в даль по направлению взгляда командира. — Я никого не вижу!

— Ла-а-дно. Займи место. Похоже, нас здесь ожидает не только война, но и ещё что-то поинтересней. Тым-л-лях. Куда он исчез? — младший темник, зажмурившись, тряхнул несколько раз головой. — Рассказывай, Голята.

— Того, кого ты видел, зовут Измором. Он волхв. А на люди кажется то верхом на Ишуте-волке, то на Ишуте-медведе, то на Ишуте-лосе. Если под ним волк, значит Измор хочет сообщить, что в лесу много волков развелось и надо отстреливать, если медведь, тоже осторожно надобно, особенно бабам по ягоды, а уж если на сохатом, то держись, войны не миновать. Много раз Измор предупреждал город об опасности. Люди ему очень благодарны. Только вот попы разные: одни его бесом кличут и призывают изловить да в яму на цепь посадить, другие — так ничего, поворчат, кресты на лоб покидают да рукой махнут. А по мне — так пусть живет. Всё ж польза от него большая. Мы ведь вон и сами-то недавно в язычниках ходили. Многие и по сей день ещё ходят.

Хайду слушал Голяту, а перед глазами у него всё ещё маячил всадник, длинные белые волосы которого были заплетены в две толстые косы, стекающие от висков почти до колен. Редкая, такая же белая, борода, прямая, как пика, спина, зелёное платье, подбитое соболем, и отливающий закатным огнём топор. Лось под ним спокойно, легко и величаво перебирал сухими ногами, будто и вовсе не касался земли.

— Так вот, дяденька, — Голята сухо кашлянул в рукав, деликатно предлагая обратить внимание на свой рассказ.

— Я слушаю тебя.

— В стародавние времена жил-был кузнец Ишута. Тогда ещё и Смоленска, говорят, не стояло, как сейчас. Так, деревня богатая, обнесённая звонкими бревнами частокола. И пришли по воде враги. Шибко много врагов. На носу кораблей ихних морды змеищ, сами-то все в железе, со-

OS2'.indd 12 14.09.2011 23:04:41

баки с цепи рвутся огромные. Нурманны, одним словом. Числом видимо-невидимо. И понял Ишута, что человеческой силой такого врага не одолеть, а нужно договориться с самым главным змием. Пусть главный змий чужих змиев побьёт хорошенько. Вот посмотри кругом: овраг на овраге, холмы друг дружку подпирают, где лес, где болото. А почему, думаешь? А потому что заключили они уговор: змий врагов побьёт и прогонит, но за это Ишута откажется от человеческого облика, а и будет дух его пребывать в лесном звере, чтобы охранять землю с её богатствами. Змий-то земляной был. На том и порешили. В один ясный день земля встала на дыбы и выпустила из своего чрева огромного змия, который стал ползать и крушить врагов без жалости тыщами. Где проползёт, там овраг появится, где хвостом ударит, там холм наметёт, где воду отрыгнёт, там болото заухает, а уж ежели огнём плюнет — каменья одни остаются. Побил змий всех врагов, но и сам жизненные запасы в теле израсходовал. Пришлось Ишуте отдавать, уговор дороже денег, своё тело змеиному духу, а самому перебираться в шкуру мёртвого волка. Но людям-то ничего же не объяснишь. Попробуй-ка кому растолковать, что в Ишуте не Ишута, а змий. Что дух кузнеца-то теперь в сером волке. Однажды змий-Ишута присмотрел себе девку-красавицу и женился на ней. Только ведь нутро-то не человечье. Мыкался он, мыкался среди людей, но не вытерпел, взял жену да и в лес подался. Там избу сложил и хозяйство развёл. Жену камлать научил. Стали, значится, оба волхвами. Вскорости сын у них родился, вырос, возмужал и тоже, как его отец, жену в лес из Смоленска привёл. Так и пошёл от них род здешних лесных волхвов. А дух настоящего Ишуты теперь вечно этому роду служит: то в волке, то в медведе, то в лосе. Вот и у Измора пращур, сам подумай теперь, кто? Увидеть волхва может только тот, кого он сам выберет, другие же будут смотреть и видеть только опушку леса, в которую когда-то тело змия обратилось.

— Вот я его видел, а больше никто. Растолкуй мне, что это значит?

— То и значит: лось — война, готовь оружие! Да тебе ли его бояться. Вон за тобой сколько войска!

— Страшен не тот, кто выходит с мечом в поле. Подобной силы я много перевидел. А как быть с тем, кто зрим и незрим? Куда я должен направлять стрелы, бросать конницу, разворачивать стенобитные машины?

— Мне один священник сказал, что всё про змия неправда. Мол, выдумано волхвами, чтобы народ в подчинении держать. Волхвов прогнали, пришли князья, которые хотят церковь под себя подмять и через неё народом править. А церковь, на мой ум, не должна с князьями об руку идти. Только с Богом.

— Церковь не тронем. Ещё Чингисхан сказал: «В моем войске пять религий, которые сжимаются в единый кулак». Всё. Теперь оставь меня.

Хайду ещё какое-то время всматривался в синеющий лес, одновременно покачиваясь в седле, словно пытаясь убаюкать боль, которая колыхалась от поясницы до семенников. Белый Ордос грозно держал хозяина, перебирая копытами мёрзлую землю, отрывисто фыркая, кося умным, настороженным глазом на опушку леса. И младший темник понял по поведению боевого товарища, что он не один видел сегодня урусского волхва.

Скоро затрещали костры, загремела котлами кухня, волы, тащившие пороки,

OS2'.indd 13 14.09.2011 23:04:41

баллисты, камнемётные орудия, блаженно замычали, предвкушая отдых и пищу. Меньше чем через час на поле, в нескольких часах хода до крепостных стен, вырос лагерь, где закипела жизнь по всем её природным законам.

Повозки, арбы, телеги были сдвинуты между собой и образовывали двойное кольцо, внутри которого ставились палатки, шатры, юрты. Воины бросали в кипящую воду мелко порубленное сушёное мясо, которое разбухало, и получалось жирное сытное блюдо. Мясо целого быка, которое каждый воин брал с собою в дальний поход, порезанное тонкими ломтями и хорошо просушенное, умещалось в небольшом кожаном мешке. Такого запаса хватало порой не на один месяц, но при этом ничего не пропадало. Сырое мясо падших животных, тех же волов или лошадей, тоже нарезалось и клалось под конскую попону. За несколько часов быстрой скачки оно просаливалось конским потом, провяливалось и становилось пищей. В крайних случаях монголы вскрывали ярёмные вены боевым коням и пили кровь. Потом искусно накладывали швы и скакали дальше. Специальных загонов для лошадей и прочего скота, как правило, не ставили. Скот охраняли натасканные собаки и десяток пастухов из куманского племени. Только в исключительных случаях с тех же повозок снимались каркасные рёбра — из них сооружался загон.

Но сейчас Хайду посчитал излишним подобное горожение. Не похоже, чтобы руссов волновал монгольский скот. Через час лагерь погрузился в глубокий сон; только часовые, расставленные в двадцати шагах друг от друга по всему периметру, напряжённо всматривались в холодную темноту ночи, изредка перебрасываясь короткими фразами, а то и отдельными словами. Хайду никогда не давал воинам хорошо выспаться перед битвой. Буквально три-четыре часа и подъём задолго до зари. Воин не должен быть излишне бодр, в противном случае ему захочется проявить удаль. А это очень часто приводит к бесполезной гибели не только одного его, но целого подразделения, а в некоторых случаях и к поражению в бою. Именно поэтому проиграли войну воины Джелаля. Чересчур гордые, каждый сам за себя. Ещё первые полчаса они как-то выполняли приказы командиров, а потом сваливались в кучу-малу, где каждый мечтал продемонстрировать индивидуальную технику фехтования и проявить себя как герой. Хорошие воины были у Самарканда. Жаль, сгибли из-за отсутствия дисциплины и помощи, конечно же, Вечного Синего Неба.

Хайду тронул коленями Ордоса. Тут же за спиной на почтительном расстоянии в пять шагов выросли четыре нукера. Джихангиру даже не нужно было править конём, тот сам плавно и бережно понес хозяина к богатырской стороже. Брошенная застава с небольшого холма смотрела на приближающихся всадников чёрной пустотой бойниц и свистящими прорезями двух башен. Луна бесцеремонно сидела на коньке гридницы, упираясь коротким ногами в бревенчатые скаты крыши. Обдутые, заветренные до звона, закаменелые на морозе и зное брёвна частокола возвышались в три человеческих роста над землей. Но Хайду сразу отметил, что многих звеньев в забрале недостаёт. Бреши на скорую руку забиты мхом. На колья нанизаны черепа и головы разных животных. Складывалось ощущение, что воины от безделья занимались чем угодно, лишь бы развлечь себя. Хайду внимательно осмотрел землю возле бреши.

OS2'.indd 14 14.09.2011 23:04:41

Ворота были распахнуты — уходили либо в спешке, либо специально оставили настежь, дескать, ломать, только добро портить. Первым в крепость метнулся один из нукеров, держа наперевес копье. За ним на двор въехал Хайду. Тут же под ноги Ордоса, вереща, бросилась тощая курица. Тым-л-лях. Из-под нижнего венца гридницы зашипела кошка. Тонко взвизгнула тетива лука. Всхлип. И тёмный мохнатый комок, пробитый насквозь стрелой, выкатился на траву. Волна лёгкого озноба пробежала по спине джихангира. Ордос продолжал движение шагом, всё так же плавно, словно боль хозяина была и его болью. Ничего. Из живых душ только курица. Монголы не едят птичьего мяса. Пусть живёт. Хайду анализировал разговор с Голятой. Что-то не клеится. Мальчишка сказал, что в деревню привезли израненного татарина. Значит, он деревенский. Коробейничал с отцом. Ну, допустим. Пришел поторговать, заодно из любопытства сосчитал по шеломам дружину. Тоже ладно. Мать выходила монгола — знахарка, отец коробейник, который из ярмарочных разговоров знает, что князя удар хватил. Всё вроде сходится. Только до конца не верится. Почему он так нарочито говорит, что никакой рати нет, так, мол, мужики с полей, вооружённые косами вместо рогатин. Но ведь с таким-то воинством литовцев не отобьеёшь. Что-то здесь не так. Вернусь в лагерь, допрошу ещё раз, не откладывая. Или утром? Не сходи с ума, будущий темник! Даже если мальчишка соврал, тебе-то какая разница! Всё равно Смоленск не устоит. И зачем мне явился этот Измор?

— Господин желает осмотреть юрту врага? — нукер прервал его мысли

— Давай зайдём, Есугей, — Хайду выдернул ноги из стремян и тяжело, даже неуклюже, сполз со спины Ордоса. Боль усиливалась.

В гриднице было затхло и холодно. Из угла несло брагой. Похоже, что за чистотой тоже не шибко следили. Всюду валялась шелуха от семечек, хлебные крошки, черепки разбитой посуды. Жирные коричневые пятна шли от печи к торцу стола. Сломанная деревянная ложка. Из оконных проемов топорщились пучки соломы, обрывки бычьего пузыря беспомощно свисали с загнутых, проржавевших гвоздей.

— Крепок ли наш враг, Есугей? — Хайду брезгливо пнул грязный чугунок.

— По-моему, наш враг любит очень хорошо выпить. Такой враг совсем не враг.

— Мне тоже так поначалу показалось. Посвети здесь, — Хайду указал на стену с крючьями.

— Что видит мой господин интересного в этой стене?

— На этих крючьях, Есугей, было развешено оружие и доспехи. Обрати внимание, как основательно всё сделано. А теперь посвети на лавки и стол, — Хайду стукнул кулаком по столешнице. Звук от удара был глухим и коротким. — Видишь, как крепко всё? Не верю!

— Чему не верит будущий темник?

— Что всё обстоит так, как мы с тобой сейчас видим.

— Не понимаю своего джихангира. Он хочет сказать, что урусы всё специально пораскидали здесь, уходя? Чтобы монгол подумал об урусах плохо, мол, пьяницы и трусы.

— Завтра, Есугей, чтобы никто сюда нос не сунул. Ты обратил внимание на то, что брёвен в стене недостаёт? Нет. А нужно на всё смотреть внимательно. Брёвна не сгнили и не были сломаны осадными орудиями. Их вырвали, а потом сожгли хозяева. Да, не смотри так. Из этих брёвен сложили большой костер, в котором сожгли

OS2'.indd 15 14.09.2011 23:04:41

всё ненужное. Нельзя заранее смотреть на врага высокомерно. Этот пост нужно сжечь до того как сюда проникнут любопытные.

— Пламя займётся, господин, и мы перебудим весь лагерь!

— Тем лучше. Перед боем много спать вредно.

Хайду повернулся на выход, сделал пять небольших мягких шагов и толкнул дверь. О Тенгри! Прямо в крыльцо перед дверью был всажен топор волхва Измора. Ратовище по косой перечёркивало звёздное небо. Лунные капли на тонких стеблях висели на рукояти.

— Собаки! — Хайду не смог сдержать гнева. — Кто на карауле?

Два нукера с ужасом уставились на джихангира. Хайду наотмашь ударил кулаком в нос стоящего по левую руку. Хрустнула переносица. Нукер кувырнулся через перила и врезался головой в рыхлую землю. Второй упал на колени:

— Не вели наказывать, господин! Мы никого не видели!

— А это?!

— Замороковал, наверно, кто-то, господин! — из-под крыльца нукер хлюпнул носом. — На миг в глазах всё поплыло. Я даже себя за ухо дёрнул, чтоб не заснуть.

Вдруг из темноты совсем недалеко протяжно и жутко затрубил сохатый. Вороны с пронзительным карканьем рассыпались с ветвей деревьев над полем. Залаяли собаки, проснулись лошади, испуганно заревел вол. Хайду будто кто-то врезал ногой в пах. Он скрючился и стал оседать на порог гридницы. В глазах замельтешили огни звезд, лунные капли, лица нукеров.

— Я сам! — джихангир впился ногтями в брус дверной коробки. — Сейчас пройдёт. Никому ни слова, иначе привяжу к хвостам коней и отправлю в русскую степь.

Снова протрубил лось, но уже далеко. В ответ ему откуда-то из-под забрала чертыхнулась курица. Стали окликать друг друга часовые. Прозвенела кольчуга дежурного сотника. И всё опять стихло.

— Господин, — Есугей, придерживая за локоть, помогал Хайду встать, — что всё это значит?

— Это? — младший темник хмыкнул и прищурился на луну. — Место, куда урусы кладут голову преступника, а потом рубят, называется плахой. А в плаху всегда воткнут топор, который дожидается своего часа. Сжечь всё!

Хайду вскочил на Ордоса так, словно от боли в этот момент не сыпались искры из глаз, словно тело, как двадцать лет назад, было упругим и гибким. Подчинённые не должны знать о болезни своего военачальника. Иначе не будет крепости в войске. Каждый тысячник будет втайне метить на его место, каждый сотник на место тысячника, а простые воины начнут резать ненавистных десятников. Войдя в юрту, он не стал снимать хутангу-дегель, лишь чуть ослабил боковые ремни. Сев в позу лотоса перед огнём, он прикрыл глаза и тут же стал проваливаться в дрёму. Он научился спать сидя в походах и во время обострения болезни. Вскоре гул огромного пожара коснулся слуха младшего темника, но ни один мускул на его лице не дрогнул. Сейчас начнёт пробуждаться войско. Шаман ударит в козий бубен. Засуетятся простые воины, загремят дорогими доспехами представители знати. Заржут кони, залают собаки. И в юрту ворвётся тысячник Дайчеу:

— Он сбежал! Этот однорукий урус сбе-

OS2'.indd 16 14.09.2011 23:04:41

жал! — кричал тысячник, потрясая кулаком, в котором был зажат кусок верёвки. Выбритые места на голове отдавали пунцовым бликом; короткая толстая коса затвердела от инея, на ухе висели травинки и брызги глины, а всё потому, что голова Дайчеу всегда во сне скатывалась с войлока на открытую землю.

— Тихо, Дайчеу. Ты переполошишь всех. Не велика беда, что мальчишка сбежал. Мы ведь не охотники за калечным зайцем.

— Он мне сразу не понравился, твой однорукий.

— Одноруким его сделали мы, точнее, наши законы.

— Для чего мы ставим войлочные куклы на коней? Быть может, нам всем нечем заняться? Твой однорукий видел нашу численность. Ты, может, думаешь, что мальчишка до конца своих дней будет молчать о том, что знает? О да, он неподкупен, а сбежал, потому что мы ему просто опротивели!

— Не морочь голову себе и мне, Дайчеу. Во всём Смоленске едва ли наберется десять тысяч жителей, включая древних старцев и малолетних детей. Чего ты боишься? Ну, даже если они теперь знают, что нас не двадцать пять тысяч, а пять, то что меняется?

— Ты сам знаешь, разница в потерях и в том, что с помощью значительного перевеса можно обойтись без кровопролития.

— От тебя ли я это слышу, брат мой? Чтобы тысячник Дайчеу да вдруг отказался от лихой мясорубки?

— Я ведь, как и ты, уже не молод, Хайду, и хочу вернуться в Керулэн здоровым и сильным, а своё место уступить более молодым. Это ты видишь себя темником, а я нет. Хочу сидеть в юрте с кумысом в окружении детей и внуков. Хочу...

— Довольно, Дайчеу. Не хочу искать за твоими словами зависть и лукавство. Оставим этот разговор. Скажи сотникам, чтобы наказали часовых: по двадцать палок каждому, да и дело с концом.

— Хочешь добрым выглядеть? За такие оплошности ещё совсем недавно ты бы приказал всыпать по сто палок часовым, а некоторым десятникам сломать хребты.

— Незачем увечить людей накануне сражения. Всё, Дайчеу.

Дайчеу вышел из юрты, зло откинув полог так, что швы жалобно затрещали. В открытый проём Хайду видел, как его любимый тысячник, закусив конец косы, прыгнул в седло без помощи рук и тут же сорвался с места. Через несколько минут раздались крики тех, кого били палками экзекуторы. Белый боевой конь Ордос просунул в юрту голову и вопросительно посмотрел на хозяина. Джихангир зачерпнул в пригоршню из котла вчерашнего мяса и быстро отправил в рот. Вытерев жирные пальцы о голенище ичиг, он тяжело сел в седло. Боль немного притупилась. Хайду вдруг нестерпимо захотелось побыстрее завершить этот поход. Опять выплыло из памяти лицо Моналунь... Я тоже хочу юрту, кумыс и копошащихся детей. Я тоже хочу сидеть у очага и тихим голосом рассказывать о дальних походах, о тяжёлых схватках, о добыче. О том, как ко мне на выручку не раз приходил сам Тенгри, то в разных обликах, то посылая знаки. При этом юрта должна быть из белого войлока, как у Чингиса, а одежда из отборного китайского шёлка. Золотое и серебряное оружие будет украшать стены моего жилища, а жёны будут подавать яства на тонком фарфоре. И да никогда не переведётся жирный плов на моём столе. Я тоже всего этого хочу. Но при этом я хочу умереть в седле, глядя в глаза силь-

OS2'.indd 17 14.09.2011 23:04:42

ному сопернику. Прочь!.. Младший темник махнул перед лицом рукой, словно мысли его в этот момент были физической материей и их можно отогнать, как стаю назойливых мух.

Полный диск луны, любимой дочери солнца, потускнел, бунчуки взвились, и конница гулом копыт наполнила тонкий утренний воздух. Деревни стояли пустыми. Жители ушли, забрав всё самое ценное и необходимое, но дома жечь не стали, значит, рассчитывали вернуться. Хайду смотрел на невысокие крепкие избы, ушедшие в землю по самые крылья крыш, на маленькие, затянутые бычьим пузырём окна и думал о Голяте. Он в полной мере ощутил на себе силу волхва Измора и не удивлялся, как мальчишке удалось проскользнуть между часовых. В конце концов, те тоже люди, а обычным смертным нелегко справиться с чарами того, кто общается с духами и может переходить из одних миров в другие. Джихангир недоумевал: зачем? Ведь он мог приблизить к себе смышлёного Голяту, осыпать щедротами, удачно женить, наконец. Он не похож на кривича внешне. Или руссы все одной псиной вскормлены? А что, если и мальчишка закамланен этим Измором? Тогда он над собой вообще не властен и является всего лишь проводником чужой воли. Вдруг все руссы такие. Тогда плохо. Очень плохо. Если так, тогда вначале должны биться между собой кудесники в тонких мирах, а потом уже обычные люди браться за мечи. Что, интересно, обо всём этом думает шаман Толуй? Хайду оглянулся на вереницу всадников, но не увидел человека в лисьей шапке среди них. А ведь странно: Толуя не видно стало после того, как повстречался Измор. Может, уже бьются? Но есть Вечное Синее Небо, которое благоволит монголам. Тым-л-лях! Неожиданно с тына огромный чёрный петух закричал так, что много видавший на своем веку Ордос шарахнулся, едва не выбросив хозяина из седла. Хайду непроизвольно рванул из колчана лук. Ехавшие рядом монголы нехорошо покосились на своего военачальника. Птиц убивать нельзя — это грех. Даже на войне. Даже в чужих землях. Они посланники Вечного Синего Неба, слуги самого Тенгри. Петух продолжал выполнять свою обычную утреннюю работу, абсолютно не стесняясь людей в больших мохнатых шапках. А время от времени так вообще хорохорился, ощетинивался перьями, разевал клюв, словно намеревался заглотить добычу, при этом острый язык плескался в пасти зловещим алым сполохом. На краю деревни наткнулись на овраг. Воины, без указаний командиров, спрыгивали с коней, разбирали избы, сбивали бревна, ладили на глубоком дне опоры. Хайду внимательно оглядывал местность. Овраг останется за спиной, а впереди склон холма. Что за ним? Может, уже Смоленск? Если руссы решили дать бой, то лучшего места не придумаешь. Овраг — естественный союзник кривичей, он не даст развернуться коннице. Мало того, при отступлении войско вообще может сломать шею раз и навсегда. Значит, использовать карусель нельзя.

— Трёх мостов хватит, — бросил джихангир нукеру, торчащему за плечом.

— Да, господин, — нукер коричневым вихрем сорвался с места.

— Дайчеу, берёшь свою тысячу и идёшь за мной на ту сторону, — Хайду показал рукой на холм. Всем вместе нельзя. Вдруг там руссы. Тосхо, Алиха, Хуцзир, будьте рядом. Алиха, переведи свою ты-

OS2'.indd 18 14.09.2011 23:04:42

сячу через овраг и поставь пока с этой стороны холма. Тосхо и Хуцзир, оставьте свои тысячи в деревне вместе с тысячей Тэньге под его началом. Лучников на крыши домов. Всё.

Хайду ударил пятками Ордоса, и конь осторожно ступил на переправу. Через несколько минут джихангир и четыре тысячника в окружении сотни нукеров влетели на холм. И тут же по глазам полоснуло солнце. Яркое, низкое и огромное. Настолько яркое, что невозможно было спокойно смотреть вперед. Настолько огромное, что заполняло собой всё вокруг. Настолько низкое, словно половина его растеклась по земле. Монголы резко остановились, как будто наткнулись на стену. Перед ними стояло смоленское войско. Красные каплевидные щиты с железными торчами и бронзовыми умбонами, круглые шеломы, начищенные кольчуги, широкие, листовидные наконечники копий, палицы, шестопёры, сулицы, прямые обоюдоострые мечи, тройные цепы, топоры на длинных ратовищах. И всё это играло, переливалось, выбрасывало сполохи, текло серебряной чешуей, выстреливало острыми лучами разных цветов и оттенков.

— Они сошли с ума! — Хайду, сильно щурясь, заворожённо смотрел из-под руки на неприятеля.

До слуха монгольского штаба долетали обрывки команд, после которых небольшие волны в разных местах проносились по шеренгам. Всё было готово к страшному пиру.

— Дайчеу! Что ты на всё это скажешь?

— Скажу, что руссы хорошо готовились к войне. И ещё, — Дайчеу, прищурив левый глаз, кинжальным блеском резанул из-под выгоревших ресниц, — они знали заранее, откуда нас ждать, поэтому выбрали удобное для себя место: с флангов рати прикрыты оврагом и лесом, сзади холм, откуда можно вести достаточно прицельную стрельбу, вдобавок можно не очень бояться конницы при отступлении. Наши кони хоть и сильны, но всё же, взбираясь по сырому осеннему склону, не смогут развить хорошую скорость, в лучшем случае пойдут рысью, если не шагом и к тому же быстро устанут. Такая конница пехоте не страшна. Зато свою атаку руссы, даже пешим строем, могут хорошо усилить за счет выгодного ландшафта. Это однорукий, Хайду. Всё он. Я почти уверен, что руссы уже всё знают о нашей теперешней диспозиции.

— Уж не мерещится ли мне трепет в душе славного тысячника? — Хайду деланно усмехнулся. — Нет силы против монголов, ибо мы поставлены над людьми.

— Тебе виднее, брат мой Хайду.

— Вот мой ответ. Я вижу перед собой обычный сброд. Первые несколько рядов и впрямь наспех одеты в какое-то жалкое подобие лат. Далее, посмотри повнимательнее, стоят мужики с полей, ремесленники и дети с деревянными мечами.

— Ты лучше меня видишь, джихангир.

— Дайчеу, возьми свою тысячу и разгони эту толпу бездельников. Тысяча Алихи будет стоять наготове. Если решишь заманить врага на другую часть склона, Алиха ударит по косому лучу. Но у тебя есть все шансы разобраться с руссами своими силами.

— Я могу одержать победу, но заразу с корнем не вырву. Скорее всего, руссы после натиска начнут хорониться по оврагам, вон сколько их змием нарыто, или побегут в лес. Я бы не торопился. Лучше всего взять их войско четырьмя тысячами в большое кольцо и начать осыпать стрелами, а к городу отправить пятую тысячу. Её вполне хватит для быстрого штурма прямо с марша. После того, как город па-

OS2'.indd 19 14.09.2011 23:04:42

дёт, войско запаникует и его можно будет брать голыми руками. А потом предать смерти всех без исключения.

— Здесь думаю и решаю я, Дайчеу. — Хайду и сам бы сделал именно так, как говорит его тысячник, но не сейчас. — Времена меняются. Незачем убивать своих будущих слуг. Рынки Востока и так уже переполнены рабами. Покупателей на всех не хватает. Пусть работают здесь и исправно платят ясак. Нам нужны приведённые к клятве князья с дружинниками и пахарями. Если сопротивление будет непредсказуемо ожесточённым, заманивай дичь в капкан, ты это делать умеешь. В открытом бою побеждать всегда сложнее. — Хайду расчётливо и хладнокровно ударил по самолюбию тысячника. — И ещё, — Хайду опустил глаза, — если встретишь мальчишку — не убивай. Приведи его ко мне. Очень тебя прошу. Я кончил.

Тысяча Дайчеу, построившись в боевые порядки, плавно тронулась с места и начала разбег, чтобы через минуту обратиться в ураган, сметающий всё на своем пути. Джихангир наизусть знал каждый маневр, каждую уловку монгольской конницы. Десятки сражений сделали его сердце свободным от жалости. Но сейчас он не хотел смотреть туда, где должна вот-вот начаться бойня. Через несколько мигов первые три сотни выпустят тучу стрел и уйдут на свои фланги, затем другие три сотни сделают то же самое. Закружится карусель. Противник будет корчиться под непрекращающимся ливнем стрел. А когда боевые порядки собьются в жалкую кучу израненных, обезумевших людей, в бой пойдет тяжёлая сотня, состоящая из отпрысков богатых и знатных семей. Она-то и довершит начатое дело, пройдя по войску неприятеля, как нож в масле. Потом начнется преследование и избиение. Для этого Хайду выпустит свежую тысячу Алихи, которая на плечах противника ворвётся в город, и начнется пляска смерти. Или нет? Усталая тысяча Дайчеу не станет долго глумиться над поверженными. Таким образом, очень многие смогут спастись за стенами города. А завтра новый русский Бог, Христос, вместе с мудрым Тенгри надоумят глупых смолян вынести ключи от города и покориться судьбе. Тым-м-лях! Что это?

Неожиданно первая линия нападения споткнулась. Всадники полетели через головы коней как раз на том расстоянии от неприятеля, когда должны были засвистеть стрелы, выпускаемые их луками. Монгольское войско само стало сбиваться в кучу. Хайду увидел, что произошло: ноги коней по колено провалились в огромные, заранее вырытые ямы. Вторая линия, в свою очередь, налетела на первую и начала давить её своей массой. В полусотне шагов от столпотворения зашевелилась земная крепь, и мощные, в рост человека, хорошо замаскированные дёрном щиты поднялись, встали на ребра. Из бойниц этих щитов ударили стрелы. Зашипели, разрезая воздух, над головами пращников кожаные ремни. Воздух наполнился стонами и криками изувеченных монголов, пронзительным ржанием лошадей, хрустом и треском сокрушенных доспехов. Дайчеу был во главе тяжелой конницы, которая, не успев затормозить, врезалась в спины своих лучников. Хайду слышал, как громким рыком его тысячник пытался заставить людей подчиниться командам. Этот опытный воин не умел проигрывать сражения, не ведал, что такое бегство, только смерть могла остановить его порыв. Или приказ командира. Хайду любовался своим тысячником,

OS2'.indd 20 14.09.2011 23:04:42

одетым в сверкающие доспехи, с конским хвостом на шеломе, привставшим в стременах, словно всемогущий бог войны. Но сегодня разум и сердце младшего темника явно враждовали между собой. Как полководец, он жаждал победы, как человек — искал пути сохранения города. В противном случае ему придётся перебить не только всех взрослых мужчин, но и детей мужеского пола, переросших колесо арбы. А значит — Голяту.

Наконец бронированная сотня вытянулась копьём, на острие которого сверкал шеломом Дайчеу, и пошла, разрезая плоть своего же войска. По телам коней и боевых товарищей тысячник вывел отряд на оперативный простор. Конница развернулась во фронт и, накренив копья, ринулась на неприятеля. Это было непростительной ошибкой. Хайду в бессильном отчаянии закрыл глаза. Кричать бесполезно: сквозь шум битвы Дайчеу всё равно не услышит, что атаковать нужно клином, при этом самому оттянуться в глубину боевых построений, подальше от вражеских стрел и стали клинков. И ни в коем случае не разгоняться, а идти медленно.

Залп смоленских лучников грянул дружно, почти в упор, по не защищённым доспехами конским ногам. Били стрелами с серповидным наконечником, предназначенным для подрезания конских сухожилий. Этому руссы могли научиться только у монголов. Значит, это тот самый татарин, которого выходила мать Голяты! Тым-м-лях! Затем огромные щиты опустились, накрывая окопы со стрелками, чтобы пропустить над своей головой всадников. От былой сотни Дайчеу осталась едва ли половина. Но пока жив тысячник, пока его боевой конь хрипит, закусив удила, неся хозяина на врага, сражение нельзя считать оконченным — это Хайду отлично знал.

— Чего мы ждём, джихангир? — Алиху трясло от ярости. — Он идёт на верную смерть. Дай приказ ударить свежим силам!

— Смотри! — Хайду поморщился, словно от зубной боли.

Монгольским конникам до неприятельских шеренг оставалось несколько шагов, как вдруг смоляне по звуку сигнальной трубы развернулись и побежали. На месте сверкающих построений остались торчать врытые в землю под наклоном к врагу полутораметровые колья. Конница напоролась со всего маху и всем фронтом одновременно. Страшное ржание израненных животных заглушило шум битвы. Хайду видел, как его храбрый тысячник, перелетев через голову коня, упал на примятую траву, чудовищно подвернув ногу. От смоленского войска отделились люди с длинными топорами и стали рубить неповоротливых от тяжелой брони монголов, оказавшихся на земле. Подоспела легкая монгольская кавалерия, сумевшая оправиться от первого потрясения, и едва не угодила в ту же ловушку. Явная растерянность читалась на лицах степняков. Несколько десятков, спрыгнув с коней и обнажив клинки, кинулись отбивать своего тысячника. Но кривичи, к удивлению, не стали вступать в открытый рукопашный бой, а просто отошли под прикрытие своих щитоносцев. Четыре монгола подняли Дайчеу с земли и усадили на первую попавшуюся здоровую лошадь. Тысячник, уронив окровавленное лицо в конскую гриву, впервые в жизни отступал, показывая неприятелю спину. А со стороны смолян летели залпом пущенные стрелы и камни. Затем длинные четырёхметровые копья наклонились, и русская рать, качнувшись, пошла на врага. Кони степняков испуганно шарахнулись при виде ощетинившейся, сверкающей на осеннем

OS2'.indd 21 14.09.2011 23:04:42

солнце живой стены, которая наступала, тесня на своем пути не успевших вскочить в седла людей, давя ногами трупы убитых и тела раненых. Конь никогда не пойдет на копьё. А из-за спин русских пехотинцев продолжали лететь стрелы и камни, производя значительные опустошения в сбившейся в бесформенную толпу некогда грозной тысяче Дайчеу.

Перед глазами Хайду и его офицеров стояла ужасающая картина: обезглавленная тысяча, расколовшаяся на отдельные кучки, обезумев, носилась по полю, тщетно пытаясь соединиться в боевые порядки. То тут, то там приподнимались на рёбра щиты, покрытые дёрном, и лучники били и били в цель хладнокровно, с ожесточённым азартом. Два десятка личных телохранителей Дайчеу, построившись клином, в центре которого находился раненый тысячник, пробивались сквозь толпы своих же всадников к штабу.

Напрасно Алиха умолял своего джихангира рвануться в атаку на выручку товарищей. Хайду был глух. Смоляне почувствовали свою силу и теперь вряд ли отдадут преимущество. Младший темник понимал: брось он в бой свежую тысячу Алихи — потери в монгольском войске вырастут вдвое. Нет. Противник тщательно подготовил засаду, хорошо спланировал тактико-стратегические действия. Это поле сегодня за ним. Видя, что воины Дайчеу явно не знают, что делать, оставшись без предводителя, младший темник встал в стременах и скрестил руки над головой, что означало: отступать. Изрядно поредевшая тысяча обратилась в бегство. Всадники взлетали на холм и проносились мимо своего главнокомандующего, как бы ища спасения за его спиной. Их не преследовали, хотя отряд смоленской конницы показался на опушке ближнего леса. Хайду показал рукой в их сторону и кивнул Алихе. Тот понял, чего боялся джихангир. Вступи он в бой, и руссы ударили бы в бок своей конницей.

Тысячу Дайчеу провожали насмешками и бранью, стрелами и камнями. Хайду знал, почему руссы не бросились в погоню очертя голову: им хорошо известен численный состав, и они достаточно скрупулёзно изучили тактику врага. Просто так заманить их под мечи и стрелы свежих четырёх тысяч не получится.

Когда последний монгольский воин перевалил холм, на котором находилась ставка Хайду, смоляне откатились на свои прежние позиции и снова сомкнули щиты. Степной генерал дал знак своим офицерам, чтобы те оставили его, а сам в оцепеневшем состоянии продолжал вглядываться в боевые порядки неприятеля — он искал глазами того, кто посмел бросить вызов касте завоевателей, избранникам самого Тенгри. Наконец взгляд наткнулся на человека, одетого в доспехи ромейского образца: шлем с красным султаном, сплошной металлический панцирь, кольчужная юбка до колен, ноги ниже колен прикрыты поножами, на руках от кисти до локтя горели на солнце чеканные наручи, правая кисть прикрыта чешуйчатой маникой. Человек стоял, опираясь на короткое копье с толстым древком, короткий алый плащ бугрился за спиной от ветра, волнистая темно-русая с проседью борода падала водопадом на широкую грудь. Иссиня-чёрный конь возвышался за правым плечом и стриг ушами порывы холодного ветра.

— Так вот ты какой! — Хайду выдохнул вслух эту фразу без гнева и ярости, а с тоном неприкрытого восхищения. — Слава Тенгри! Он нашёл для меня хоро-

OS2'.indd 22 14.09.2011 23:04:42

шего соперника. Теперь никто не скажет, что джихангир Хайду привёл к покорности толпу плохо вооружённых мужиков с полей. Мой клинок напьётся твоей крови!

Младший темник ещё какое-то время наблюдал за тем, как человек в алом плаще и ромейских доспехах отдавал приказания, инструктировал младших командиров, не удостаивая взглядом одинокого всадника на противоположном холме. Затем несильно сжал коленями ребра Ордоса, дёрнул узду и, развернувшись, неторопливо спустился с холма к своему войску, уступая место похоронной команде, состоящей из куманов.

Могильщики поднялись на холм, и толмач выкрикнул, что они хотят похоронить убитых. В лагере кривичей несколько минут совещались, а затем первые две шеренги положили щиты на землю и рассеялись по месту битвы. Остальные остались стоять в полной боевой готовности. Во всем этом прочитывалось недоверие и осторожность. О коварстве степняков здесь знали хорошо. Руссы деловито вытряхивали убитых монголов из кольчуг, сдирали с голов шлемы и малахаи, собирали стрелы, торчащие ежами из земли, грузили на телегу сабли, мечи, копья, ловили коней, добивали раненых. Никакого шума и суеты. Быстрая и чёткая работа, словно занимались ей всю жизнь. Когда победители забрали всё, что посчитали нужным, и воины вновь заняли места в строю, от смоленского войска отделился невысокого роста человек на кривых ногах и на чистом монгольском языке выкрикнул куманам, что те могут забирать убитых.

Хайду уводил полтумена подальше от места проигранной битвы. Движение продолжали до самых сумерек. Тяжелогружёные арбы с телами раненых и убитых жалобно скрипели на ухабах и рытвинах раскисших от непогоды дорог. Когда ночная изморозь стала оседать на доспехи и гривы коней, генерал поднял правую руку над головой, давая знак остановиться и спешиться. Хайду приказал разбить лагерь правильным треугольником, остриё которого должно быть направлено на запад. Когда костры лагеря вспыхнут, воины ощутят себя частью огромного наконечника стрелы, выпущенной луком Тенгри, и к ним вернутся силы и уверенность. Они снова станут единым целым. Каждый со своего места будет видеть сужающийся наконечник, глубоко вошедший в тело чужой, холодной ночи. Страх покинет их сердца, на место неуверенности придет спокойствие. Точильный камень, сжатый твёрдой рукой, будет скользить по металлу, возвращая тому бритвенную остроту и ровность. Это одна из самых чудесных песен в мире, песня клинка и камня.

Убитых предали земле, а раненых положили рядами прямо под открытым небом на войлоке, чтобы китайский врач Чжой-линь мог со своими помощниками приступить к работе. Вдоль рядов, через каждые пару шагов, горели факелы, которые не только служили освещёнием, но ещё и отгоняли злых духов. Если в теле есть брешь, значит в него может проникнуть разрушительная сила. Нижнее бельё из мокрого шёлка спасло многих. Врачу достаточно было потянуть за ткань, чтобы извлечь застрявший наконечник. При ударе такая ткань не рвалась, а вминалась в плоть, спасая от проникающих ран и последующих заражений крови. Но были и очень серьёзные, смертельные увечья, тогда Чжой-линь глубоко вздыхал и разводил руками, а шаман, потрясая бубном, посылал Вечному Синему Небу протяжный, надрывный вой. Ибо знаний о человеческом теле не всегда достаточно,

OS2'.indd 23 14.09.2011 23:04:43

чтобы поставить больного на ноги. Вот тогда с потусторонними силами вступают в контакт те, кто умеют искать порталы в другие миры.

Хайду думал о Дайчеу. По законам войны, тысяча, потерявшая свой главный кулак — бронированную сотню, должна быть расформирована по другим подразделениям, а сам тысячник, в лучшем случае, понижался до звания сотника или десятника, в худшем — до рядового воина или принимал смерть. Тонкий голубой дымок поднимался к отверстию юрты от слабо горящих веток. Тёмные узловатые руки держали пиалу с кумысом, но уста оставались сухими. Джихангир напоминал каменное изваяние, и, если бы не глаза, отражающие языки пламени, его можно было принять за мумию, застывшую в позе лотоса. С большим трудом стряхнув наконец оцепенение, Хайду встал и, развязав боковые ремни, отбросил в сторону хутангу-дегель. Накинув на плечи длинный синий чапан, откинул полог юрты и направился туда, откуда неслись стоны раненых, чтобы отыскать Дайчеу.

Он увидел тысячника в тот момент, когда тот, закусив косу, терпел боль от рук Чжой-линя, вправлявшего суставы ноги. Половину лица Дайчеу закрывала корка запёкшейся крови, другая половина была бледна, как русский саван. Подождав, когда врач кончит, Хайду уронил:

— Это я, Дайчеу. Ты слышишь меня?

— Ты пришёл взглянуть ещё раз на мое унижение и мою боль? Я сам слагаю с себя звание тысячника и отдаю железные доспехи. Я покорен, Хайду, — Дайчеу говорил изменившимся до неузнаваемости хриплым голосом, словно телом его уже овладел костлявый дух вечной ночи.

— Ты знаешь закон, тысячник, — голос Хайду был бесстрастен. — Но прежде я хочу справиться о твоих ранах. Чжой-линь...

— Не надо. Пусть он уйдёт, я хочу, чтобы мы остались вдвоём.

Хайду движением пальцев от запястья отпустил Чжой-линя, и тот, согнувшись напополам, спиной попятился в темноту.

— Ты помнишь Хорезм, Дайчеу? Мы с тобой были тогда молодыми и удачливыми сотниками, и ты спас меня от клинков всадников Джелаля. Потом мы вернулись в степь, и оба полюбили одну девушку, которая ответила тебе взаимностью и родила впоследствии двух сыновей. Зато немного погодя судьба возвысила меня: я раньше тебя стал тысячником, а потом джихангиром. Каждому своё. Но спроси меня сейчас: что бы я выбрал? Я бы захотел оказаться на твоём месте. Ты счастлив, потому что твои сыновья носят черты своего отца, у них те же повадки и та же удаль. Тебя в белой юрте ждет любимая женщина, для которой важно, чтобы ты вернулся, а вернёшься ты целым или израненным — этот вопрос для неё далеко не на первом месте. Ты создал свой мир, Дайчеу, имя которому — семейный очаг. Чего у меня никогда не было и вряд ли уже будет. Всю свою энергию я тратил на военные походы, а не на любовь, не на сохранение рода. И теперь я одинок, как высохшее дерево посреди Гоби. Я хочу выразить тебе благодарность за сегодняшний бой, как и за все другие, — Хайду низко, почти до земли, согнулся в поклоне.

— Сегодня был самый чёрный день в моей жизни. Спасибо тебе, Хайду, за то, что ты пришёл поддержать меня. Со мной всё кончено. Вопреки разуму, ты

OS2'.indd 24 14.09.2011 23:04:43

бросил мою тысячу на верную погибель. Не хочу искать дурных мотивов в твоих действиях. Пусть это останется на твоей совести. Был ли твой поступок неосознанной местью или это просто промах военачальника — решать не мне, а Вечному Синему Небу. Я свой долг выполнил. А теперь о другом. Чжой-линь сказал, что правая рука моя раздроблена в нескольких местах и скоро высохнет. Я вряд ли когда-нибудь сожму меч. Не хочу хромым, опозоренным, одноруким калекой вернуться домой. Помнишь Саади: «Всяк вольный уедет, и, сердце скрепив, останется раб средь запущенных нив». Как мне хотелось, чтобы мои сыновья прокладывали себе жизненный путь не мечом, а знаниями, учились в Багдадском «Низамийэ». А теперь? Соседи начнут смеяться и показывать пальцем, а мои сыновья застесняются меня. Позволь мне благородно расстаться с жизнью и устремиться в чертоги Вечного Синего Неба.

— Ты напрасно рисуешь свою будущую жизнь чёрными красками. Да, на тебе не будет сверкающих доспехов, и ты будешь носить чапан мирного человека, но от этого дети не станут меньше любить тебя, ведь ты давно уже сделал свою семью богатой скотом и юртами. Ты дашь им образование в твоём любимом Багдаде. Один из них станет звездочётом, другой врачом, как ты всегда мечтал. И сам переселишься поближе к чайханам, мечетям с крикливыми муэдзинами, будешь наслаждаться роскошью, читать мудрые книги и участвовать в научных диспутах. У твоих сыновей достаточно средств для выкупа любой невесты. К тому же через несколько дней я всё равно приведу Смоленск к покорности, и свет этой победы затмит легкую тень неудачи.

— Да, но это будет твоя победа. После неё ты станешь темником: Бату-хан любит тебя. Нет, брат мой Хайду, не отговаривай. Пусть мои дети знают, что их отец умер настоящим нойоном. Только об одном прошу: не говори, что я выжил в бою и попросил смерти. Ведь если джихангир захочет, то ни один свидетель не проболтает некрасивую правду о том, как погиб тысячник Дайчеу. И ещё: пощади сотников. Они дрались, как могли. Их вины нет в том, что руссы оказались сильнее.

— Хорошо, я сохраню им жизнь, но разжалую до простых воинов и брошу в бой первыми. Это все, что я могу сделать.

— Благодарю тебя. Ты позволишь мне уйти по-монгольски? — Глаза Дайчеу сверкнули в лунном свете так, что у Хайду шевельнулся комок под горлом. Умереть по-монгольски значило не пролить собственной крови. Кровь — это душа, принадлежащая Вечному Синему Небу и великому императору вселенной — богу Тенгри.

— Ты мой айньда, значит, последняя воля твоя — это закон для меня. Прощай, — Хайду наклонился над тысячником, коснулся своим лбом лба раненого и, отвернувшись, быстро зашагал к своей юрте.

Четыре воина взялись за углы войлока, на котором лежал тысячник, и понесли во мрак сгустившейся ночи. За широкими подолами елей Дайчеу положили спиной поперек бревна, и, прежде чем услышать сухой треск своего сломанного хребта, тысячник увидел качнувшуюся в русском ночном небе луну, полнота которой, вопреки предсказаниям шамана, не принесла удачу первой монгольской тысяче под стенами Смоленска.

Весь остаток ночи Хайду не сомкнул глаз. Безбородый джихангир напоминал угрюмую старую женщину, согнувшуюся под ярмом непосильной ноши. Он смотрел

OS2'.indd 25 14.09.2011 23:04:43

на танцующий огонь и видел в жёлтых языках пламени человека в алом плаще, который спокойно смотрел на него, и в больших серо-голубых глазах читалось печальное, трагическое спокойствие, без тени ненависти. Так смотрят только опытные военачальники, свободные от плена разрушительных эмоций. Командир прославленного полутумена мысленно спрашивал видение: «Зачем, зачем ты сопротивляешься мне? Твой город обречён, и сам ты погибнешь, ибо нет силы, которая может в данную эпоху остановить монгола. Если ты сможешь победить меня, то на смену мне придет сам Батый, и тогда пощады не жди. Если каким-то чудом сможешь остановить Батыя, то верховный каган Мунке вышлет такое войско, что ни одной пяди земли на расстоянии многих тысяч локтей не останется не вспаханной копытом степного коня. Ты ведь прекрасно это понимаешь. Тогда: зачем? Я благодарен Тенгри, что обрёл наконец настоящего соперника, только так дух воина может приблизиться к заветным чертогам Вечного Синего Неба. Мальчишка сказал, что карать можно и в любви, так знай: я люблю тебя и хочу встретиться с тобой, но нам никто не должен помешать. Ты слышишь меня? Никто. Я принял решение, прими и ты. Я буду ждать тебя на своём белом Ордосе в сверкающих на солнце доспехах, выбор оружия предоставлю тебе, а хочешь, будем драться произвольным оружием: кто какому лучше обучен, только не проси меня спешиваться — это, пожалуй, мое единственное желание. Итак, я жду поединка!» Хайду стало вдруг необычайно легко, словно тяжёлый камень покинул наконец сердце и позволил дышать всей грудью. Он встал и заходил по юрте вокруг танцующего пламени. Окрылённый дух бился, хлопал крыльями в распрямившемся теле — долгожданный час, ради которого мужчина рождается, живёт и умирает, приближался.

Глава 2

В древности те, кто были способны к учёности, знали мельчайшие и тончайшие вещи. Но другим их глубина неведома. Поскольку она неведома, вот их описание. Они были робкими, как будто переходили зимой поток, они были нерешительными, как будто боялись своих соседей, они были важными, как гости, они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были простыми, подобно неотделанному дереву; они были необъятными подобно долине; они были непроницаемыми, подобно мутной воде. Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым. Это были те, которые своим умением сделать долговечное движение спокойным содействовали жизни.
(Дао Дэ Цзин, книга первая, стих пятнадцатый)

Тысяцкий Меркурий не стал отводить войско к Смоленску, а, продвинувшись вперёд, приказал разбить лагерь на склоне того самого холма, с которого совсем недавно вёл наблюдение монгольский джихангир, напротив наведённых неприятелем переправ через овраг, сочтя нужным лишь с гонцом послать весть о первой победе. Слишком рано было ещё готовиться к триумфальному шествию по мостовым города.

Голята справился с непростым заданием, приведя монголов туда, где всё было готово к встрече непрошеных гостей.

В начале лета толпа оборванных, тощих рязанцев подошла к городским воротам и попросила защиты и крова. Для решения их вопроса собрали вече. Представители

OS2'.indd 26 14.09.2011 23:04:43

зажиточного класса по большей части настаивали на том, чтобы отправить рязанцев обратно под бунчуки их новых хозяев и не накликать беды. Ремесленный люд раскололся надвое. Зато городская беднота и посадские вступились за обездоленных. Шумели долго, но до драки, как случалось нередко на вечевых сходах, слава Богу, дело не дошло. Рязанцев взяли к себе посадские, переломив в споре зажиточных коренников и враждебно настроенных ремесленников.

Среди беглых был отрок Андрейко, сразу же прозванный смолянами Голятой, так как на нем практически совсем не было одежды. Тысяцкий объявил мальчика приёмным сыном. Дом сорокалетнего мужчины наполнился иной осмысленностью бытия, а главное, что жена Вита обрела утешение.

Прошло почти двадцать лет с тех пор, как молодой крестоносец, брат монашеского ордена тамплиеров, осел в Смоленске. Объявленный персоной нон грата католическим престолом за то, что отказался принимать участие в сожжении деревень сербских схизматиков, проклятый братьями ордена, лишённый наследства, Меркурий встал на путь вольных виконтов и вскоре предложил свой меч смоленскому князю. Его взяли на службу. Дела у Смоленска шли плохо: с запада литовцы совершали набеги на пограничные земли, проявляя крайнюю свирепость и назойливость; с востока налетали половецкие банды. Несколько раз древний город оказывался в осаде, то у тех, то у других. Внутри не было единоверия: язычники дрались с христианами люто, порой переходя от кулаков к топорам и вилам. Своих воевод не любили, дружинников считали захребетниками. Нужен был кто-то сильный, желательно со стороны, беспристрастный и знающий военное дело. Смоленский князь почувствовал в молодом, но уже обветренном боями, рыцаре-католике своё спасение и сразу доверил малую дружину, с которой Меркурий трижды сходил на Литву и заставил неприятеля просить мира. Литвины не только поклялись не воевать со Смоленском, но ещё предложили Меркурию взять в жёны католичку Виту, дочь одного богатого и знатного воина. Свадьба была большой и шумной. Столы накрывали прямо в поле. Кривичи и литвины братались, пили из одного кубка, пели одни песни. Князь возвысил бывшего крестоносца до тысяцкого и повелел командовать войском. Но вскоре судьба показала бывшему крестоносцу свой страшный оскал: первый сын умер в родах, второго унесла хворь на десятом году жизни, третьего, почти достигшего совершеннолетия, не уберегли во время половодья.

Скоро Голята поправился, окреп и стал незаменимым помощником в доме тысяцкого. Монгол Илха, друг Голяты, пришедший вместе с ним, захотел принять монашеский постриг. По вечерам, после тяжёлого трудового дня, Голята и Илха садились в беседке перед домом и в живом общении учились друг у друга языковым премудростям. Голята, обладая цепкой памятью, схватывал на лету, буквально заглатывал знания, с каждым днем становясь всё более свободным носителем чужой языковой культуры. Илха тоже не был тугодумен. За несколько месяцев они продвинулись настолько, что могли на бытовом уровне обходиться без запинок и дополнительных пояснений.

В конце сентября того же года весть о приближении татар громовым раскатом пронеслась по смоленскому краю. Илха одним из первых попросился в ополчение, его знания о монгольской такти-

OS2'.indd 27 14.09.2011 23:04:43

ке ведения боя оказались бесценными. Меркурий назначил монгола командовать стрелками и пращниками.

Какое-то время смоленская чаша весов колебалась между войной и миром: народное вече и боярская дума не могли решить, принять ли сражение или открыть ворота. В довершение ко всему князя хватил удар, лишивший больного речи и движения в членах. Меркурий выступал на стороне меча: рождённый в далекой римской области, в семье воина-наемника, он с ранних лет слышал, что такое доблесть и отвага. Когда слухи о неведомых доселе степняках переросли в реальную угрозу, он, никогда не повышающий голоса и во многом за счет этого умевший брать верх в любом споре, лично ходил по ремесленной части города и призывал на открытую борьбу. Особенно хорошо его поддержали сапожники и кожевенники, сдержанно согласились кузнецы и каменщики, против выступили перчаточники и калашники, но те и другие оказались в явном меньшинстве — смоляне ещё очень хорошо помнили ратные подвиги бывшего виконта. И вот с середины октября смоленская рать стала выходить на тренировочные занятия: учились держать строй, одновременно выпускать стрелы и камни, дружно наступать и откатываться. На кузнечной улице не смолкали молотки, шумно гудели меха. На кожевенной изготавливались кожаные доспехи для простых ратников. На сапожной — шилась специальная обувь, в которой воин должен уверенно себя чувствовать на скользкой поверхности.

Меркурий, скрепя сердце, благословил Голяту, вызвавшегося пройти по лезвию судьбы. Задача была немыслимо сложная, но с ней мог справиться только один человек — его приемный сын.

В конце ноября орда степняков численностью в пять тысяч всадников вышла на дальние подступы и двинулась к заранее подготовленному полю. А в последнюю ночь накануне сражения в русский стан пришёл еле державшийся на ногах разведчик Голята. Меркурий еле сдержался, чтобы не закричать от радости. Он тут же хотел отправить сына в Смоленск под прикрытие стен, но тот, насупившись, отказался, сказав, что вполне заслуживает увидеть с высоты холма сражение.

Благодаря тому, что Голяте удалось втереться в доверие к монголам, перехитрить и заманить их в ловушку, смоляне одержали сокрушительную победу практически без потерь. Илхе было присвоено звание сотника, но тот отнёсся к этому событию совершенно спокойно, так как считал с недавних пор своим призванием монастырскую келью и, только испытывая необходимость, взял в руки оружие, чтобы защитить веру Православную.

Голята, вскочив на вороного жеребца, злого и сильного, как северный ветер, понёс весть о победе в город. Горожане, напряжённо вглядывавшиеся с крепостных стен вдаль, увидев всадника со стягом, на котором был изображен Георгий, поняли, что победа одержана. На Свирской и Петропавловской ударили колокола: звон досягнул до русского стана и до ушей отступавших монголов. Вита, гордая и прямая, как свеча, шла, держась за конское стремя, рядом с приёмным сыном. Голята объехал каждую улицу, каждый переулок, крича в распахнутые окна: «Победа! Победа!», — и только после захода солнца, увидев наконец дом, повалился с коня на руки подоспевших домочадцев и впал в сильнейший жар.

— Хорошие сегодня звезды, воевода, как

OS2'.indd 28 14.09.2011 23:04:43

и сегодняшняя победа, негромко сказал Илха, подходя к костру, потирая стынущие руки. — Завтра будет ясный день.

— Не мешало бы сделать его чёрным для татар, — вместо Меркурия отозвался сотник Валун, командовавший княжескими гриднями.

— Я сожалею, что ещё очень много врагов смотрят на наши звёзды, — глухо и, как всегда, негромко выдохнул Меркурий. Илха, что за дикий обычай рубить руки, да ещё несмышлёному ребенку?

— Это моя вина. Я должен был объяснить, что можно, а что нет. В войске джихангира Хайду находится известный китайский врач Чжой-линь. Он знает, как отвести заражение, — как всегда, уклончиво ответил монгол.

— Много ли китайцев в монгольском войске?

— Немало. Все осадные и полевые орудия обслуживают они, медицина тоже на них. За прямые поставки мокрого шёлка отвечают китайские вожатые. Скоро планируется реорганизация войска: собираются ввести пешие подразделения. А научать — кто? Опять же китайские военные.

— Руку уже не вернёшь, — Валун словно не слышал, что тема разговора поменялась. Продолжая жевать длинный седой ус, сотник теребил веткой костёр. — О чём смыслишь, Мер?

— Смотрю на огонь и вижу их вождя: верхом на белом коне, точно врытом в землю. Сдаётся мне, он глазами искал меня. Почему он поступил не как опытный полководец? Обладая численным перевесом, он мог легко направить тысячу, а то и две, к городу и начать осаду, а сам с остальной частью начать боевые действия с нами. Не похож человек на белом коне на неопытного зайца, который при виде первой неудачи сразу же дает задний ход. Вообще сражение могло получиться очень кровопролитным.

— Вот ты сам и ответил, — Илха придвинулся поближе к костру. — А ещё на войне можно легко сводить счеты и устранять соперников. Видя, насколько ты подготовился, он поостерёгся, а вдруг у тебя ещё несколько сюрпризов. К тому же конница по такой местности маневрировать легко не сможет. Скорее сражение распадётся на отдельные участки, а это гибель воинов и изматывание сил. Хайду — искусный воин, бывший раб, оказавшийся рядом с вершинами военной власти. Он наверняка хочет маленькими потерями привести Смоленск к покорности. Он либо готовит коварный удар, либо ищет возможность подкупа, либо думает, как уничтожить главного.

Меркурий встал и, разминая затёкшие ноги, отошёл в темноту.

— Илха, — негромко позвал он.

Монгол распрямился из позы лотоса, готовый на кривых ногах подойти к воеводе, но, с сожалением посмотрев на костёр, спросил, стоя на месте:

— Воевода хочет увидеть монгольский стан?

— Ты умеешь читать мысли, Илха. Как думаешь, далеко ли они отошли?

— Думаю, что нет. Ты позволил им забрать убитых и раненых, значит, арбы тяжелы. До них должно быть не более двух часов рысью.

— Валун, твои конники сегодня не участвовали в бою. Дай им пять часов отдыха, и пусть пребывают в готовности. И ещё — будет нужна малая дружина. Да, нам тоже подготовь свежих коней.

— Зачем воевода хочет взять пеших? — монгол смотрел на Меркурия с удивлением, к которому примешивалось без-

OS2'.indd 29 14.09.2011 23:04:43

мерное уважение.
— Сотня конницы — это гридни, а другую посадим на крупы коней.
— Вай, мудрейший Меркурий. Будет очень тяжело уходить от погони.
— По ночному лесу нетрудно. Как мне известно, монгол боится леса до судорог. Так, Илха? В седло!
Два всадника по следам монгольского войска, отчетливо чернеющим в свете луны, поскакали, держа курс на северо-восток. Ледяная ноябрьская изморозь оседала на металл и кожу доспехов, изо рта коней валил густыми клубами голубой пар. Но ни лошади, ни всадники не ощущали холода. Стояла прекрасная осенняя ночь, крепкая и прозрачная, словно вода в омуте. Когда в небе заалели отсветы костров, Меркурий и Илха спешились, привязали коней и крадучись стали взбираться на холм. Скоро оказались на самой вершине, и перед их глазами открылся монгольский лагерь, расположенный в виде огромного горящего наконечника стрелы. У тысяцкого холодок пробежал по спине:
— Я такого ещё не видел никогда!
— Хайду поднимает боевой дух воинам. Такой лагерь атаковать сложно, мой воевода. Воины слишком возбуждены, и сон их чуток. К тому же, врач с помощниками не сомкнут глаз, шаманы не сомкнут глаз, и сам Хайду будет бодрствовать.
— Другой ночи у нас не будет. Они оправятся и выбросят всю ненависть. А их пока слишком много. Численный перевес может стать решающим преимуществом. Нужно измотать, обескровить и желательно уничтожить командующего. Тогда — победа. Если не получится — главного, то хотя бы дотянуться до тысячников и сотников.
— Это очень непросто. Никто не знает, где и когда спит Хайду, он может спать на войлоке под открытым небом или в палатке простого воина, а может всю ночь просидеть в позе лотоса в своей красивой белой юрте. Вокруг него всегда сотня испытанных нукеров, которые лягут костьми за джихангира. С тысячниками тоже не просто, к каждому приставлено до полусотни нукеров, и каждый из них владеет клинком не хуже самого Тенгри.
— Ладно, Илха. Лучше просвети, как укреплён лагерь?
— Защитой служит обычно двойной ряд плотно сдвинутых телег. Простые лучники и беднота, вроде меня, размещаются на ночь почти на границе лагеря, у самых телег. Они первыми отбивают приступ. Внутри сооружается ещё один заслон, из щитов, и идет кольцами вокруг ставок тысячников. В центре бунчук самого джихангира. Лошади и прочий скот стоят просто в поле, иногда в загоне. Боевые кони тяжелой конницы и командиров от десятников до тысячников находятся в основном лагере.
— Хм. Значит нападать на табуны нет смысла. Только шуму бесполезного наделаем.
— То верно говоришь. К тому же коней охраняют опытные пастухи и собаки. Да и любой монгольский конь будет искать хозяина. Если даже из двадцати тысяч перебить половину, то другая половина все равно вернется под седло. Монгол в дальний поход идет опятиконь. Попробуй осиль такую прорву.
— А тягловая сила?
— Волы тоже бешеные, слушаются только хозяев. Чужого топтать начнут. Иногда этих животных монголы пускают на вражеских пехотинцев. Их ничего не берёт, ни стрела, ни клинок. Не стоит ночью нападать, воевода!
— А мы ночью и не будем, Илха. Напа-

OS2'.indd 30 14.09.2011 23:04:44

дем под утро, перед самым рассветом, когда караульные устанут, а шаманы и лекари пойдут отдыхать.

— Вах. Кто это? — Хайду, вжавшись в мерзлую землю, ошалело смотрел на лунную дорожку, которая упиралась в опушку леса.

От чащи в сторону распластавшихся на земле Меркурия и Илхи медленно ехал всадник. Лось под ним важно перебирал сухими ногами и в такт шагам покачивал тяжёлой рогатой головой. Страшный топор на длинном, в полтора человеческих роста, ратовище горел тусклым огнем в лунном свете. Две длинные толстые седые косы падали от висков на грудь и терялись в темноте. Всадник и лось, слившись воедино, были похожи на призрак из древних сказок народа, который жил на берегу Днепра задолго до прихода словен и кривичей. Обрывки тех сказаний в некоторых глухих деревнях и в лесных хуторах приходилось слышать и Меркурию. Но сам он никогда не видел Измора, потомка Ишуты, превратившегося из змия в человека и ставшего лесным волхвом. Да и вообще мало верил в лесную нечисть. Из всего услышанного он запомнил хорошо только одно: Измор приходит к тому, кого он сам выбрал. Всадник ехал по холму, не хоронясь, не понукая животное, держась на его спине прямо. Илха зарылся лицом в траву и отрывистым шёпотом читал молитвы. Меркурий смотрел завороженно на поросшее бровями чуть ли не до усов и испещрённое глубокими морщинами лицо. Всадник поравнялся с лежащими, оказавшись в каких-нибудь пяти шагах, пристально посмотрел на Меркурия темными омутами глаз и резко ударил тупым концом ратовища о землю. Лось взревел так, что с деревьев посыпали с неистовым граем вороны.

Глава 3

Вся до капли дремучая сила
Сечей выпита. Мир — просторам.
За обиду степь заплатила.
На червлёный щит брешет ворон.

Если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то, вижу я, он не достигает своей цели. Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться. Если кто-нибудь тронет его, то потерпит неудачу. Если кто-нибудь схватит его, то его потеряют. Поэтому одни существа идут, другие высыхают; одни укрепляются, другие слабеют; одни создаются, другие разрушаются.
(Дао Дэ Цзин, книга первая, стих двадцать девятый)

В четвёртом часу утра смоленский отряд из двухсот человек выдвинулся на встречу с врагом. Ещё на дальних подступах к татарскому лагерю Меркурий приказал спешиться и обмотать копыта коней рогожей. Кривичи шли через глухой лес почти бесшумно. Лишь изредка под ногой воина или копытом коня сухо ломался сучок, и тогда воевода бросал резкий, напряжённый взгляд туда, откуда доносился шум. Различать в темноте лица было невозможно из-за того, что луна, хоть и полная, во второй половине ночи почти все время скрывалась за тяжёлыми набухшими тучами. Иногда Меркурию начинало казаться, что он ведет в бой не живых людей, а отряд теней, восставших, нагрянувших из потустороннего мира.

Конная сотня — княжеские гридни, экипированная по образцу своего времени: кольчуги, длинные обоюдоострые мечи, вытянутые яйцом шлемы, двухметровые

OS2'.indd 31 14.09.2011 23:04:44

копья, круглые щиты, у некоторых приторочена к седлу булава.

Вторая сотня, посаженная на крупы коней, и есть та самая малая дружина, с которой тысяцкий ходил на Литву. Враги их называли «волками», за волчьи шапки, одетые поверх бармиц. Вооружение и доспехи для этих воинов изготавливались по индивидуальным заказам. В обычном строю с другими ратниками эти воины составляли центральный тяжело бронированный кулак войска и располагались в глубине, ближе к княжескому стягу. На ночные операции ходили в облегчённых доспехах, чаще в кожаных, чтобы производить меньше шума, при этом щиты не брали, в одной руке — короткое копье, в другой боевой топор на средней рукояти. Руки защищены наручами и маниками, оснащёнными шипами, ноги — такими же поножами. На поясе — длинный кинжал, одна сторона лезвия в крупных зазубринах, для нанесения рваных ран, другая — отточенная и гладкая. За правым плечом в чехле находится комплект метательных ножей — «муж и жено» — как любовно называли дружинники; такой нож имел два клинка, по сути железный штырь с двумя остриями — страшное оружие в руках натренированного человека. За левым плечом — кистень — многофункциональное оружие, особенно в нестандартных ситуациях.

Смоленский военачальник всерьёз размышлял над словами Илхи о том, что Бог создал мир не одномерным, как мы его видим, а многомерным и что души тех, кто покинул бренную плоть, сейчас с высоты взирают на живущих и, если надо, помогают одним и карают других. Какое странное соединение монгольского шаманизма с русским православием!

Меркурий не видел лица Илхи, но чувствовал, как тот дышит ему в плечо, даже сквозь панцирную сетку. Рядом с бывшим крестоносцем монгол казался чуть ли не карликом, так как был ниже на полторы головы и вдобавок вдвое меньше в плечах, но в силе его цепких пальцев минувшим днём убедилось все русское войско. Илха выпускал стрелы из своего составного рогового лука в три раза чаще, чем любой самый искусный русский стрелок, вдобавок мог поразить цель на расстоянии в триста шагов, тогда как другие лучники могли стрелять прицельно максимум на сто-сто пятьдесят шагов. Зная преимущества степных луков перед русскими, Меркурий и приказал вырыть специальные ямы-окопы и замаскировать дёрном, чтобы сократить расстояние до противника и получить возможность атаковать неожиданно. В древних книгах, будучи ещё совсем ребенком, он читал, что подобную тактику использовали древние германцы против римских легионов. Из рассказов Илхи Меркурий узнал также, что баллисты, таранные орудия, камнемёты, огнемёты, метающие кувшины, начинённые порохом, монголы получили, завоевав Китай. Там же завербовали целителей и инженеров. Сокрушив Самаркандское шахство, степняки заставили работать на свою армию лучших кузнецов и конезаводчиков, таким образом появилась тяжёлая конница, закованная в труднопробиваемую броню и вооружённая дамасскими клинками. Все без исключения монгольские воины имели нательное бельё из мокрого шёлка, — первый антисептик — которое разрубить в бою мечом или пробить стрелой крайне трудно. Ткань вминается в плоть вместе с наконечником или клинком, но не прорывается, поэтому

OS2'.indd 32 14.09.2011 23:04:44

человек защищен от загрязнения раны и быстро возвращается в строй. Поверх нательного белья тяжеловооружённый всадник одевал шерстяной чапан, затем кожаный доспех и железную кольчужную сетку или панцирь, сделанный из металлических полосок шириной в ладонь, на голове шлем с шишаком, иногда оснащённый забралом, шея защищена толстым кожаным воротом или железной сеткой. На ногах сверкали поножи. Кони, участвовавшие в бою, тоже имели броню: грудь защищал доспех из стальных пластинок, а вся часть от шеи до крупа была покрыта толстой дублёной кожей, только ноги коней оставались открытыми, но попасть по ним и нанести ранение можно только с очень близкого расстояния. У самих монголов имелись стрелы с серповидными наконечниками, чтобы подрезать жилы вражеским коням. По мнению Илхи, шея и горло были самыми слабыми местами в экипировке степных завоевателей. Именно в горло направлял свои стрелы бывший монгольский табунщик. Именно в горло учил стрелять он смолян на тренировочных занятиях. А пешие ратники учились наносить удары по шеям и головам.

Лёгкая кавалерия монгольского войска состояла в основном из выходцев из небогатых семей, а зачастую и вовсе из слуг и представителей покорённых племен. Доспехи были, в лучшем случае, кожаные, голова покрывалась меховой шапкой. Только у отдельных воинов, как правило, у десятников, имелись наручи и поножи. Каждый легковооружённый кавалерист имел три полных колчана стрел с разными наконечниками, составной роговый лук, копьё, дополнительно оснащённое на конце крюком для стаскивания противника с лошади, волосяной аркан, которым степняки владели в совершенстве, и длинный кинжал. Каждый лучник в минуту выпускал до шестидесяти стрел на полном скаку. Именно лёгкая конница первой вступала в бой: осыпая боевые порядки неприятеля стрелами, она затем уходила на фланги, образуя, таким образом, подвижные фланговые крылья, задача которых, в первую очередь, состояла в том, чтобы не дать окружить сопернику своё войско. А во вторую, при непосредственном столкновении обхватить двумя дугами тело вражеского войска, продолжая осыпать стрелами. Потом в бой выдвигалась тяжёлая конница, которая окончательно сминала и уничтожала боевые построения и обращала врага в бегство. Но за спинами тяжеловооружённых конников опять же находились стрелки, льющие поверх голов нескончаемые потоки стрел. Если по каким-то причинам легкая конница обращалась в беспорядочное бегство, то тяжеловооружённая становилась заградотрядом, но это происходило в крайне редких случаях, так как дисциплина в монгольском войске была необыкновенно высока. В случае бегства с поля боя от одного до десяти человек, казни подвергался весь десяток, а в случае от десяти и более — наказывалась вся сотня. Если враг был искушённым в тактике и под первым ливнем смертоносных стрел устоял, то всё монгольское войско разворачивалось и делало вид, что убегает, заманивая в засады. Несмотря на определённую и достаточно жёсткую кастовость в орде, человек незнатного происхождения, но проявивший на войне незаурядные способности, мог всё же добраться до некоторых вершин власти, как в случае с Субудэй-багатуром, сыном бедного куз-

OS2'.indd 33 14.09.2011 23:04:44

неца, который при Чингисхане стал одним из видных полководцев.

Илхе едва исполнилось восемь лет, когда отец отдал мальчика в услужение богатому нойону Кункурату из колена Дунга. Кункурат дал Наганю, отцу Илхи, за это четыре козы и хромую лошадь. Отец очень благодарил нойона, называл благодетелем и плакал от радости, говоря, что теперь его семья не умрёт с голоду и что великий воин Кункурат может владеть его сыном без оглядки, по собственному усмотрению. Кункурат приставил Илху прислуживать своему сыну Алихе, ровеснику Илхи.

От зари и до зари мальчики были вместе. Вместе скакали по необъятной степи, ели из одного котла, стреляли из луков. Иногда, наломав ивовых прутьев и запрыгнув на коней, играли в салки: догоняющий должен настигнуть того, кто убегает, и со всего маху хлестнуть прутом по голой ляжке, получая тем самым право самому уноситься ветром в степь туда, куда глаза глядят. После таких игр ляжки у детей долго горели пунцовыми рубцами.

Алиха редко обозначал перед Илхой своё превосходство, хотя отец требовал, чтобы тот не забывал о своем происхождении. Раз в неделю на заходе солнца Илху заставляли становиться на колени и обкусывать ногти хозяину и трём его сыновьям. Во время этой процедуры все, кроме Алихи, сидели с брезгливыми лицами и, если Илха нечаянно делал кому-нибудь больно, его били по ушам костяной палочкой. Это был самый ненавистный день для маленького слуги.

Спал мальчик у входа в юрту с внешней стороны вместе с собаками. Однажды он проснулся ночью оттого, что кто-то крепко держал его за руку. «Лежи тихо, я буду обкусывать твои ногти!» Это был Алиха. Впервые в жизни той ночью восьмилетний раб почувствовал себя счастливым. Они подружились раз и навсегда: слуга и хозяин. Правда, Алиху, одетого в сверкающие доспехи, зачислили в тяжёлую кавалерию, а Илху — в лёгкую конницу. Но они находились всегда рядом, в одной тысяче, и везде, в любом сражении, чувствовали плечо друг друга.

Спустя несколько лет сам Бату-хан назначил Алиху тысячником, восхищённый его боевыми заслугами. Молодой тысячник делал всё, чтобы его друг детства и верный слуга наконец мог получить право на ношение железных доспехов и стать уважаемым человеком, но судьба распорядилась иначе.

Сотня, в которой служил Илха, под Рязанью попала в засаду, устроенную отрядом Евпатия Коловрата. Рыская в поисках продовольствия и корма для коней, монголы, чувствовавшие себя хозяевами новой земли, потеряли всякую бдительность. Всё произошло настолько быстро, что никто не успел толком ничего понять, не говоря уже о том, чтобы успеть обнажить оружие. Неожиданно на лесную дорогу, по которой двигалась сотня Илхи, стали с диким скрежетом и воем падать огромные сосны. Первое дерево упало на главу колонны, второе на хвост: сотня оказалась запертой спереди и сзади. Затем лесные исполины стали падать и падать, давя огромным весом всадников вместе с конями. Засвистели стрелы, полетели выпущенные из пращей камни. В довершение из чащи выскочили жилистые бородатые богатыри и начали рубить топорами направо и налево, особенно не разбираясь, куда приходятся удары — по лошади или по человеку. Через несколько минут всё было кончено. Никто: ни один конь, ни один монгол — не смог уйти от

OS2'.indd 34 14.09.2011 23:04:44

страшных топоров рязанских руссов. А те били так, чтобы не брать пленных, то есть насмерть, хотя прекрасно знали, что за любого монгола, пусть даже незнатного рода, можно получить хороший выкуп.

Илха был замыкающим колонны. Он успел только поднять глаза и увидеть толстый, летящий прямо в глаза, ствол вековой сосны. Потом в глазах резко потемнело. Могучая сила выбросила всадника из седла и придавила к земле. Конь умер, почти не мучаясь. С перебитым хребтом под тяжестью ствола животное свалилось в придорожную снежно-грязевую кашу: ноги разъехались в разные стороны, шея вывернулась, собственное ржание застряло в горле, а наружу вырвался лишь хриплый выдох. Илху миновал топор: он находился без сознания, а рязанцы посчитали, что после удара таким стволом выжить невозможно. В глубине леса руссы вырыли огромную яму, куда и свалили всю сотню убитых воинов вместе с лошадьми. Сыну бедного табунщика снова повезло: он оказался сверху, на телах убитых товарищей и мёртвых животных. Его бросили лицом вниз. В груде мёртвых тел оказались пространства, не заполненные землей, в которых держался воздух.

Илха очнулся и увидел перед глазами кромешную тьму. В нос ударил резкий конский запах, смешанный с запахом немытых, потных человеческих тел. Трупы ещё не остыли. В первое мгновение ему даже показалось, что он находится в стойбище и что вот-вот тишину разорвет манящее ржание коней, послышатся крики часовых, и топот копыт и человеческих ног оповестят о начале утренней зари. Он пошевелился, встал на четвереньки — струйки земли с тихим шуршанием побежали по складкам одежды. Память медленно, но неумолимо возвращалась. Наконец Илха понял, что находится в большой общей могиле. Голова гудела медным колоколом, все тело напоминало собой ком свалявшейся мокрой шерсти: до такой степени было непослушным, лишённым силы. Собрав всю волю и остатки энергии, монгол рванулся, распрямился, стоя на коленях: по лицу, норовя забиться в глаза, потекла тяжёлая, прихваченная холодом земля, вспыхнул ослепительный солнечный свет. Он ещё какое-то время стоял на коленях, непроизвольно раскинув руки крестом, и смотрел на Вечное Синее Небо. На нем было лишь нижнее белье из мокрого шёлка. Кожаные доспехи, чапан, шапку, оружие и даже ичиги забрали себе победители. Илха не чувствовал ни обжигающего декабрьского ветра, ни липнущих к лицу колких русских снежинок, ни могильного холода сырой, начинающей дубеть земли. Подавляя боль и сопротивление непослушных мышц, он встал и, пошатываясь, сделал несколько шагов. Через три-четыре таких периода оказался на колее, и тут силы вновь покинули его. Сквозь угасающее сознание Илха услышал звон приближающегося колокольчика, топот конских копыт и чужую человеческую речь.

Колупай, завидев лежащего поперёк дороги человека, остановил сани. Спрыгнув с воза, подошёл и, посмотрев в лицо, бегло перекрестился. Первым желанием мужика было — отбросить худородное тело на обочину да и ехать с Богом дальше. Но какая-то струнка под сердцем тонко натянулась и начала дрожать. «Ай, чтоб ты, окаянный, к чёрту под копли попал! Гляди ж ты, в одном исподнем расхлыстался на дороге! Ну,

OS2'.indd 35 14.09.2011 23:04:44

на кой ляд ты мне ныне сдался?! Ну, на что ты мне, Господи, такое наказание послал?! Сколь, Господи, ты меня ещё испытывать будешь!» Колупай схватил под плечи бесчувственного монгола и заволок в сани. Сел сам и, бросив взгляд через плечо, ругаясь в голос, стянул с себя тулуп и накрыл им Илху. Влетев на рысях в деревню, Колупай не стал даже притормаживать около своего дома, а прямиком помчал к дому Завиши, женщины-сорокалетки, очень набожной и прослывшей своей добротой далеко за пределами округи.

Она и впрямь очень соответствовала своему имени: высокая, статная, даже, можно сказать, завышенная, с прямыми тёмно-русыми волосами. Четырнадцать лет назад Завиша овдовела: мужа на охоте задрал медведь. Замуж повторно не вышла, не потому что не хотела, а побаивались ее местные мужички: мало того, что долгая и красивая, так ещё и с характером неуступчивым и сильным, который отчётливо читался в ее серо-голубых глазах. Сына Андрея поднимала самостоятельно, не прося помощи ни у соседей, ни у родственников, что жили за рекой в пятнадцати верстах. Ещё о Завише знали как об очень хорошей ведунье: издалека шли к ней люди лечить свои хвори и врождённые болезни.

Когда за оградой ее двора остановились сани и послышался встревоженный голос Колупая: «Эй, Завиша, выходи, по твою душу тут-ка!» — она сразу поняла, что случилось неладное, и, накинув поверх льняной сорочки полушубок, выбежала на улицу. Увидев на соломе человека, плеснула руками:

— Неси в сени. Домой к печи не вздумай, не то в тепле кожа лоскутами отходить начнет.

— Да нешто я дурень какой! — Колупай взвалил на плечо Илху и побежал к крыльцу.

В сенях Завиша велела положить больного на лавку, а сама ножом отрезала кусок овечьей шкуры. «Ничего, ничего, пришибло малость, ну, это-то пройдет, а вот холод из тела выгонять надо, иначе погибнешь!» Ведунья, приговаривая, начала растирать шерстью сначала едва касаясь, а потом всё сильнее кожу монгола, который по-прежнему лежал без сознания. «Уходи, лют-мороз, зол-морок, не морозь человека доброго, его дома ждут, не дождутся. Жена-красавица ждет, дети скучают, конь в стойле затосковал!» Завиша так трудилась над больным, напрягая все внутренние силы, что от самой стал исходить пар. «Ну же, просыпайся, лядящий, мужик ты али не мужик!» Она била больного по щекам и снова растирала, шептала непонятные слова и, разжимая губы, посылала своё дыхание ему в рот. Прошло не меньше часа, прежде чем Илха захлопал глазами и издал грудной стон. «ну, слава тебе, Господи, очухивается!» Измождённая ведунья опустилась на лавку в ноги больного. «Теперь, Андрейка, застели на печи — туда его отнесём», — обратилась к подростку, который всё это время наблюдал из тёмного угла сеней за происходящим. «Эко лёгонький-то какой. Давай, сынок, от такого не надорвёшься». Мать с сыном подняли Илху и понесли в дом.

Сутки монгол метался в сухом жару. Завиша вливала в него отвар за отваром большими глиняными кружками, ложилась рядом и прижималась всем телом, обнимая руками и ногами, не давая душе ускользнуть из тела. А когда пошёл наконец обильный пот, женщина слезла с печи и устало сказала: «Вот теперь жить

OS2'.indd 36 14.09.2011 23:04:45

будет!»

Когда Илха спустился на пол и прошёл по скрипучим половицам босыми ногами в первый раз после беспамятства, Завиша, сидя за прялкой, широко улыбнулась и показала рукой на икону Божьей Матери, что смотрела из верхнего правого угла сквозь зыбкий огонёк свечи: «Её благодари, спасительницу и заступницу нашу!» Монгол не понял русской речи, но суть уловил и низко поклонился лику Богородицы.

На следующий день Андрей стал водить Илху по дому и, показывая пальцем на предметы, говорить, как они называются. Монгол с интересом повторял, стараясь правильно выговаривать каждое слово. Иногда получалось довольно смешно, и все трое весело хохотали. Бывший раб неожиданно для себя стал замечать, что ему очень хорошо в этом просторном деревянном доме, с этими терпеливыми, работящими людьми, а при мысли о хозяйке дома новое, доселе неизведанное тепло разливалось по всему телу, а к горлу подкатывался сладковатый комок. Столько света и простора никогда ещё не обитало в душе монгольского воина. С утра до вечера он работал, как заведённый, выполняя всю нехитрую работу по дому, одновременно изучая русский язык и научая монгольской речи на диво смышлёного Андрея.

Прошло два месяца. Зима понемногу начала пятиться, всё больше уступая место робкому солнечному свету. Стали появляться первые тонкие извилистые ручейки, а с крыш зарядила капель. Навоз, который лежал возле хлевов, уже не схватывался холодом, а потому источал запахи на всю деревню. Люди стали чаще наведываться друг к другу в гости с целью обсудить будущую страду. Дети с улюлюканьем и смехом носились по улицам, придумывая разные игры и запуская то змеев в небо, то деревянные плотики по ручьям. Казалось, что не было никакого монгольского нашествия, не горела многострадальная Рязань, не рыдали по убитым несколько месяцев назад вдовы и старики.

Андрей тоже не сидел в избе: чуть солнце вставало, опрокидывал кружку молока, заедал краюхой хлеба и вперёд к детворе. Завиша не держала, не наваливала работой, пусть, мол, набегается досыта, а под трудовой хомут всегда успеется, тем паче не так уж долго и осталось до взрослой жизни. Иногда нет-нет да поглядывала ведунья на Илху, при этом розовея лицом. Хоть с виду и не пара он был ей: щуплый да невысокий, но приметила женщина какую-то особую упругую силу в этом чужеземце, которая делала его стойким перед обидными словами деревенских мужиков и бабьими колкими смешками. Многое не получалось поначалу у Илхи по хозяйству: где из рук валилось, где просто силёнок не хватало. И лишь благодарная, иногда извиняющаяся улыбка никогда не сходила с лица. Вот за эту улыбку и нравился он Завише, ибо, полагала ведунья, когда человек улыбается, значит он прав. А Бог, как известно, не в силе, но в правде. Был, правда, один момент, который женщина поначалу едва перенесла: Илха первое время отказывался мыться, считая, что водой смывается сила и здоровье. Но это сопротивление удалось всё же преодолеть: степняк со временем убедился в том, что грязь является причиной многих болезней, а полученные раны так и вовсе первым делом промывать нужно, и уже сам ждал с нетерпением четверга, чтобы затопить баню.

OS2'.indd 37 14.09.2011 23:04:45

В тот день Илха, как обычно, под вечер первым отправился в баню на «первый пар». Сладко почёсываясь, он влез на полок и растянулся на животе. Только Вечное Синее Небо знало, как нелегко ему было не думать о Завише: горячие волны то и дело вспыхивали внизу живота, от кончиков ног до макушки пробегала томительная дрожь, сердце начинало глухо стучать в мокрую доску. Он уже было приподнялся на руках, чтобы встать и подбросить на камни запаренной на травах воды, так как это являлось весьма действенным средством против подступившего желания, как вдруг дверь, осторожно скрипнув, приоткрылась, и он увидел ослепительно-красивое белое бедро.

Илха ещё никогда не видел такой красоты, такого совершенного тела, никогда не вдыхал подобного аромата волос. Жизнь на войне, казалось, отучила удивляться: сколько за спиной завоёванных земель, рабовладельческих рынков, караванов с будущими наложницами для шахов, принцев и ханов! Сколько стонущих, рыдающих, кричащих и хохочущих женщин прошло через него, но счастье пришло впервые! Когда мощный поток истомившейся в тёмном плену мужской энергии вырвался и озарил женское лоно, когда два тела, наконец, замерли, тяжело дыша, Илха почувствовал, что по его щекам впервые за много лет бегут крупные, обжигающие слезы радости. Этот день всегда будет стоять у него перед глазами — и в самые страшные мгновения схваток, и в часы уединения. Этот день начнет проступать сквозь тексты писаний, выплывать из шумящей листвы, гореть в небе и на горизонте. Отныне и навсегда Илха будет чувствовать рядом с собой Завишу, ощущать аромат её волос и тела, мысленно беседовать с ней, советоваться, прежде чем сделать очередной шаг. Вновь и вновь он будет вспоминать, как целовал её чуть выпуклый живот, как вдыхал терпкий запах разгорячённого лона и как улетал к чертогам Вечного Синего Неба.

После этого четверга они стали жить, не хоронясь от людей, а через две недели обвенчались в деревянной церкви в десяти верстах от дома, не устраивая пышных торжеств и весёлых гуляний по этому поводу. Илха принял православие и стал таким набожным, что даже Завиша иногда терялась и разводила руками в изумлении.

А по ранней весне, едва только сошёл снег, пришли баскаки Бату-хана. Пришли не только за мехами, мёдом, золотом и оружием, но и за будущими рабами, за наложницами для восточных гаремов, пришли за мастерами и подмастерьями для продажи на рабовладельческих рынках, пришли по праву сильного брать дань кровью.

Нагрянули столь неожиданно и быстро, словно находились рядом, где-то неподалёку, что жители окрестных деревень даже не успели спрятаться в лесах. И разлилась, в который уже раз, плачем земля рязанская.

Завиша приказала Андрею лезть в подпол, придвинула стол на крышку и для пущей верности бросила на это место половик, а сама, затеплив свечу, села за стол перед иконой и начала усердно молиться. В очередной раз, бросив тревожный взгляд на окно, увидела, как Колупай с топором в руке бежит к веревице связанных девушек отбивать дочь и падает, пронзённый навылет стрелой. В то же мгновение один из монголов, запалив факел, поджег солому на крыше колу-

OS2'.indd 38 14.09.2011 23:04:45

паева дома в назидание другим: не лезь супротив хозяина.

Илха в это время находился в лесу: тесал брёвна для нового хлева. Поднявшийся к небу черный дым над деревней заставил его отбросить работу. Чем ближе приближался Илха к деревне, тем отчётливее слышал плач, истошные крики людей и убиваемого скота, и тем лучше понимал, что происходит. За две сотни шагов стал различать родную монгольскую ругань, рождаемую продутыми степью визгливыми глотками сородичей. Через заднюю калитку, никем не замеченный, он вбежал во двор в тот самый момент, когда один из баскаков тащил за волосы Завишу к сеновалу, при этом другой рукой монгол тряс шапку с лисьим хвостом, предлагая щедрый подарок в обмен на скорую любовь и ласку. Илха метнулся к коню, стоявшему возле крыльца, выхватил из колчана, притороченного к седлу, лук. Но в этот момент Завиша вцепилась зубами в руку баскака, отчего тот завизжал, как ужаленный, и, вырвав из-за пояса кривой клинок, рубанул женщину по лицу.

Стрела Илхи сорвалась с тетивы и насквозь пробила шею баскаку с опозданием на одно мгновение. В каком-то невероятном ослеплении от накатившей ярости бывший монгольский лучник подлетел на коне к мёртвому соплеменнику, перегнулся в седле и подобрал меч, обагрённый кровью жены. Развернул коня, поставил на дыбы, а потом, стиснув коленями бока, заставил животное рвануться и перепрыгнуть ограду. Одновременно, как только копыта коня врезались и взорвали весеннюю грязь, Илха взмахнул мечом — и голова с перерубленным волчьим хвостом покатилась чугунком к ограде, разбрызгивая кровь по чёрной земле.

Сразу пять монгольских луков вскинулись и, целясь, натянули тетивы. Илха инстинктивно бросил тело за шею коня. Три стрелы просвистели над плечом, а две другие поразили животное. Конь, хрипя, стал заваливаться на бок. Вдруг воздух задрожал от криков, которые слились в единый могучий гул: мужики и бабы, вооружившись на ходу, кто чем мог, бросились на незваных гостей. Завязалась жаркая рукопашная схватка: монголов стаскивали с коней, рубили на земле топорами, кололи вилами, били кулаками и камнями. А потом трупы семерых степняков отволокли на опушку леса и бросили на прокорм волкам. Когда жар кровавого безумия поутих, стали оплакивать и предавать земле своих убитых: всего рязанцев погибло одиннадцать человек. Илха схоронил Завишу в берёзовой роще: насыпал бугорок и вкопал деревянный крест.

Все жители понимали: оставаться в деревне никому нельзя — расправа будет неминуемой и жестокой. В тот же вечер на общем деревенском собрании выбрали Илху старостой и попросили не медлить с принятием решения. Монгол приказал тонко порезать и засолить мясо убитых лошадей, собрать немного домашнего скарба и ждать его дальнейших указаний.

Утром следующего дня серая вереница людей, сплочённых болью и страхом, двинулась по раскисшей от весенней сырости земле на северо-запад. Долгих два месяца Илха водил за собой людей из восставшей деревни, кружа по лесам, меняя каждые сутки место стоянок, опасаясь больших дорог, где могли встретиться татарские и княжеские разъезды, а также густонаселённых пунктов. Он

OS2'.indd 39 14.09.2011 23:04:45

знал нравы и законы своих соплеменников: Орда никогда не простит убийство баскаков и будет до конца разыскивать бунтовщиков, используя все методы: суля награды, даруя князьям и боярам земли, пытая и калеча тех, кто может хоть что-нибудь знать или провести по глухим тропам.

В начале июня толпа оборванных, едва держащихся на ногах людей, ведомых Илхой, увидела стены Смоленска, до которого ещё не докатилась лава монгольских всадников. Как только рязанцы вновь обрели кров и хлеб, Илха объявил, что намерен принять монашеский постриг. Он сам определил себе время на завершение мирских дел — четыре месяца. Но весть о приближении татар круто изменила его планы.

Меркурий коснулся плеча сотника Валуна, и тот, сложив руки у рта, ухнул четыре раза филином. Глухо щёлкнула тетива луков по кожаным браслетам, и два десятка стрел со свистом рванулись в полет. Монгольские часовые с предсмертными хрипами повалились на землю. Тут же четыре коня, поставленных парами друг за другом, вылетели из зарослей леса и помчались к лагерю. Глаза у животных были завязаны, спины покрыты дублёной кожей. Между ними на верёвках качалась комлем вперед мощная сосновая лесина. Два всадника, скачущие по бокам, нещадно хлестали коней. Через минуту таран с треском врезался в телеги, которые от удара рассыпались и разлетелись по сторонам. Обезумевшая четвёрка лошадей ворвалась в лагерь, продолжая крушить и давить всё, что попадалось на их пути. Следом, наполняя ночной воздух боевым кличем и топотом копыт, пошла в атаку княжеская сотня. ещё пятьдесят седоков в волчьих шапках сидели на крупах коней. Русская дружина вклинилась в монгольский лагерь, как металл в незащищенную плоть. И начался кровавый пир. Те, что сидели на крупах, спрыгивали на землю, врывались в юрты и рубили спящих, всадники рубили и топтали копытами коней тех, кто ночевал под открытым небом. Смоленский тысяцкий гнал своего вороного прямо на большую белую юрту, до которой нужно было ещё преодолеть расстояние в триста шагов.

Спустя несколько минут после того, как ударом тарана была пробита брешь в монгольском забрале, другой смоленский отряд из пятидесяти человек бесшумно, по-кошачьи приблизился к лагерю неприятеля в сотне шагов от основного направления удара.

Задача перед ними стояла очень непростая: уничтожение командиров, а по возможности — самого Хайду. Отличить в темноте тысячника или представителя знати от рядового воина ещё как-то можно, а вот разобраться, где сотники, а где десятники, уже намного сложнее. Отряд разделился на группы по пять человек, каждая группа заранее выбрала себе цель для атаки — юрты или бунчуки. Меркурий, посоветовавшись с Илхой, специально дал приказ малой дружине нападать с задержкой по времени относительно центрального удара, чтобы лагерь к этому времени был уже на ногах. Простые монгольские воины должны броситься в сечу — защищать начальников и их добро, а знать с личной охраной останется в стороне от мясорубки. Вот тогда появится шанс у людей в волчьих шапках. Мало кто из этого отряда надеялся этой ночью остаться в живых,

OS2'.indd 40 14.09.2011 23:04:45

но для того, чтобы выполнить приказ Меркурия, эти люди готовы были стать смертниками.

«Волки», молниеносно и бесшумно преодолев заграждение, обрушили боевые топоры на неприятельские головы. Сразу в десятке мест вспыхнули яростные рукопашные схватки: трещали кости, сокрушённые доспехи, отлетали с алыми фонтанами отрубленные руки, падали на землю поверженные тела. Монгольские десятники и сотники старались подороже отдать свои жизни. Тысячников плотным кольцом защищали нукеры в проверенной арабской броне. Никто не кричал, не звал на помощь, не посылал проклятья врагу. Слышны были только хрипы умирающих и стоны раненых. Воины леса и богатуры степи схлестнулись в смертельной схватке, и никто не хотел уступать ни пяди, и те и другие презирали смерть, каждый выполнял свою работу, к которой был приучен с ранней юности, блестяще и хладнокровно. И всё же монголы не были готовы к внезапному нападению ещё и в другой точке лагеря, поэтому несли большие потери.

Ожидания Меркурия не сбылись: белая юрта оказалась пуста. Рубанув с досады мечом воздух, воевода подбежал к коню и, уже запрыгивая в седло, увидел человека в синем атласном чапане. Тот находился примерно в пятидесяти шагах, окружённый плотным кольцом телохранителей. У Меркурия не возникло сомнений, что перед ним стоял сам монгольский военачальник. Но время было уже безвозвратно упущено: враг оправился от шока, ещё минута — и отряд смолян мог сам оказаться в ловушке. Командир кривичей рванул из-за пояса рог и дал короткий сигнал к отступлению. В это же самое мгновение монгольская стрела с чавкающим звуком впилась в кисть воеводы, пробила плоть насквозь и выбила рог, который, упав на землю, тут же был раздавлен копытом Черныша. Меркурий поморщился от боли, посмотрел с сожалением на то, что когда-то являлось предметом его гордости на протяжении двадцати лет, проведённых на чужбине, и дал шпоры вороному.

Черныш, вдыхая клубы молочного тумана, понёс хозяина от стрел и сабель под защиту родного леса.

Илху, переодетого в одежду степняка, миновали стрелы и сабельные удары своих соплеменников. Заслышав команду Меркурия, он тоже развернул своего гнедого, и тот вынес бы своего седока из сечи целым и невредимым, если бы не знакомый трехвостый бунчук, неожиданно выросший перед глазами в каких-нибудь десяти-пятнадцати шагах. Следуя больше какому-то внутреннему, эмоциональному голосу, нежели здравому смыслу, Илха спрыгнул с лошади и побежал к юрте. Кольцо воинов, охранявших бунчук, словно под чарами, расступилось при виде соотечественника в окровавленной одежде.

Вбежав в юрту, Илха крикнул:

— Алиха, это я, твой айньда.

— Ты вор и предатель, Илха. Напрасно ты пришёл сюда. Здесь тебя ждёт только смерть.

— Но мы ведь братья, Алиха. Войны рано или поздно кончаются. Никто не знает, где ещё пересекутся наши пути!

— Теперь уже только в чертогах Вечного Синего Неба. Да и то вряд ли. Вчера я видел тебя в строю врага. Это ты научил руссов. Хорошо научил, — Алиха сплюнул под ноги горечь своих слов. — Потом ты говорил с куманами и позволил, о великий Илха, забрать нам наших убитых

OS2'.indd 41 14.09.2011 23:04:45

товарищей, которые валялись в грязи в одном исподнем, потому что твои новые сородичи, руссы, содрали с них всё до нитки. Мне стоило немалых сил, чтобы сдержать себя и не раскрыться перед Хайду. Он бы не простил сыну Кункурата предательство слуги, — от ярости у Алихи зуб не попадал на зуб.

— Алиха, но ты ведь не знаешь, что произошло со мной!

— Знаю. Вся твоя сотня погибла. Слух об этом долетел до ушей Бату-хана. Кстати, этот Коловрат был действительно великим воином. Его раздавили камнями, но потом похоронили с почестями. Так вот, взяли и забросали из камнемётов, потому что подступиться с мечом к нему было невозможно, а воинов Бату-хан предпочитает беречь. Меня тоже похоронят с почестями и, надеюсь я, в моей стране. Также наслышан я, что один монгол уцелел чудом, говорят, его выходила русская баба, а он на ней женился. Вот уж не ожидал, что это будешь именно ты. И вообще, зачем мне что-то знать ещё, если сейчас мы разделены мечом, если ты, безродный выродок, собачий выкормыш, защищаешь чужие земли, чужой народ, а свой убиваешь, как жертвенных баранов, спящим, когда он не готов к сопротивлению.

— Алиха, я скоро собирался уйти в монастырь. Я очень сильно любил свою жену и буду хранить её любовь в себе до конца дней. Война нас опять свела.

— Я знаю монастыри в Китае, знаю бродячих дервишей Востока, видел руссов в чёрных одеждах. Они все достойны уважения. Но не ты! Сегодня ты умрёшь хуже бездомного пса, и кости твои обглодают урусские волки. Воистину нельзя жалкую тварь сделать благородным человеком. А я-то, индюк, думал: почему это у меня, ну, никак не получается помочь моему любимому Илхе подняться хотя бы до сотника. А ведь хлопотал за тебя, думал добыть тебе место в тяжёлой сотне.

— Если хочешь насмешить Бога, Алиха, расскажи ему о своих планах. Я не боюсь смерти, потому что её нет. А перед Христом мы все равны.

— И вот поэтому ты пришёл убивать нас в монгольской одежде? Чего же ты так боишься?

— Монголы тоже переодевались в китайскую одежду и вырезали целые города. Но к тебе я пришёл сам, Алиха. А в родной одежде я только с одной целью: убить Хайду и разом закончить с этой войной.

— Тебя погубила твоя врождённая глупость. Не станет Хайду, на его место встанут другие: я, Тосхо, Хуцзир. Впрочем, хватит попусту болтать. Твои новые друзья уже далеко. А ты возьми меч и умри хотя бы просто мужчиной. Не мешайте нам! — Алиха сверкнул глазами в сторону собравшихся воинов.

Тысячник рывком вытащил из-за пояса кривой меч и со свистом описал в воздухе две дуги перед лицом своего бывшего раба. Илха отпрянул, сделал шаг назад и снял со стены над входом дамасскую саблю, потом глубоко и грустно вздохнул, направляя оружие на соперника.

Алиха наседал, выкручивая в воздухе сложные фигуры, кресты, дуги, в открытую потешаясь над Илхой, умышленно оттягивая момент последнего удара. А бывший раб пятился, едва успевая отражать удары шипящего в воздухе клинка. Пара поединщиков пересекла порог юрты и оказалась на открытом воздухе. Искры, высекаемые клинками, смешались с искрами гудящих костров. Сщюх... На правом плече Илхи лопнул кожаный наплечник — образовавшую-

OS2'.indd 42 14.09.2011 23:04:45

ся кривую щель стала быстро заполнять кровь. Алая струйка побежала по рукаву, скатилась на чёрную, вытоптанную землю и, огибая преграды из камешков и травинок, устремилась к лесу. Через несколько секунд правая рука бывшего лучника непобедимой армии начала неметь и плохо слушаться, а потом и вовсе опустилась с мечом вниз. Алиха криво усмехнулся, тоже опустил оружие и, подойдя к сопернику, резко ударил того ногой в живот. Илха упал навзничь, оружие с легким глухим звоном ударилось о камень. Тысячник злобно топнул по лежащему на камне металлу, и клинок сломался напополам. Одна половина осталась в руке Илхи, другая отлетела на несколько шагов в сторону и зарылась в траву. Алиха упёр остриё своего клинка в левую часть поверженного, поднял на мгновение глаза к небу и вогнал оружие в плоть, туда, где должно биться сердце. Провернул в ране лезвие и нажимом обеих рук дослал, пригвождая к земле бывшего слугу. Из-за холма резко и протяжно взревел лось. В тот же миг порыв ветра метнул сноп искр из костра в лицо Алихе. От неожиданности тысячник дёрнулся всем телом, чуть подался вперёд и, споткнувшись о ноги поверженного противника, упал прямо на него, и тут же обломок дамасского меча вошёл ему в горло, пробил основание черепа и кровавым призраком вышел наружу. Алиха, пытаясь из последних сил что-то сказать, только крепче стискивал кольцо рук вокруг Илхи, прижимая его голову к своей груди.

— Если хочешь насмешить Бога, Алиха, то расскажи ему... — это были последние слова, которые услышал тысячник.

Потом воины, прикладывая невероятные усилия, будут пытаться разъединить два тела. Хайду, видя это, не выдержит и прикажет похоронить хозяина и бывшего раба в одной могиле, не отнимая друг от друга.

Измождённые, израненные, едва держащиеся на ногах воины в волчьих шапках стояли ощетинившимся кольцом. Всего пятеро. Остальные или погибли, или успели покинуть неприятельский лагерь. Оставшиеся приготовились дорого заплатить за свою жизнь. Монголов погибло в несколько раз больше. Хайду больше не хотел терять людей. Можно было приказать воинам, и те бы растащили арканами, повалили и связали пятёрку смертников. Но что потом? В рабы они не годятся: наверняка придумают, как расстаться с телом; предлагать службу в войске на правах покорённых — а было бы неплохо — тоже глупо: неизвестно, что от них можно ждать в первом же бою. Хайду дал знак китайскому инженеру. По примеру Бату-хана, подкатили стенобитный порок. Воины расступились. Заскрипели рычаги. Потом машина громко рявкнула, и в кривичей полетели камни.

Джихангир приказал похоронить убитых монголов и руссов в общей могиле с соответствующими почестями.

OS2'.indd 43 14.09.2011 23:04:46

Глава 4

...Все люди полны света. Только я один подобен тому, кто погружён во мрак. Все люди пытливы, только я один равнодушен. Я подобен тому, кто несётся в мирском пространстве и не знает, где ему остановиться. Все люди проявляют свою способность, и только я один похож на глупого и низкого...
(Дао Дэ Цзин, книга первая, стих двадцатый)

Монгольское войско двигалось по глинистой, скользкой от дождя дороге медленно, словно через великую силу. Неподкованные копыта лошадей разъежались и проваливались в чавкающую грязь. Густые гривы отяжелели от холодной воды и снега. Идти опятиконь теперь уже не было никакого смысла: руссы имели представление о реальной численности. Лучше поберечь силы коней, поэтому войлоки сгрузили на арбы, которые теперь тянули волы в хвосте вереницы. Хайду, сидя на белом, как молоко кобылицы, Ордосе, всматривался с высоты небольшого увала в ряды всадников, ища в измождённых тревогами лицах поддержки и грозной степной воли, той самой, которая вела этих людей от победы к победе, которая не позволяла мириться с утратами и поражениями. И джихангир верил, что его войско по-прежнему несокрушимо. За истекшие сутки он потерял двух лучших тысячников и почти тысячу воинов, у стольких же имелись разной степени ранения. Таких больших потерь монголы не ожидали. Со времён схваток с самаркандским Джелалем не встречались достойные противники всадникам, ведущим свой род от белого волка. Грудь Хайду саднила боль не столько от военных неудач в начале кампании, сколько от ощущения ненужности этого предприятия. В чём, собственно, провинились смоляне? Всего лишь в том, что поддержали злой Козельск, и лучшая армия мира просидела под стенами маленького городка семь недель и даже была вынуждена инсценировать отступление? И только когда разведчики донесли, что смоленская рать, ведомая каким-то Меркурием — да кто он такой, прах его побери — покинула Козельск, монголы вернулись и за час приступом взяли город, который потом разрушили, а жителей перебили. Но ведь это война. Смоляне защищали побратимов и в том лишь не правы, что не рассчитали свои силы.

— Эй, Хабул, как твоя рана? Плечо не тянет?

— Спасибо, Хайду, что помнишь ещё старого Хабула. Всё хорошо. Слава Вечному Синему Небу. Наверно, Субэтэй-богатур, под началом которого я дрался в далёкой молодости, сейчас видит меня и просит перед Тенгри хорошей судьбы для своего верного Хабула!

— Тебя, Нацинь, как только вернёмся, обещаю женить. Ох, уж погуляю на свадьбе!

— Надо бы вернуться не с пустыми руками, Хайду, — молодой воин просиял улыбкой, — моя невеста любит ткани и сладости, а ещё веселый блеск хорошего металла.

— А ты, Бардам, как вернёшься, примерно накажи жену. Хочешь, одолжу свою плеть.

— Ой, Хайду, боюсь, что моей Улынь так понравится твоя плеть, что она начнёт просить хлестать её каждый день, приговаривая: «Ой, вонючий Бардам,

OS2'.indd 44 14.09.2011 23:04:46

неужели сам Хайду тебе дал попользоваться! Видишь, как я ему нравлюсь!»

По рядам воинов покатился дружный смех. И у джихангира немного полегчало на душе. Он вытащил из-за голенища плеть и кинул ее воину.

— Ты, как всегда, умеешь ответить, Бардам.

— А ты, Хайду, по-прежнему знаешь всех своих воинов поимённо и помнишь, где у кого болит. За это и мы тебя чтим.

— Хуцзир, отряди полсотни самых быстрых воинов и пошли к стенам Смоленска. Нет. Скачи с ними сам. Я хочу встретиться с человеком в алом плаще.

— Что ты задумал, Хайду? — тысячник подъехал к военачальнику.

— Я хочу поединка, Хуцзир. Мы и так потеряли много воинов. Не хочу ещё потерь. Пусть этот собачий сын, сучий выкормыш, выйдет против меня. Я знаю, ты сумеешь договориться об этом с ними.

— Не хочу думать о плохом и, поверь, ничуть не сомневаюсь в твоей доблести, но что, если случится обратное?

— Не случится. Я убью его.

— И всё же. Что гласит закон, если войско неприятеля выставляет поединщика?

— Ты имеешь в виду: какая участь ждет осаждённый город?

— Именно.

— Закон гласит: если хоть одна стрела выпущена со стороны неприятеля, то город подвергается уничтожению и отдаётся в руки воинов.

— Тогда какой смысл им выставлять поединщика и подвергать опасности вождя? Если ты убьёшь его — город будет разграблен и уничтожен. Если он убьёт тебя — кто-то из тысячников поведёт войско и сокрушит Смоленск. Не вижу, как я должен договариваться и что обещать руссам.

— Не всегда нужно действовать прямолинейно. Закон тоже нужно уметь приложить к данной ситуации. Ни вчера, после поражения тысячи Дайчеу, ни сегодня, после ночной вылазки руссов, я не хочу равнять Смоленск с землёй, а землю посыпать солью. Этот город ещё послужит улусу Бату-хана.

— Тогда чего ты хочешь, Хайду? Я перестаю тебя понимать! В обоих случаях по закону город обречён: будешь ты убит или останешься в седле. А чтобы вызвать русса на поединок, я должен что-то предложить взамен.

— Пообещай им, если победа будет за мной, то мы возьмем тройной ясак и впридачу триста рабов, если я погибну, то ты отведешь войско.

— Что-то! Ты потерял голову, брат мой. Впрочем, надеюсь, что это всего лишь уловка. Просто у тебя чешутся руки.

— Нет, это не уловка, Хуцзир. Ты действительно отведешь войско. Бояться тебе нечего. Бату скажешь, что выполнял мой приказ. Я составлю его в письменном виде завтра же. Воины тоже будут благодарны тебе. Ты сохранишь много жизней. У тебя ещё недостаточно опыта, чтобы взять приступом город, где воеводит человек в алом плаще.

— Но зато у меня достаточно холодная голова и жаркое сердце. Я не буду отводить войско.

— Тогда тебя казнят за невыполнение приказа.

— Кто, позволь узнать?

— Мои нукеры, которым я тоже вручу письменный приказ.

— Твоя душа никогда не обретёт покоя в чертогах Вечного Синего Неба. Никогда, Хайду. Тебя проклянут от седьмого колена вниз до сорокового вверх. Неужели

OS2'.indd 45 14.09.2011 23:04:46

тысяча воинов погибла напрасно? Одумайся, ведь ты без двух лун темник. А голову того пса я лично насажу на копьё и привезу на курултай всех ханов Золотой Орды. Ты очень скоро позабудешь о честолюбии и мести. Одумайся, Хайду. Заклинаю тебя Вечным Синим Небом и предками до сотого колена.

— Нет, Хуцзир. И да будет так, как я сказал. Если я умру, ты отведёшь войско. Всё. Скачи к урусам и уговори их вождя принять мои условия.

— А если они не согласятся? Ты ведь знаешь: нашу мудрость эти собаки называют коварством. Что, если они не поверят мне, посчитав, что мы просто выманиваем их вождя, а сами всё равно ударим, независимо от исхода поединка.

— Поверят, Хуцзир, — Хайду, прищурившись, посмотрел вдаль, на синюю полосу леса, и дёрнул повод. — Если не поверят, то ты останешься в их лагере заложником до конца. Независимо от того, убьют меня или нет. Ты будешь гарантом того, что монголы не нападут первыми. Что монголы, в случае моего поражения, отойдут под бунчуки Бату-хана, а в случае моей победы — Смоленску будет сохранена жизнь. Мы получим дань и уйдём. Только в одном случае я отдам Смоленск на разграбление: если руссы убьют послов, то есть тебя, Хуцзир. Но я не думаю о таком исходе. Это вряд ли, — перед мысленным взором Хайду выплыло лицо Голяты.

— Воины не простят тебе этого, Хайду. Все ждут не только дани, но и грабежа, красивых женщин, крепких рабов для продаж.

— Думай о своей роли, тысячник! А мои планы оставь мне. Ты будешь оставаться в заложниках до тех пор, пока в этом есть необходимость. Я всё сказал. Всё.

Ордос медленно поплыл над полем, унося хозяина от онемевшего Хуцзира. Хайду не сомневался: его приказ тысячник выполнит, иначе — смерть. Но даже смерть надо заслужить, а тем более — монгольскую. Хуцзир всё сделает, как надо. Теперь можно спокойно собраться с мыслями.

На линии холодного, серого горизонта показались сначала купола собора, застывшего на холме, а потом и башни кремля. Джихангир чувствовал, что урус повторяться не станет, поэтому шёл к городу, не опасаясь увидеть неприятельское войско. Полсотни во главе с Хуцзиром унеслась на переговоры, высоко держа шестихвостое знамя. Спешить некуда. Нужно дождаться ответа.

Хайду поднял правую руку. Войско остановилось. Пусть воины отдыхают. Готовят еду, просушивают возле костров одежду, чинят ичиги, ремонтируют доспехи, правят мечи. Пусть готовятся к битве, которой не будет. У них был плохой день, потом плохая, очень плохая ночь. Поэтому пусть отдыхают.

Этот урус не будет встречать монголов в открытом поле. Он хоть и одержал победу, но прекрасно понял и осознал, что второй раз такой удачи не случится. Теперь, нанеся значительный урон и думая, что пошатнул твёрдость духа в рядах неприятеля, он должен использовать стены. Интересно, как? Наверняка расположит лучников и пращников на забрале, а пехоту поставит внизу. У него хорошая пехота. Копья такой длины, что испытанные боевые кони шарахаются. Да, а конницу он спрячет за воротами. Вроде горстка конных, а неприятностей при хорошем управлении причинить могут много. Тактика проста и широко известна. Чтобы подойти к стенам, при-

OS2'.indd 46 14.09.2011 23:04:46

дётся вначале драться в пешем строю с русской ратью, а в этом случае один урус стоит пяти монголов. Но не таков этот урус: наверняка что-нибудь выкинет похлеще того, что первым приходит на ум. Что там говорил этот тщеславец Хуцзир: воины, мол, хотят грабежа, красивых женщин, крепких рабов. Красивых женщин, хм!

Хайду прикрыл глаза и мысленно перенёсся на двадцать два года назад. Город горел. Чёрный дым затянул ночные звёзды и полную луну. Воздух сотрясался от криков победителей и страшных воплей побеждённых. Рушились дома. Пыль, гарь, запёкшаяся на песке кровь. Много крови. Много обезумевших детей и женщин. Мужчин в плен не брали. Убивали на месте, независимо от того, было в руках оружие или нет. Всех: стариков и детей. Из дворца шаха выволакивали всё ценное: ковры, одежду, посуду, оружие. И делили между собой прямо на площади перед дворцом. Сволочь шах успел умертвить почти весь свой гарем, дабы он не достался победителям. Почти, но всё же не весь. Кое-что всё-таки оставил. Иначе воины стали бы грызть и насиловать камни. Потому что гаремы князей и шахов — это всегда самая высшая и сладкая мечта любого, кто берёт в руки оружие. Что до обычных женщин, то они всегда под рукой. А вот гарем! Ухоженные, гладкие тела искушённых в любви жён и наложниц. Благовония. Чистые, изысканные ткани лож и будуаров, на которые хочется бросить пропахшее потом, чужой кровью и войной тело.

В одну из комнат выстроилась очередь. Хайду посчитал: семьдесят второй. А сколько ещё было до того, как он встал в эту очередь? Дело шло ходко: воины истосковались по женскому теплу и телу. У некоторых семяизвержение наступало от одной только мысли.

Она была темнокожей, худой и почти безгрудой. Обычные женщины, чьи крики неслись с дымных улиц, по мнению молодого Хайду, были куда привлекательнее этой. Но что значит слово гарем! Тым-л-лях! Если воин в числе лучших — ему позволят посетить гарем. Разрешат командиры и ветераны. Его не прогонят от сладкой добычи.

До этого дня он не знал, что такое женщина. Он даже не представлял толком, как нужно себя вести. Весь личный опыт основывался лишь на рассказах товарищей по оружию.

Хайду смотрел на темнокожую и ясно понимал, что она никакая не жена и даже не наложница, а всего лишь прислуга, привезённая из далеких стран и купленная своим бывшим хозяином или хозяйкой на обычном невольничьем рынке. Бывший раб почувствовал в девушке родственную душу. Он опёрся коленом на взбитые простыни и даже сквозь плотную ткань ощутил, насколько они мокры. Женщина лежала на боку, закрыв лицо ладонями. Красивая, тонкая линия бедра и ягодиц. Незавершённость линии говорила о ещё совсем юном возрасте. Взгляд скользнул дальше — спина. Воина передёрнуло. Кожа на спине содрана, словно по ней долго били хлыстом, сыпали соль и снова били. Он достал из походной сумки мазь и протянул. Но тут ворвался младший темник Бельгутей и закричал: «Чего ты так долго возишься?» Увидев в руках Хайду мазь, резанул белками: «Ещё раз увижу, что проявил жалость — отрублю руку! А пока ступай!» — «Обещаешь, что никому не скажешь!» — «А если нет, тогда что?» — «Тогда я тебя убью прямо здесь!» — «Я

OS2'.indd 47 14.09.2011 23:04:46

тебе обещаю, но не потому, что боюсь, а потому, что сам был такой. Ступай!»

Хайду шёл на ватных ногах прочь из дворца. Ни кровь, ни крики, ни стоны людей не врезались так глубоко в сердце, как спина той девушки. Никогда он не захочет такого удовлетворения своих желаний. Отныне гаремы не влекли его. Всякий раз после того несчастного опыта, когда падали новые города и рушились очередные дворцы правителей, он обходил стороной стены, за которыми скрывались дорогие ткани и роскошные будуары. А в ту ночь, выйдя из дворца, он увидел женщину в длинном тёмно-синем платье, семенящую в глубине улицы. Женщина уходила от него прочь, бегло оглядываясь, перебегая от одного дома к другому. При ходьбе платье чуть переливалось в свете огней и играло складками. Под тканью угадывалась не тонкая, но довольно изящная талия, манящие выпуклости полных, округлых бёдер и ягодиц. Плечи высоко подняты, словно боялись уронить бесценный алмаз черноволосой головы. Он побежал. Волна желания обожгла снизу, рванулась к горлу, забухала в ушах. Хайду не видел ничего, кроме тёмно-синего силуэта. Свернула за поворот и скрылась из глаз, отчего рассудок молодого монгола едва окончательно не помутился. Но слава Вечному Синему Небу, взгляд вновь отыскал ее. Вбежала в арку и вновь растворилась в дыму. Хайду рванул из-за пояса меч и стал рубить этот синий клубящийся дым, не слыша и не чувствуя, как из собственной груди вырывается глухой, звериный рык. Мелькнул подол платья. Перед самым носом хлопнула дверь. Удар ногой. Дверной щит слетел с петель. В комнате было темно, хоть глаза коли. В углу тьма шевельнулась, поскребла пальцами по стене. Хайду протянул руку и нашёл волосы. Потянул на себя. Сопротивления почти не встретил. Женщина стала опускаться на ковёр, увлекая за собой Хайду. Вот он уже сверху. Едва коснулся бледного, тонко очерченного лица рукой, как поток семени вырвался наружу, вся его плоть содрогнулась в конвульсии. Неожиданно женщина прижала его голову к своей груди и оплела ногами стан. «Волчонок, дикий степной волчонок!» — шептала, двигаясь навстречу всем телом. Он вдруг понял, что женщина, как минимум, вдвое старше его. Эта мысль породила волну покоя в душе, и он вошёл в горячее, скользкое лоно.

Ветераны всегда наставляют молодых перед взятием города словами о том, что нужно вспарывать животы всем изнасилованным женщинам, дабы те потом не наплодили врагов, у которых в жилах будет течь твоя кровь. А если проявишь слабость — навлечёшь на себя позор, на племя же — беду, ибо нет никого яростнее и страшнее сына изнасилованной тобой женщины. Но Хайду не смог. Он стоял и смотрел на полные и красивые бедра, на чуть выпуклый живот, на грудь, пылающую яркими ягодами сосков. Смотрел и не хотел уходить. Меч, боевые кони, сверкающие доспехи — всё вдруг померкло перед жаждой жить и обладать женским телом, источающим аромат материнства и неги.

Глава 5

— Тять, расскажи про Георгия. Ты ведь много раз обещал, — Голята придвинулся к Меркурию и прижался культёй к льняной рубахе

OS2'.indd 48 14.09.2011 23:04:46

приёмного отца.

— Он родился в Каппадокии, в очень богатой и знатной семье. Вся семья исповедовала христианство, — начал неторопливо смоленский воевода, накручивая на палец колечко бороды. — Будучи ещё юношей, Георгий поступил на военную службу, где превзошёл всех отвагой и ловкостью, а главное — умом. В двадцать лет возглавил когорту инвикторов, что переводится как «непобедимые». Когда воевал в Персии, выказал исключительную отвагу и был включён в число комитов — приближённых императора.

Но вскоре император Диоклетиан объявил войну всем христианам и начал гонения именно с военных людей. Двадцатисемилетний Георгий открыто бросил вызов императорской воле. Он раздал все свои богатства и даровал свободу невольникам. Сам же явился во дворец и обратился к императору и всему собранию со словами: «О император! И вы, сенаторы и советники! Вы поставлены для соблюдения законов и праведных судов, а ныне утверждаете беззаконие и издаете постановления о преследовании неповинных христиан, требуя от них поклонения идолам, как богам. Но ваши идолы — не боги! Не прельщайтесь ложью. Истинный Бог — Иисус Христос, Творец неба и земли, всего видимого и невидимого. Познайте истину и не преследуйте благочестивых христиан — рабов Божьих». Диоклетиан попытался ответить: «За твоё мужество и знатность рода я удостоил тебя чести носить высокое звание. И сегодня, когда ты говоришь дерзкие слова себе во вред, я из уважения к твоей храбрости и заслугам, как отец, даю тебе совет: не лишай себя воинской славы и высокого сана и не предавай на муки своим непокорством цвет твоей юности. Принеси жертву богам — и будешь у нас в ещё большем почёте». Святой отвечал: «О император, если бы ты сам познал истинного Бога и принёс приятную ему жертву хвалы! Он открыл бы для тебя врата безграничного Небесного Царства, несравненно превосходящего твое земное владычество. Власть и блага, которыми ты наслаждаешься, суетны, кратковременны и преходящи. Поэтому мою любовь ко Христу я не променяю на земную славу, которую ты обещаешь мне». Его бросили в темницу и подвергли пыткам, заставляя отречься. Колесовали, били дубовыми прутьями, наконец отрубили голову мечом. Умер святой в семь часов вечера в пятницу, 23 апреля 303 года. Тело похоронили в Палестине, в Лидде.

Вскоре после его кончины стали происходить чудеса, которые он творил во славу Христа. Вот, например, «Чудо Георгия о змие».

В озере, на берегу которого стоял город, появилось чудовище — не то змий, не то дракон, пожиравший всякого человека и любое животное. От его смрадного дыхания гибло всё живое вокруг. Сколько ни пытались победить дракона оружием — тщетно. Стали пригонять на берег овец, чтобы задобрить змия, но и это не помогло. Царь обратился к жрецам, и те посоветовали приводить не только овец, но и по одному ребёнку. Настала очередь царской дочери. Её нарядили в пурпур, украшенный золотом и драгоценными камнями, и отвели на берег. Девушка горько плакала, ожидая появления змея. Поодаль оплакивали её горожане и родственники. Вдруг перед её очами появился молодой воин и спросил, о чём она так печалится. Царевна всё рассказала и посоветовала уйти юноше, чтобы он не

OS2'.indd 49 14.09.2011 23:04:46

погиб вместе с нею. Но юноша усмехнулся и сказал, что расправится с драконом именем Бога, ибо змий этот не кто иной, как сам сатана... Неожиданно вода в озере возмутилась, и чудище ринулось на них. Георгий, осенив себя крестным знамением, вскинул копьё и бросился в бой. Вскоре горло змия было придавлено к земле копьём, а боевой конь кусал и бил копытами поверженного врага. Георгий накинул на усмирённого дракона свой пояс, отдал концы в руки царевне и, рассмеявшись, сказал, чтобы она ничего не боялась, а смело вела на поводке чудище в город. К жителям же обратился с такой речью: «Не страшитесь и уповайте на Всемогущего Бога. Веруйте во Христа. Он послал меня избавить вас от бесовского змия». Потом святой достал меч и пронзил грудь чудищу. Труп змия выволокли из города и сожгли, а на том месте, где чудище было убито, поставили церковь в память о Георгии Победоносце.

— Тять, а ты тоже носишь алый плащ, потому что Георгий такой носил?

— Очень многие носят такие плащи. Воины иных племен одевают красное, чтобы не было видно крови. Например, воины Древней Спарты. Другие же считают, что нет ничего краше крови, пролитой в бою, и заранее готовят себя к смерти, одеваясь в красный цвет.

— А кто они, воины Древней Спарты?

— Это случилось очень давно. Грозный персидский царь Ксеркс отправился завоёвывать Элладу. Эллины оказались не готовы к войне. На общем военном совете всех греческих городов-полисов не смогли выработать единую стратегию. Тогда первыми вышли навстречу врагу триста воинов во главе с царём Леонидом. В узком Фермопильском ущелье завязался неравный бой. Сотни тысяч азиатов против горстки храбрецов. Но даже численный перевес не мог решить исход сражения. Персы начали колебаться. А Ксеркс уже начал подумывать об отводе войск и концентрировать силы для морских сражений. Но тут нашёлся предатель, который и провёл персов козьими тропами в тыл спартанцам. Все триста погибли, но выполнили свой воинский долг, задержав неприятеля, пока основные силы греков смогли наконец собраться для отпора.

— Когда ты сможешь прогнать татар?

— Думаю...

Договорить смоленский воевода не успел. По дубовой калитке забора ударили настойчиво несколько раз подковой, прикреплённой на тонкой цепочке к столбу. Прислуга вышла на двор спросить: кто там? Потом массивные двери заскрипели, и из темноты улицы во двор хлынули горящие факелы. Проскрипели деревянные мостки под тяжелыми сапогами. «Постойте-ка пока здесь!» — Меркурий узнал голос сотника Валуна. Мощный командир княжеских гридней едва протиснул широкие плечи в дверной проем.

— Эй, хозяин!

— Заходи, Валун. Не топчись в сенях. Холоду напустишь.

— Уфф, ну и жарища у тебя тут.

— А ты всё привык по лесам да по полям шастать да спать на попоне — вот тебе и жарища.

— Ну, мы в тёплых странах не жили. А ну, малец, поди-кась пока. Разговор не твоих ушей, — Валун уселся на лавку подле двери, широко переводя дух.

Голята кивнул и быстро взбежал на второй этаж терема.

— С какими новостями ко мне сотник

OS2'.indd 50 14.09.2011 23:04:47

пожаловал? — воевода намотал на палец колечко темно-русой бороды.

— Плохи дела наши, тысяцкий. Утром гонец с Новегорода прискакал. Сказывает такую вещь. Папа Римский объявил крестовый поход против схизматиков, нас, то бишь.

— Григорий Девятый, он же граф Уголино. Ну-ну, продолжай.

— Так вот. Новгородцы уже челом бьют князю Александру Ярославичу. И отец его, Ярослав, сыну благословение дал на поход.

— А нам тогда чего бояться?

— А того. А ну как не сдюжит молодой князь этакую силищу! После Новгорода рыцари на кого пойдут? На нас! А мы опять с двух сторон зажатыми окажемся. Кумекали боярские головы и порешили, что нужно на поклон к татарам идти и просить у них помощи военной от крестоносцев. Чуешь, куда клоню?

— Не дурак.

Меркурий побледнел и, смахнув выступившую на лбу испарину, проговорил севшим голосом:

— Дальше!

— Князь ни бельмеса сказать не может. Токмо головой трясет. А те и рады, дескать, кивает он в знак согласия. А тут ещё, как по мановению, Гудзира ихний прискакал, или как там его разберёт, и предложил мир с одним условием. Я им говорю: давай я драться пойду. Воевода же не поединщик. Тут своя сноровка требуется.

— Не пыли так часто, Валун. Давай по порядку. Какой Гудзира? Куда прискакал? Почему не ко мне?

— Да гром его знает. Ты отлёживался после всего того, что выпало на твою долю. Подскакал сегодня утром к воротам и сказал, что хочет увидеться с князем или же с людьми важными и достойными и не желающими продолжать войну. А тут, в самый раз, боярин Кажара подвернулся, тоже не знаю как. Сговорились както и пошли все ко князю. А князь-то наш, говорю тебе, шибко болен, многие думают, аж умом давно ослабел и речь невнятная. Гудзира ентот, сукин сын, и говорит, что их славный воевода Хайдук, что ли, войны, дескать, не желает. А хочет всем всё добро оставить и уйти восвояси, только вот шибко хочет напоследок в открытом бою одолеть того самого воеводу, что ему, прославленному человеку Великой Степи, так зад нехорошо отодрал. А ещё этот поганик Гудзира сказал, что лучше вовсе их вождя не утруждать, а просто вынести голову воеводы на золотом блюде. И тогда, дескать, и овцы целы, и волки сыты. Мне же поручили схватить тебя и в цепях привести. Так что ты, Мер, на меня, служаку старого, не будь в обиде.

— А что князь? — Меркурий никак не мог поверить собственным ушам.

— Да, что князь. Мычит чего-то. А кому надо показалось, что он у народа спрашивает, как тот смыслит. Кажара же, не будь дурак, мигом к перчаточникам отправил. А те — сам знаешь. Навоевались, мол, не хотим боле. Да и ты, дескать, не совсем свой, а так, не пойми кто. Тебя же многие так басурманом и кличут. Зависть-то, она, людская, уж шибко лютой бывает. Литовцев отбил и склонил к миру, жену взял, какую пожелал, и словом ведь никто не попрекнул, живёшь в хоромах, а тут ещё и татар бить начал. Боятся тебя, Мер, некоторые в собольих шапках. Боятся и зубами от ярости скрипят. А ну, как всю власть под себя сгребёшь! Что тогда? Иных по миру пустишь, а кое-кого в яму да на плаху.

OS2'.indd 51 14.09.2011 23:04:47

Одним словом, чего чужака жалеть! Пожил, попил всласть, повоевал в охотку. Лучше беду одной головой отвести. Вот такие у них доводы.

— Но они ведь всё равно должны предъявить обвинение?

— Да был бы человек, а обвинить, сам знаешь, бревно на дороге можно. Кажара собрал вокруг себя сторонников, и все они в один голос кричат, что ты-де против воли княжеской пошел. Не давал князь своего указания на сбор войска и тем паче на войну. Подбил-де народ неразумный. Одним словом, бунтовщиком тебя записали. А тут и жена князя тоже, мол, я мужика-то своего понимаю, какой бы ни был больной, не разрешал муж похода. И сама орёт: «Бунтовщик — рыцарь этот окаянный!» Вот такие дела, Мер.

— Ясно, — Меркурий до хруста сжал кулаки. — Значит, я во всём виноват! А та половина думы, что за меня стояла, что говорит?

— Да что говорит? Страх перед крестоносцами — сам знаешь, какой! Одни молчат, головы потупив, другие повинились, дескать, чёрт попутал. За народ не знаю. Он ведь верит тем, кто красиво бает.

— Значит, голову — на блюдо!

— Не слушай, тять! — Голята сорвался с лестницы. — Я знаю Хайду. Не того он хочет.

— Цыц, малец. Чего подслушиваешь, а! Без тебя разберёмся, — Валун привстал со скамьи.

— Пусть скажет. Малец-то, может, и малец, но в разведку лихо сходил, — Меркурий кивнул Голяте.

— Я, тятя, вот что о татарах знаю. Люди они, конечно, хитрые и коварные, но честь у них всё же есть. Хайду взаправду, может, сразиться хочет, но тех, кто им головы своих героев на блюде выносит, они презирают. И уже не просят обычной дани, а гонят в рабство баб и детей. Мужиков же бить могут поголовно. И рассуждают так: зачем держать за пазухою того, кто может предать в любой момент. В этом они коварны.

— Ты слышал, Валун?

— Слышал, но одним мальцовским словом дело не решишь. Сбирайся, Мер. Я на князя крест целовал: ослушаться не могу. Буду, как и ты, молиться Господу, чтобы разрешил лучшим образом.

— Не так всё идёт что-то. Чует моя душа. Ай, не так, — Меркурий накинул бараний полушубок и шагнул в сени. За ним — сотник. Перешагнув порог одной ногой, Валун обернулся и посмотрел на Голяту:

— Неужто взаправду сказываешь за татар?

— Да вот же истинный крест, — Голята заполошенно закрестился. — Мне дядька Хайду сам такой случай сказывал. Было это двадцать с лишком годов назад. Долго они осаждали какой-то город в песках. Уже воины боевой дух терять начали, кони оголодали и едва ногами двигали, уже на исходе запасы воды и еды, уже стрел не оставалось. Но тут на курултае встаёт один старый татар и предлагает: давайте, дескать, предложим горожанам выдать их военачальника, а за это пообещаем не тронуть город, взять всего лишь лёгкой дани. Так и порешили. Отправили гонцов с предложением. А в городе тем временем тоже своя замятня случилась. Одни обвиняют других, что зря, мол, войну затеяли: татары-то не уходят, а осаждают крепко. Вода уже на исходе, всюду грязь, убитые гниют непохороненными прямо на

OS2'.indd 52 14.09.2011 23:04:47

улицах, болезни начались. А тут аккурат послы — здрасьте, пожалуйста. Спорили, спорили старейшины: как им быть. Да всё же выдали своего военачальника. Нашлись такие. Срубили голову, вынесли на золотом блюде вместе с ключами от главных ворот, пали на колени: готовы покориться. Но тут старый татар, который всё это предложил сделать, оборачивается к своим нойонам и говорит, что не верит он их покорности, что придут другие, так эти псы наши головы на блюде понесут. И приказал сжечь дотла и разрушить до основания сей град. Ворвались монголы в открытые ворота и устроили там страшную бойню, какой не было со времён Пекина. Хайду этот случай хорошо запомнил. Да ещё у него, видать, какие-то свои переживания со всей этой историей связаны. Шибко уж он ликом темнел, когда рассказывал мне это. Так-то, сотник. Не всё тут просто. Надо бы с Хуцзиром разобраться. Видел я его. На крысу похож. Темнит посол, чую, темнит, и от нас, и от Хайду темнит.

— Эвона как! — Валун вышел в сени вслед за Меркурием. В сенях треснулся о притолоку, выматерился и приказал гридням светить по-хорошему.

Уже сойдя с крыльца, Меркурий придержал Валуна за плечо.

— Пусть гридни отойдут, сотник.

— А ну давай, жди за оградой! — сотник махнул дружинникам.

— Надеюсь, в цепях не поведёшь?

— Да Бог с тобой, тысяцкий! Я ведь сам, думаешь, не понимаю? Ищут виноватого. Не о людях же пекутся! О добре своём. Всё я вижу, да поделать ничего не могу. Не гридней же, взаправду, на бунт поднимать. Тогда совсем — яма, с которой только на тот свет.

— Как горожане к сиденью готовятся?

— Сидеть крепко собираются. Татар не боятся. Здорово ты им дух приподнял.

— Ладно. Следи сам, сотник, чтоб порядок был: чтоб нужду под заборами не справляли, за воровство сразу на кол, баб и детишек в обиду не давай, у них тоже работы будет много. Смолу держи всё время нагретой. Моих «волков» поставь на охрану ворот — они выдюжат. А меня лихом не поминай. Если было где не так, то прости.

— Да погоди ещё, воевода. Может, всё ещё в другую сторону повернёт.

— Не повернёт. Давай подойдём к колодцу, — Меркурий шагнул вглубь двора. Крупно зазвенела цепь катушки, и ведро с гулким плеском ударилось об воду. Тысяцкий спокойно крутил ручку ворота правой рукой, на указательный палец левой накручивая кольцо бороды.

— Вот смотри, Валун, как луна красиво в воде дрожит. Мне легко. Виту и мальца в обиду не давай, — отражённая в ведре луна озарила лицо тысяцкого.

— Да будет, Мер. Даю слово, ни одна собака не подойдёт.

— Вот и ладно. Больше двадцати лет назад у одного римского аптекаря купил яд. Храню, видишь, в перстне. Аптекарь уверял, что яд сей срока годности не имеет. За хорошие деньги взял, на тот случай, если на костёр инквизиторский поведут. Огня страшно боялся. Теперь не боюсь. Но и корчиться в руках заплечников тоже не хочу. Хорошая вещица — перстень с пружинной крышкой. Помру — забери себе, — Меркурий зачерпнул ковшом из ведра так, чтобы вода слегка прикрыла дно, щелкнул крышкой перстня и высыпал яд.

— Воевода, век тебя не забуду! — Валун отвернулся, смахивая подступившую слезу.

OS2'.indd 53 14.09.2011 23:04:47

Глава 6

Приходит время, когда плоть становится невыносимым ярмом духу. Дух стремится вырваться на волю, подобно клинку, вылетающему с шипением из ножен. Синеватая сталь клинка становится частью Вечного Синего Неба, а плоть распадается на земле, как сломанное древко копья или оглобли арбы, перевозившей скарб и раненых.

У меня не было отца или человека, который бы мог посадить меня в детстве впереди себя на коня и рассказать, как устроена земля, кормящая нас, земля, из-за которой льются бесконечные потоки крови. Я всё познавал сам, учась у своих боевых товарищей, таких же чёрствых, грубых, подчас озлобленных, как я сам. Что же узнал я из уроков преподанных мне самой жизнью? Всем миром правит всегда только сильный. Правда на стороне того, чей меч более быстр и крепок, а стрела молниеносна, подобно гремучей змее, и более метка, нежели другие. К побеждённым, слабым, покорившимся без сопротивления нужно относиться так, как относятся к паразитам, сосущим твое тело. У сломленных нет никаких прав — наставляли меня — как не бывает прав у паразитов. Попробуй только начать их жалеть, как тут же появятся певцы, которые начнут плести цветистые касыды о блохастой любви к ближнему. Паразит сосёт кровь империи и существует, покуда эта империя, созданная сверхнапряжением властителей, жива. Кусает, издевается, устраивает бессонные ночи, изматывает, когда хочет насытить своё никчёмное тело жизнью. Загнать под ноготь всю эту заразу очень трудно, а в условиях боевого похода невозможно. Остаётся только убивать хотя бы тех, кто сам высовывается, чтобы облегчить страдания плоти. Убивать беспощадно.

Таков тысячник Хуцзир. Карьерист и тщеславец. Ему повезло родиться в знатной семье. Но бог не дал ни ума, ни силы. Только хитрость, с помощью которой он рвётся наверх. Пусть остаётся заложником в стане русских до тех пор, пока Вечное Синее Небо не рассудит всё должным образом. Если он попытается обмануть меня, не выполнив в точности приказа, — я убью его. Это будет блестящий и долгожданный повод. Дайчеу был великим воином, но терпеть рядом с собой человека, который претендовал на роль справедливого судьи твоей жизни, тоже невыносимо. Хитёр, ай, хитёр Хуцзир. Но на всякого хитрого лиса находится куда более искусный охотник. Ну да полно. Мир во власти Тенгри, пусть решает.

Китаец Чжой-линь говорит, что моё тело устало, оттого и болеет. Хотя и живёт на земле каких-то сорок лет. Да, когда-то оно было молодым и, врываясь в города, гнало впереди себя белокурых дев в белых льняных платьях, смуглых иудеек в ярких цветастых накидках, строгих мусульманок в глухих и чёрных одеждах, полуголых чернокожих красавиц, чопорных китайских аристократок. Все они кусались, царапались, отбивались, сколько хватало сил, не желая подчиниться воле победителя. Но лишь цепкая рука начинала наматывать вокруг пальцев волосы, все эти женщины становились одинаково покорными. Всё это собачий бред, когда учёные географы пытаются провести отличия в характере разных народов. Одни, дескать, более податливы, другие строптивы, третьи коварны. Женщина хочет видеть в мужчине побе-

OS2'.indd 54 14.09.2011 23:04:47

дителя, и ей плевать, что у него на ногах: монгольские ичиги или всего лишь браслеты на голых щиколотках. Глаза их плачут, но плачут не по тем мужчинам, которых ты только что убивал, испытывая жалости не более, чем к барану, а по тебе. Уж кому-кому, а женщинам хорошо известно, что их мужчины проиграли нам не потому, что мы лучше оснащены, организованны или более умелы, а потому лишь, что мы не являемся рабами вещей.

Мы не воспеваем роскошь, не занимаемся накопительством, не меряемся откормленными животами. Хотя так же, как все, любим тепло наших юрт и счастливые лица наших детей. Побеждает всегда тот, в ком не поселился раб. Тот, кто не перестал заботиться о духе, хотя и полюбил вещи, необходимые и полезные в быту. Племена и народы, не устоявшие перед соблазном роскоши, исчезают. Время и беспощадный ветер перетирают их до праха и пыли. То же самое происходит с их вещами, которые являлись для них светочами существования. Монголы дали возможность многим народам и племенам, погребённым под толщами вещей, родиться заново, возникнуть и утвердится на земле.

Мужчины должны время от времени брать в руки оружие и вспоминать, что рождены не в юбке. Женщины начинают рожать на свет воинов, готовых в любой момент продемонстрировать силу, смекалку, ловкость, инженерную мысль. Ведь если осаждают твой город, используя новейшую осадную технику, значит, ты тоже должен суметь защититься передовым оружием, а его нужно изготовить. Женщины начинают рожать зодчих, которые строят не пробиваемые таранами стены кремлей, красивые храмы для своих богов, крепкие дома для своих семей. Женщины начинают рожать ремесленников, которые изготавливают непробиваемые доспехи, надёжные клинки, шьют одежду на зной и холод. А ещё певцов, хотя последних лично я не очень люблю. Поэтому женское сердце всегда любит победителя, а разум ещё какое-то время продолжает ненавидеть.

Китаец говорит, что у меня больны почки. Я не знаю, как болят почки, но каждую осень чувствую боль в семенниках. Это камни. Они шевелятся во мне, приходят в движение и с дикими резями вырываются наружу. Камни не просто так появились во мне. Я перестал быть человеком, способным произвести на свет потомство. Или просто перестал быть. Война превратила мое нутро в камни. И вместо энергии рода живут теперь они во мне. Так я думаю. И каждую осень, перед началом очередного похода, испытываю адскую боль в семенниках. Эта боль заставляет меня думать о тех, кого я должен лишить жизни. Думать о неродившихся, о живущих, о мечтающих о детях. Даже сплю уже много лет, сидя в позе лотоса, уткнувшись лицом, словно в стену, в тепло, идущее от походного огня. Завидую тем, кто может спокойно лежать на боку или на спине. Завидую тем, у кого есть дети.

Государство — это средоточие мира отдельно взятого человека. Государство быстро зачахнет и умрёт, если не появятся новые поколения. Превратится в кучку золы и праха, который потом разметёт ветер. У меня нет детей, поэтому так нещадно болят семенники. А почки — всего лишь следствие.

Очень хочу, чтобы смоляне не вложили мечи в ножны, а выставили против меня своего вождя. Тогда, по крайней мере, я

OS2'.indd 55 14.09.2011 23:04:47

буду знать, что имею дело не с рабами. И рабская доля — не для них. Здоровый народ всегда жаль уничтожать и разрушать его творения. Я, младший темник, джихангир полутумена, буду просить перед ханом и Вечным Синим Небом за вас — смоляне. Просить и завидовать вам, потому что есть среди вас голяты. Империя, созданная великим Чингисханом, скоро рухнет. Монголы завоевали Китай и заменили степной дух хитроумными мозгами. Разрушили Самаркандское шахство и потянулись к роскоши.

Все беды всегда оттого, что человек, теряя себя, растворяется в чужом. Прошло всего каких-то пару десятков лет, и вот уже вместо юрт стали появляться сверкающие дворцы. Знатные воины оделись в золочёные доспехи, непригодные для боя, и в тонкие изысканные ткани, словно красавицы на выданье. Стали холить и лелеять тела, словно женщины в гаремах. Похоть овладела чувствами и мыслями. Но и это не всё. Мы стали посещать торговые площади, где танцуют мальчики для утех. Мы стали кричать: «Бакча, подари мне свою улыбку или хотя бы посмотри на меня. За твою любовь, мальчик, я отдам все своё состояние, забуду имя своё, имена отцов и детей!» Мы — покорители мира — стали бесплодными, точно евнухи.

Китаец пытается убедить меня, что болят почки. Глупец. Мудрый глупец. Он не видит и не понимает: энергия вырождения уже завладела нами. Больные семенники — начало конца. Мёртвые семенники — исчезновение. Скоро часть из нас окончательно закроется во дворцах, подчинившись вещам, а другая — клокочущим, точно русское болото, сбродом пойдёт просить милостыню. И вскоре всех нас растопчут копыта боевых коней тех, кто сохранил себя...

Хайду встал и, щурясь, посмотрел поверх языков огня вдаль, туда, где темнела бойницами и бугрилась силуэтами башен смоленская крепостная стена. Он будет ждать сутки. Больше нельзя, воины не поймут... Воины скажут мне: «Хайду, мы идём за тобой, потому что в наших сердцах живет империя великих монголов. Рабы и вещи — не главное. Если ты всё время ищешь мира возле чужих стен, тогда зачем тебе мы. Становись послом или купцом, а про нас забудь!» И они будут правы. Каждый из них вспоминает свою юрту, любимую жену, сына, которому хочет передать свои знания и оставить достойное наследство. Но они вскочили на коней, бросив родные очаги, движимые высшей целью. Они не могут объяснить, что это за цель, но точно знают: она есть.

В те месяцы, когда не выпадает дождь, а солнце палит нещадно, степь выгорает дотла, становясь чёрной и страшной. Кочевья снимаются и уходят прочь, чтобы кормить скот и содержать семьи. Но через какое-то время возвращаются. Новое буйство трав покрыло землю от горизонта до горизонта. Выгорело всё старое и ненужное, освободив путь для новой жизни, молодых ростков, которые потянулись вверх, к свету, наполняясь силой и мощью. Так и среди людей. Город смотрит на меня огнями окон, шумит улицами и площадями. Наслаждаюсь его речью. Восхищаюсь искусством зодчих. Но вдруг отдаю приказ: стереть его с лица земли. А всё лишь потому, что не нахожу, не чувствую жизни и дыхания единого организма. Город давным-давно стал духовным мертвецом, кладбищем с тенями бесполезных могил и с теми, кто доживает свой век, явно тяготясь

OS2'.indd 56 14.09.2011 23:04:48

существованием. Постройки, в которых обитают эти люди, тоже нельзя назвать домами, это всего лишь холодные бездушные стены и тяжёлые крыши, закрывающие небо над головой. Именно от неба и прячутся рабы, чтобы спокойно обывать и не рваться душой вверх. У них осталась жалкая привычка к жизни, они не способны защищать себя и свои семьи, не способны быть хорошим примером идущим вслед за ними поколениям. Но раб может нанести удар в спину тому, кто позволяет ему жить. Нельзя давать рабу хлеба больше того, что требует его организм, иначе он начнет завидовать, сначала такому же, как он, потом дающему. Мне не жаль таких городов, более того, я считаю их вредными и опасными для империи. Пусть на месте пепелища появится новая жизнь.

Я устал, я очень устал от боли. Но мне не нужно сострадание — боль вызывает только гнев. Где те годы, когда мое тело легко взлетало на спину боевого коня! Я стал хуже старца, который боязливо подходит к стремени и осторожно садится в седло. Наверно, чем-то даже напоминаю дерево, покрывающееся сетью морщин и умирающее стоя. Ствол не питается от корней, и смерть мало-помалу проникает в плоть. Мои корни болят, они умирают, и всё тело сохнет и вянет. Возможно, всё это когда-нибудь произойдет и с племенем покорителей Вселенной...

Хайду смотрел, как легкий ветерок поднял с мёрзлой земли скрученный тёмно-багровый лист осины и погнал по гребню увала. Отчётливо выделялись червлёные отжившие жилки. Сам лист напоминал ссохшуюся старческую ладонь, которая призывно махала, зовя за собой, перелетая с кочки на кочку, с камня на камень, с одного мёртвого стебля на другой. Младший темник, провожая взглядом лист, еле сдерживал подступившую тошноту. Он не умел плакать, но в эту минуту ледяная волна душевной тоски оказалась сильнее воли. По глубокой тёмной морщине, идущей от глаза, поползла мутная большая слеза. Свет закатного солнца на мгновение отразился в ней и погас. Холодный воздух ночи превратит слезу в маленькую крупицу льда. Но Хайду даже не заметит — продублённая походами кожа давно потеряла чувствительность. По правую руку неспешно катил свои воды Днепр, бормоча настойчиво и распевно древние сказания о былинных героях. Седые длинные усы и борода колыхались, усеянные искорками замороженных звезд. По левую руку затевал гуд осенний лес, наполовину голый и продрогший на ветру. И такой жутью веяло от этого леса на монгольский стан, что часовые, застывшие по периметру лагеря через каждые двадцать шагов, предпочитали не смотреть в его сторону. Хайду снова сел в позу лотоса около огня в своей юрте и, закрыв глаза, уронил голову на грудь.

OS2'.indd 57 14.09.2011 23:04:48

Глава 7

Умеющий шагать не оставляет следов. Умеющий говорить не допускает ошибок. Кто умеет считать, тот не пользуется инструментом для счёта. Кто умеет закрывать двери, не употребляет затвор и закрывает их так крепко, что открыть невозможно. Кто умеет завязывать узлы, не употребляет веревку, но завязывает так прочно, что развязать невозможно. Поэтому совершенномудрый постоянно умело спасает людей и не покидает их. Он всегда умеет спасать существа, поэтому не покидает их. Это называется глубокой мудростью. Таким образом, добродетель является учителем недобрых, а недобрые — ее опорой. Если недобрые не ценят своего учителя и добродетель не любит свою опору, то они, хотя и считают себя разумными, погружены в слепоту. Вот что наиболее важно и глубоко.
(Дао Дэ Цзин, стих двадцать седьмой)

Всю ночь Хайду просидел в позе лотоса, окунув безбородое лицо в тепло, идущее от огня. Нукеры то и дело подкладывали дрова, не приведи Небо, джихангир проснётся от холода. Несколько раз сон начинал клонить тело на бок, и тогда боль в семенниках тут же напоминала о себе. Хайду выпрямлялся, стискивал ладонями колени до белых ногтей и ждал отступления боли, глядя слезящимися глазами в языки пламени. Каждую осень, вот уже на протяжении нескольких лет, он страдал от мочекаменной болезни. Каждую осень он боялся ночей и с ужасом ждал, когда начнёт выходить очередной почечный камень. Он молил Вечное Синее Небо только об одном, чтобы в решительный день и час болезнь не скрутила его чудовищной болью. И пока Небо понимало джихангира. Наконец забрезжил рассвет. Хайду тяжело поднялся, потянулся, вскинув руки, потоптался на кривых ногах и окликнул слугу:

— Сунгун.

— Да, господин.

— Конь готов?

— Да, господин.

— Давай. Я хочу объехать лагерь, а заодно посмотреть на спящий город. Может быть, в последний раз увидеть его не в дыму и не в пламени. Людям дай ещё час на сон и труби «подъём».

Хайду с трудом вставил ногу в стремя и с гримасой на лице переместил тело в седло, придерживая правой рукой место, где пульсировала боль.

— Как думаешь, Сунгун, что нам сулит сегодняшний день?

— Как всегда, победу, мой господин. Люди говорят, что урусы знают, как лечить почки. Они заставляют пить какие-то травяные настои и периодически погружают человека в бочку с горячим травяным отваром. Мы захватим в плен их знахарей и заставим лечить тебя, о храбрый из храбрейших.

— Сунгун, прекрати применять выражения глупых и чванливых самаркандцев. Монголы не должны радоваться, когда их осыпают пышными словами. Пусть лучше осыпают золотом, приводят красивых женщин и рабов. Сунгун, а что ты слышал про урусских женщин?

— О, не знаю, как эти, — Сунгун махнул в сторону смоленских стен, — но рязанские высокие и светловолосые. Воины до сих пор цокают языками, когда вспоминают Рязань.

— Да, а зачем нужно было вспарывать им животы, Сунгун?

OS2'.indd 58 14.09.2011 23:04:48

— Так велит закон. Чтобы женщина не родила и не воспитала врага твоей крови.

— Боюсь, Сунгун, что именно так рано или поздно произойдет.

Хайду тронул узду, и белый Ордос неторопливо пошёл по гребню увала. Четыре нукера тенями выросли за спиной своего командира. И вот уже кони перешли на рысь. Запел в чешуе доспехов встречный ветер. Маленький отряд взлетел на холм. Город открылся, как на ладони. Первые петухи вспороли утреннюю тишину криками. Закурились дымки над избами и теремами. Смоленск просыпался. Ветер стал доносить городские запахи, отголоски речи. Низко и важно ударил колокол. Ордос чуть вздрогнул. По телу коня пронеслась зыбкая волна дрожи. Хайду ногами сдавил бока боевого друга и почувствовал, как конское тепло перетекает в его плоть через кожаные штаны. Он любил это тепло, оно приносило спокойную уверенность и заставляло боль пятиться, угасать хотя бы на время.

Джихангир скрестил руки над головой. В тот же миг в разных концах его треугольного лагеря раздались глухие звуки кожаных барабанов. Пять минут боя, пять минут удивительной речи. Едва в одной части огромного наконечника возникает звук, как из другого угла слышится ответ. Хайду всегда казалось, что так бьётся сердце его необъятной степи. Через пять минут боевые порядки войска вытянутся, сверкая стальными глазами наконечников копий, обращённых к Вечному Синему Небу, словно прося поддержки и высшего позволения на битву.

Младший темник щурился, вглядываясь вдаль. Что решили смоляне? О чем договорился с ними Хуцзир? Этот искушённый в интригах тысячник мог в переговорном процессе преследовать свои цели. А цели у него есть. Завистлив, коварен, подозрителен. Метит на место темника. Выслуживается перед ханом. Эх, не его нужно было отправлять на переговоры. Тогда кого? Дайчеу мертв, Алиха тоже. Другие тысячники храбры и благородны, но хороши лишь на поле брани. Кункурата, умевшего ходить послом, убили во время ночной вылазки урусские воины в волчьих шапках. Вот сейчас ворота распахнутся, и человек в алом плаще на чёрном, как смоль, коне рванётся с копьём наперевес. Хайду закрыл глаза и мысленно перенёсся за крепостные стены. Вот он идет по чисто выметенным мощёным улицам и всех встречных спрашивает: видел ли кто отрока по имени Голята. Люди улыбаются, кивают, показывают руками в нужном направлении. Вот, наконец, он находит дом.

Голята заткнул за пояс пустой левый рукав рубахи, накинул полушубок и понёсся по улице, петляющей вниз, к городским воротам, оставив бледную, как снег, Виту со свечой возле окна.

Он подбежал как раз в тот момент, когда два стражника поднимали дубовый засов. Возле ворот стояло несколько бояр, городской староста — убелённый старец с трясущейся головой и ещё несколько видных горожан из ремесленного люда. В руках одного из них Голята увидел большой серебряный поднос, на котором поблескивали золотые монеты, переливались разноцветно дорогие каменья, ярко горел на солнце кубок. Голята раньше только слышал про этот кубок, но никогда не видел. Большая широкая чаша, отлитая из чистого золота с узорами, с изображением сцен охоты и пира, с бриллиантовыми поясами. Приложиться

OS2'.indd 59 14.09.2011 23:04:48

к ней имел право лишь великий князь, да и то по большим праздникам. В руках другого горожанина Голята увидел широкий меч, наполовину торчавший из золотых ножен, тоже испещренных многочисленными узорами и обсыпанных изумрудами разной величины. Большой ключ от городских ворот держал староста. Рядом с ним потупившись стоял сотник Валун. Через левую руку сотника была перекинута золотая кольчуга; в правой руке — золотой остроконечный шелом. Голята понял, что это дары, приготовленные для джихангира Хайду.

Появился посол Хуцзир. Он шёл подбоченясь, неторопливо переставляя кривые ноги, явно готовясь возглавить процессию.

— Дядя Валун, — Голята ткнулся лицом в широкую грудь сотника, — где тятя? Тятя где? Не слушай их, дядя Валун. Хайду сожжёт город. И всех от мала до велика угонит в рабство. Я знаю, дядя Валун. Поверь. Нужно, чтобы тятя бился или бились все. Нельзя сдавать город. Скажи отцу, дядя Валун.

— Твой отец велел передать, чтоб ты, малец, горько не тужил по нему и поддерживал Виту, — Валун прогудел неестественным для себя голосом, словно голос зарождался не в связках, а шёл откуда-то из живота.

Голята отшатнулся. Обвёл происходящее помутневшими от слез глазами, рванул из-за пояса рукав, сжал ткань зубами и замотал головой.

— Бежи прочь отседова. Не то, не ровён час, и тебя, дурака, на цепь посадят и поведут, как пестуна, на потеху татарам, — сотник подтолкнул Голяту в спину.

Ноги сами понесли отрока вверх по склону холма. Он бежал, страшно задыхаясь, но рукав, стиснутый зубами, не выпускал, чтобы не закричать. Бежал, и белые круги плавали перед глазами. Сердце бухало в ушах, а казалось, что бьют барабаны в монгольском лагере. Привкус крови стоял в горле, ударял в нос, приторный до тошноты. А дорога была, как бесконечность. Влетел на крыльцо терема, расталкивая слуг и домочадцев, и прямиком — в оружейную комнату.

— Сынок, что ты задумал?

Голята вздрогнул: за спиной стояла его родная мать, Завиша. Высокая, стройная, она держала стебель потухшей свечи. Белый льняной сарафан красиво обтягивал стан и чуть колыхался от лёгкого ветерка, беззаботного жителя потустороннего мира.

— Мама, они разрушат город.

— Нет, сынок. Они не смогут. Против них есть ты.

— Мы правда увидимся там, у Бога?

— Ты заговорил, как маленький ребенок. А ведь ты уже у меня — вон какой! Отца перерос!

— Мой отец татар разбил!

— Да, но его задрал медведь в лесу. Напал сзади и задрал.

— Нужно убить этого медведя и татар отогнать. Мама, а ты видела Деву Марию? Как она выглядит?

— А вот так и выглядит, как я.

— Теперь я знаю, как найти Деву Марию.

— Да, найти будет нетрудно. А сейчас давай я тебе помогу. Самому доспехи одной рукой не одеть и плащ отцовский не пристегнуть.

— Зачем мне доспехи да ещё плащ? Я бы только копьё взял, чтобы змия, точно Святой Георгий, поразить.

— Храбрый ты у меня. Но нужно, чтобы змий тебе поверил и вышел из тёмной воды озера на сушу.

OS2'.indd 60 14.09.2011 23:04:48

— Мама, я скоро вернусь к тебе?
— Да, сын. Черныш уже у крыльца: бьёт копытом землю и грызёт удила.
— У тебя такие тёплые губы, мама.
— Скачи с Богом!
Когда из распахнутых крепостных ворот вышла процесся празднично одетых горожан с дарами, которую возглавлял тысячник Хуцзир, у Хайду упало сердце.
Тень презрения и брезгливости легла на лицо младшего темника. Он уже хотел было встать в стременах и скрестить над головой руки, что означало бы только одно: сжечь, стереть с лица земли, грабить столько, сколько можно увезти с собой, молодым женщинам вспарывать животы, мужчин убивать на месте, детей мужского пола, переросших колесо арбы, казнить. Монгольское войско напряглось, готовое вмиг сорваться и понести ужас на клинках мечей и наконечниках копий. Смерть натянула тетиву своего лука, но стрела была ещё зажата между пальцами. Хайду промедлил с приказом на какое-то мгновение, и это промедление спасло жизнь городу.
Широко раздувая ноздри, шумно отфыркиваясь, широкогрудый вороной конь вылетел из ворот, неся на себе всадника в римских доспехах, за спиной которого развевался алый плащ. Бока коня играли иссиня-чёрными переливами, тяжёлая, густая грива вздымалась завораживающими волнами. Солнечный луч ударил в наконечник копья всадника и рассыпался на тысячи золотых брызг. Хайду невольно залюбовался.
— Он мой! — выдохнул младший темник и ударил пятками своего Ордоса.
Белый конь сорвался с вершины холма и понёс хозяина по звенящей, подёрнутой инеем ноябрьской траве. Хайду перекинул щит из-за спины и потянул за рукоять меча. Клинок, угрожающе шипя, точно гюрза пустыни, покинул стальные ножны. Они сближались. Воздух наполнился дробью конских копыт, заставляя леденеть сердца застывших по обе стороны людей. Клинок меча и сталь копья встретились, с глухим звоном отпрянули друг от друга. Это был первый контакт. Разведка и одновременно приветствие соперника. По неписаным правилам первое касание не должно быть боевым. Хайду про себя отметил, что вблизи его противник выглядит куда менее внушительным, даже, можно сказать, щупловатым. Но так бывает: страх часто обманывает зрение. Монгол занёс меч над головой в тот момент, когда всадник в римских доспехах поднял лицо и посмотрел в упор широкими озёрами голубых глаз. И слёзы были больше глаз.
— Ты?! — Хайду узнал Голяту.
Вдруг раздался долгий, протяжный звук. Он был настолько неожиданным, что кони встревоженно замерли, навострив уши. Звук зарождался где-то у кромки синеющего леса и тянулся, широко разливаясь в небесной дымке. Это трубил сохатый волхва Измора. Острая, страшная боль скрутила джихангира, бросила лицом на шею Ордоса. Ледяной пот выступил на лбу и стал наваливаться тяжёлыми каплями на глаза. Сквозь эту мутную влагу младший темник увидел, как тяжёлый листовидный наконечник копья неумолимо приближается, но сделать уже ничего не мог.
Взрыв горячей боли чуть ниже рёбер. Копьё воеводы Меркурия, направленное рукой его приёмного сына Голяты, ударило между пластинами панциря, вспороло кожаный доспех и увязло глубоко в теле. В тот же миг Хайду последним усилием воли занёс меч и рубанул, на-

OS2'.indd 61 14.09.2011 23:04:48

правляя клинок чуть выше ворота. Удар пришёлся точно на шею. Шлем с султаном полетел на землю, а белокурая голова Голяты, отделившись от туловища, упала между лукой седла и конской шеей. Приёмный сын смоленского воеводы упал на конскую гриву, и фонтан крови залил иссиня-чёрные волны. Отрубленная голова осталась зажатой между телом погибшего отрока и плотью коня. Черныш, волоча по земле узду, побрёл в сторону городских ворот, а белый Ордос поскакал с тяжело раненным хозяином к юрте китайского врача Чжой-линя.

Монгольские воины подхватили Хайду на руки и внесли в юрту.

— Оставьте нас. Чжой-линь, вот и всё. Теперь я могу войти в чертоги Вечного Синего Неба.

— Я могу попытаться спасти тебя, мой повелитель.

— Для чего? Чтобы степь узнала, как урусский отрок продырявил копьём своего отца начальника пятитысячного монгольского подразделения! Посмотри, что делают урусы? Отсюда хорошо видно.

Чжой-линь откинул полог и посмотрел вдаль.

— Они уходят под защиту стен, мой повелитель.

— А Хуцзир?

— Ему заломил руку человек с огромными плечами и сейчас гонит впереди себя.

— Так. Хорошо. Поделом этому Хуцзиру.

— Какие будут приказания?

— Я хочу умереть, Чжой-линь. И ты знаешь, старый врачеватель, я рад, что Смоленск не придётся грабить.

— Я не понимаю тебя, повелитель. В поединке ты одержал верх.

— Нет. Победил я или нет — решать только мне. Монголы должны уйти. И, поверь мне, Чжой-линь, я знаю, что говорю. Для степного племени я сделаю гораздо больше этим поступком, чем если возьму город, тем самым растворив ещё одну часть своего народа в чужой крови.

— Ты рассуждаешь не как монгол, а как мудрый китаец.

— Спасибо. Это для меня высокая похвала.

— А что с послами?

— Убивать послов нельзя — это нарушение закона. Нужно обязательно передать мои слова урусам. Во всяком случае, в своём доме или в своей юрте. Иначе хан пришлёт новое войско, чтобы покарать преступников.

— А разве нет повода, чтобы прислать войско? Смоляне же подняли оружие?

— Нет. Я написал в письме для хана, что мы схлестнулись не с регулярной смоленской армией, а с крупными ватагами местных лесных разбойников. Смоленск тут ни при чём.

— Я понял тебя. Обязательно передам. А сейчас позволь мне заняться твоей раной.

— Ни к чему. У тебя есть зелье, Чжой-линь? Только постарайся найти быстродействующее и безболезненное. Я и так натерпелся боли. Когда моё сердце остановится и дыхание прекратится, ты выйдешь к монголам объявить мою волю. Скажешь им: Хайду приказал уходить. Они уже знают, кто должен занять моё место: об этом я позаботился ещё вчера. Всё, чжой-линь, теперь воскури благовония и дай мне яда.

Тело младшего темника Хайду, по его последней просьбе, было в тот же день

OS2'.indd 62 14.09.2011 23:04:48

предано огню, а прах рассеян над смоленским полем перед крепостными стенами.

Спустя сутки после того, как поредевшее войско монголов снялось с места стоянки и ушло на Восток, городские ворота Смоленска вновь распахнулись. Хуцзир и ещё два нойона, молотя пятками по бокам своих коней, пустились догонять далеко ушедших своих. Сотник Валун на Черныше, коне воеводы Меркурия, и его пятеро гридней помчатся по следу. На самом краю смоленских владений сотник настигнет Хуцзира и ударом меча разрубит от шеи до седла монгольского тысячника.

Только по прошествии четверти века Смоленск войдёт в улус Золотой Орды, став частью Великой империи монголов.

Позже за ратный подвиг Меркурия назовут заступником и покровителем города, а церковь причислит его к лику святых. Шлем, копьё и сандалии выставят в Успенском соборе. Каждый год в конце ноября смоляне будут отмечать праздник Меркурия. От храма Успения пойдёт крестный ход до Молоховских ворот, против которых и поставят знак в честь святого.

Особенно полюбят этот праздник смоленские сапожники. Истовые молитвы мастеров ножа и шила в этот праздник огласят правую часть Успенского собора, где будут храниться сандалии. А после богослужения: эх, гулять так гулять! Отсюда и пойдёт выражение: «Напился как сапожник».

OS2'.indd 63 14.09.2011 23:04:48

Дарья Лебедева

Он был убежден, что не нужно слов

***

Он был убеждён, что не нужно слов,
но были слова необходимы.
Мы начали с зимних холодов
и остались холодными, как зимы.

Он говорил о любви своей
так много, так часто, так убеждённо,
и не осталось ночей и дней,
чтоб в тишине быть в него влюблённой.

Он в сердце вошёл, как в знакомый дом,
и однажды само появилось слово.
Слово живёт и во мне, и в нём —
для нас обоих, как прежде, ново.

***

дачные дорожки у всех одинаковые — у нас, разных.
вдоль путей, по опушке, по лесу, мимо домов.
солнечное, солоноватое — соло тёплого ветра.
травы — чистый изумруд.
золотое ядрышко — солнце.
и мы, как белки, грызём орешки летних дней —
первых, жарких, последних.

а потом сентябрь.
закат, и запах, и звук электрички.

OS2'.indd 64 14.09.2011 23:04:49

Соревнования

мы с тобой не из племени победителей .
брак или так, нестандартная комплектация,
мы получали пятёрки, рекомендации,
комплименты и отзывы, но никогда — медали.

в общем забеге на скорость — последнее место.
бег не даёт возможности видеть небо.
мы отвлекаемся, мы отстаём, но знаешь,
прожитый день — уже небольшая победа.

в турах надежды мы самые безнадёжные —
так безнадёжно красивы и бесполезны.
в кружеве, в пене музыки, слов и ветра
мы остаёмся на месте, мы неподвижны.

мне бы одну победу, которой жажду —
только бы пережить ледяной февраль.
медленно плыть, оставаясь на прежнем месте,
ждать, пока ось земная сама повернётся.

***

когда-то сердце подняло мятеж
и сбросило голову, свергло её,
как революция сметает монархию.

но как долго жить в беспорядке:
в состоянии катастрофы,
повышенного сердцебиения,
неуёмной влюблённости?

а тут вдруг нашлась моя голова,
в ней — холодный рассудок,
трезвые мысли, ясный взгляд:
всё то, чего так не хватало.

и теперь я смотрю на тебя
не из сердца, а из головы
и не узнаю тебя.
себя не узнаю.

OS2'.indd 65 14.09.2011 23:04:49

***

Старые песни похожи на старые вещи .
Мамины платья, кофты, смешные бусы...
Их примеряешь втайне от всех на свете,
Чувствуя нежность, неловкость и даже трусость.
Детский твой почерк в давней школьной тетради
Словно воланы и рюши на старой блузке,
Прошлое так осторожно подходит сзади,
Руку кладет на плечи — в плечах узко.
Ты же не выйдешь так на люди, Боже правый,
Всё это жмёт, да и просто смешно, потешно.
Все эти штампы о солнце, звездах и травах —
Ты не всерьёз... Но спой мне ту, помнишь?
— Конечно.

***

Ты за мной не придёшь по весне,
По воде умирающим снегом,
Певчей птицей, обнявшейся с небом,
По взорвавшейся вдруг тишине.

Ты не спросишь меня, как живу ,
Как встречаю чужие рассветы
И смотрю, как весна безответно
Обнажает сухую траву.

Ты опять не заметишь меня,
Проскочившую в март без билета.
А земля будет двигаться к лету,
Замедляя движение дня.

Не случившейся с нами бедой
Отшумят-отбушуют морозы,
И прозрачные звонкие слёзы
Будут капать весенней водой.

OS2'.indd 66 14.09.2011 23:04:49

***

сначала обрадовались.
обшарили дальние полки
в шкафах, где всю зиму
томились летние платья,
купальники, босоножки,
мангалы и барбекю,
зонты и навесы
для выездов на природу.
обрадовались, распахнули
окна, балконные двери,
в морозилках — лёд,
в холодильниках — сок,
лимон, минералка,
жаркое, душное лето пришло.

поначалу радовались,
девушки делали педикюр,
надевали короткие шорты,
смущали мужчин
открытыми декольте,
пили в кафе на улицах
мятный мохито со льдом,
ведь лето пришло.

людно в спортбаре,
льётся холодное пиво в стаканы,
кто за Испанию,
кому Нидерланды милее,
но пиво — похолоднее,
пожалуйста, похолоднее,
неси, официант, ледяное
в это жаркое, душное лето.

уже не радость — томление, маета,
объятия — пытка. ищут прохладу
у кондиционеров и вентиляторов,
в метро — китайские веера,
но плюс тридцать и точка,
лёгкая ткань прилипает к спине.
узоры влаги, душ не спасает,
снова на реку, не успевают

OS2'.indd 67 14.09.2011 23:04:49

высохнуть пляжные полотенца.
падают мертвые листья,
скрученные, пожелтевшие,
лежат на белой траве,
но это не осень,
теперь лишь мечтают об осени,
о дождях, о прохладном ветре,
о горячем глинтвейне, о кофе ,
о тёплых объятиях, согревающих
душу и тело,
немного холода, чтобы вновь
полюбить тепло,
немного холода, чтобы снова
мечтать о лете.

***

кто-то вяжет из нас шарфы:
из тебя — коричневый, строгий,
похожий на хвост дрофы.
ты идёшь ко мне так долго,
будто ты — письмо из Уфы.

а когда ты придёшь, то что потом?
разноцветная, бестолковая —
меня вязал кто-то неопытный,
нитки торчат, цепляются —
сплошные со мной хлопоты.

ты однажды приходишь и пьёшь
крепкий чай на маленькой кухне,
я теряюсь, на что ты похож?
и на что я сама похожа?
и что будет, когда ты уйдёшь.

когда те, кто вяжет из нас шарфы,
узелок завяжут последний,
мы с тобой перейдём на вы
и расстанемся на вокзале.
бестолковая я и ты, похожий на хвост дрофы.

OS2'.indd 68 14.09.2011 23:04:49

Екатерина Зюбанова

Молоко волчицы

Раз, два — т-Рим

Рим много лет манил меня обратно. Хотя нет, не Рим, а именно она. Прошло уже столько лет, а я до сих пор помню запах её тела, спокойное лицо в момент расставания и всегда холодные руки. Мне было хорошо. Она позволила быть с ней, любить её. Странное выражение, но это так, именно позволила быть с нею рядом. Недолго. Но я был счастлив, а она так и не сказала этих трёх слов — то, что чувствует. А чувствовала ли? Мне хотелось бы верить, что да. Я её не виню. Никогда не винил. Я даже её понимаю. То, что у нас с ней было не отнять. Даже по прошествии многих лет я снова решился сюда приехать.

И вот я в Риме. Для меня этот город потерял свой цвет много лет назад. Теплоту его сменил холод, в котором невозможно согреться. Так действовал Рим на меня из-за неё. Ночь или день, солнце или дождь — всегда только холод. Может, мысли приобрели слишком серьёзный характер, но я не мог иначе. Изначально настроив себя так, я не сумел пройти это испытание и вернуться к рутинной жизни. Я мог бы работать, но денег у меня хватало. Лишь мой интерес к путешествиям не угас. Я всё время бывал в разъездах и никогда не возвращался в Италию. Мы расстались быстро, на одной из узеньких улиц Рима. У меня не было ни слёз, ни слов. Она только постоянно говорила, оправдывалась, приводила аргументы — отчего мы не можем быть вместе. Чем дольше длился её монолог, тем больше голос становился приглушённым, и наконец наступила тишина.

— Ваш номер двести тридцать пять, второй этаж, левая сторона. Спасибо, что выбрали нашу гостиницу, господин Глухов, — портье вывел меня из раздумий.

Тихо поблагодарив, я направился в номер.

В просторной комнате пахло лавандой. Это был её запах, именно так пахло её тело.

Я подошёл к окну, которое выходило на площадь Колизея. Кругом были туристы, экскурсионные автобусы, маленькие такси с вечно ругающимися итальянцами, и это напомнило мне о ней. Часто мы разъезжали с ней по Риму. До сих пор помню её адрес. Но там ли она ещё? Может быть, она вышла замуж, и у нее появились дети, а если нет? А если...

Тряхнув головой, я попытался выбросить все мысли о ней. Прошло много лет. Время лечит? К чёрту того, кто придумал это выражение. Время не лечит, а смягчает боль, которая постоянно даёт о себе знать.

Рим, здравствуй. Я здесь. Иду по твоей земле и чувствую, как тяжелеют ноги. Кругом одни магазины и бурлящие ита-

OS2'.indd 69 14.09.2011 23:04:50

льянцы, заманивающие к себе в лавку наивных приезжих. Раньше мне нравилось скопление людей, а сейчас — тихие места. Перестав стремиться к общению, я разучился чувствовать жизнь, осталось лишь желание бесцельно гулять по городу. Преследовала лишь навязчивая мысль — увидеть море или просто свободную воду, но вид с набережной Тибра меня нисколько не прельщал.

Я договариваюсь с местным таксистом о поездке на побережье. Он японец, живущий в Риме одиннадцать лет. На вид ему около пятидесяти. У него детское выражение лица, но когда он говорит, черты приобретают суровость. Он знает несколько языков, в том числе английский. Мне повезло.

Мы едем смотреть на не оставляющее меня в покое море.
— Вы уже бывали у нас? — спрашивает таксист.
Киваю. Хотя странно слышать это «у нас». На память приходят японские места, но никак не итальянские. Жаль, поездка в Японию занимала в моих планах на путешествия почти последнее место.
За приспущенным окном машины дыбились скалы, как и в прошлый раз, покрытые зеленью; шумело море, и узкая дорога будто прижимала нас вправо, к самому краю обрыва. В первый раз, когда я ехал по такой извилистой дорожке, по встречной полосе мчался автобус — испугался тогда не на шутку. Сейчас же не было ни одной машины, только мы и море, океан? География забывается мною. Какая ирония. По географии у меня всегда было «отлично». В память врезалась только фраза: «территория Италии напоминает гигантский сапог».
Школа и университет давно позади. Одни обрывки воспоминаний и размытые лица тогда ещё друзей.
Я достаю пачку сигарет из кармана. На протяжении долгого времени не курил — с тех самых пор, как мы с ней расстались. Тогда я был именно в этом плаще. И сигареты в кармане были её.
Предлагаю таксисту сигареты.
— Кент?
Киваю.
— Старые и крепкие сигареты. Моя жена любит такие.
Она тоже любила.
Японец берёт две. Одну прячет за ухо, а другую пускает в расход.
— Одну можно сейчас, — он неумело затягивается, будто делает это в первый раз.
Я смотрю на него с удивлением:
— Вы не курите?
Он хмыкает, и лицо приобретает детскую наивность.
— Дурной пример заразителен. Жена курит, а я за компанию...
Он замолкает. Мы улыбаемся друг другу.
— Итальянку сложно заставить бросить курить?
— Да.
Он заинтересованно поглядывает на меня.
— Тоже пытались?
— И не раз, — говорю и отворачиваюсь к окну.
Мы подъезжаем к морю по пустынному берегу. Вдалеке гуляют редкие парочки, но я
наконец вижу море.
— Вас подождать? Машины в этих краях встречаются редко.
Я киваю и неразборчиво бормочу про пять минут.

OS2'.indd 70 14.09.2011 23:04:50

Качели

Чайки кричат над водой, а волны, пытаясь достигнуть тишины, разбивают звуки на незначительные брызги. Сегодня слишком ветрено. А бывает ли иначе на берегу? Я уже и забыл, как это — ощущать себя одним на белом свете. Давно потерянное чувство. Рука опускается в карман и сжимает пачку сигарет. Почему так сложно забыть? Почему так трудно погасить эти чувства к ней?

При попытке закурить ветер тушит спичку.

— Мне хочется курить, — говорю я ветру. Он как будто слышит мои слова и утихает на несколько секунд.

Я вспоминаю, как находился на другом берегу и видел, как её платье и волосы теребил ветер. Волосы, как маска, пытались скрыть её лицо. Она изредка поднимала глаза, но только для того, чтобы посмотреть на небо.

Я перевёл взгляд туда же. Солнце стало не таким ярким, а небо приобрело тёплые оттенки...

Снова посмотрел на неё, наши глаза встретились. В следующий момент она затерялась в толпе.

* * *

Мы едем обратно, на подъезде возникает пробка.

На улице стало темно, но разноцветные огни города давали понять, что это только начало дня. Таксист чуть слышно подпевает Челентано, но это нисколько меня не волнует.

В голове пусто, только глаза фиксируют любое действие за стеклом автомобиля.

Всё-таки Рим на редкость не продуманный город. Узкие улицы неудобны, квартиры малогабаритные — жизнь здесь сносна, но не более. Рим — город туристов. Работать, на мой взгляд, тут можно только либо уличным торговцем, либо таксистом.

Туристы прогуливаются по улицам и изучают витрины магазинов, пожилой итальянец спорит с маленьким мальчиком. Недалеко в баре сидят футбольные болельщики, вот они пьют пиво, а потом вскакивают со своих мест и начинают друг друга обнимать, хлопать по плечам. В это время их жёны сидят дома и ждут своих мужей. По возвращении домой они покричат друг на друга, жена разобьёт пару тарелок, а он вспылит и замахнётся.

Итальянки редко молчат. Скандалить любят и делают это со вкусом.

— Как вас зовут? — нарушаю я молчание и смотрю на японца.

— Янаги.

— Михаил. Можно просто Майк.

— Вы впервые здесь, Майк?

— Нет.

— Работа? Отдых? — задавая мне вопрос, он периодически смотрит на меня.

На секунду я пожалел, что начал общение — будут вопросы, и всё о ней.

— Когда-то учился.

— Далеко же вас занесло.

— Да. Родители так захотели.

Разговор не клеился, но во мне не унимались мысли:

— Как вас занесло в Рим?

Янаги улыбнулся.

— Вторая жена. Я приехал сюда отдохнуть с первой. Так получилось, что влюбился в другую. Не знаю, что произошло, но я вдруг понял, что могу всё оставить. Да, плохо поступил с первой женой, но я ни о чем не жалею. Тем более, от первого брака остались замечательные дети. Они иногда приезжают сюда.

Я удивлённо моргаю. Никогда не думал, что можно вот так всё бросить. Хотя я это сделал, только так и не понял, ради чего.

OS2'.indd 71 14.09.2011 23:04:50

— Вы женаты?
— Нет. И детей нет.
— Ничего. Никогда не поздно во всём этом преуспеть.
Он подмигивает мне. Машина наконец сворачивает на Пьяцца Венеция, и вот мы рядом с гостиницей.
Когда я расплачиваюсь с Янаги, он продолжает беседу:
— Если хотите, то я могу завтра опять вас куда-нибудь свозить?
— Спасибо, — разворачиваюсь и захожу в гостиницу.

Я ложусь на кровать и смотрю в потолок. Ощущаю невидимые раны на себе, но не вижу. Семья шлёт мне письма и поздравительные открытки. Они присылают мне подарки на Новый Год и день рождения.
Родители перестали ждать моего появления в их доме, не ждут от меня вестей. Давно мне не приходилось общаться с ними: построив невидимую только им высокую стену, я живу отшельником.
И в солнце, и в мороз, надев свой бессменный плащ, я выхожу на улицу. Только в нём чувствую себя самим собой.
Поворачиваюсь на бок и засыпаю.

***

Мне снился сон. Только я и она. Мы стали детьми и играли в прятки в райском саду. Кругом пели птицы, и деревья шумели в такт их мелодии. Золотые лучи солнца ослепляли меня, но это не мешало разглядеть то, что она делает. Ее миниатюрная копия постоянно смеялась, взлетая на качелях вверх и падая вниз. Тут я боялся проснуться, но продолжал подглядывать за ней из-за дерева. Она заливисто хохотала каждый раз, когда часть моего лица показывалась ей на глаза.
— Я люблю тебя! — прокричал мой звонкий голос, а она продолжала раскачиваться на качелях и улыбаться мне.
Вдруг стало холодно. Замолкли птицы, перестали шуметь деревья, небо потемнело и покрылось хрустальной россыпью звезд. Качели остановились. На них сидела она — взрослая. Грустно улыбаясь, подошла ко мне, опустилась на колени и поцеловала меня в лоб. Я же всё ещё маленький.
— Люблю тебя, как мать любит сына, как друг любит друга, но не более.
Я-мальчик заплакал.
— Пусть по-другому, — продолжила она, убирая слезинки с моих щёк, — главное, что я всё равно люблю тебя.
Я обнял её голову и зарылся лицом в её волосах. Ощущая сильный запах лаванды, заснул на её плече.
Король, королева
Звонок.
Телефон? Дверь? Я открыл глаза. Бледно-розовый потолок. Снова звонок. Всё-таки телефон. Я дотягиваюсь до телефонной трубки и говорю «алло» по-русски, но это не мешает человеку понять меня.
— Доброе утро, господин Глухов. За вами приехало такси.
Недоумение. Вместо первого вопроса я задаю сразу второй:
— Который сейчас час?
Портье просит подождать:
— Полдевятого.
Кладу трубку и начинаю собираться.

За дверью гостиницы всё проясняется. Я вижу Янаги. Он приветливо машет рукой.
— Мы разве договаривались куда-то ехать?
— Садитесь, что-нибудь придумаем.

OS2'.indd 72 14.09.2011 23:04:50

***

Мы кружили по утренним улицам Рима. Что-то в нём неуловимо менялось. Мне вдруг вспомнилось, как когда-то давно я слышал от неё стихотворение, где у королей в принципе не было чувств, а значит, и любви не было.

Беги, королевна, оставь короля,
Беги сквозь ясную ночь.
И пусть под ногами плачет земля,
Беги, королевна, прочь.
Беги, оберегом извечным твоим
Пусть будет хмельная Луна.
Мы веру и верность тебе сохраним
Беги, королевна, одна.
Беги, королевна, спасай короля,
Прости, что не можем помочь,
И пусть под ногами тлеет земля
Беги, королевна, прочь.
Беги, королевна, но верность храни
В душе своему королю.
Ты, убегая, сквозь слезы шепни:
«Король мой, я вас не люблю»... *

Я рассказал стихотворение Янаги.
— Грустно, но красиво, — говорит Янаги и добавляет, — может, это совпадение, но моя жена рассказывала мне что-то подобное...
— Но это не классика, — в моём голосе преобладают удивлённые нотки, — их написала...
— Франческа, моя жена, — заканчивает за меня её муж.

***

Мы ехали молча всю дорогу до её дома. Их дома. Я нервничал, но увидеть её мне хотелось немедленно. Янаги, напротив, спокоен. На его лице читалась умиротворённость. Таксиста невозможно ничем возмутить, пришёл я к выводу. На его месте я бы не стал везти кого попало к себе домой, тем более бывшего любовника жены. Хотя японцы — люди с большой выдержкой и достаточно мудры в тонких вопросах.
Что ей сказать, когда увижу? А сказать-то и нечего. Смысл этой поездки до меня доходил смутно. Разумнее всего было бы прошлое оставить в прошлом. Давно перестать жалеть о том, что было и было бы.
Янаги остановился напротив дома, покрытого плющом. Когда я в последний раз был здесь, не весь дом ещё оброс растениями. А сейчас стало даже уютнее. Она жила на втором этаже, сейчас на её маленьком балконе была развешана детская одежда. Внутри всё сжалось, когда там показалась Франческа. Длинные чёрные волосы, чуть осунувшееся лицо. Она медленно снимала высохшее бельё с веревки, прощупывала одежду, и, удостоверившись, что та сухая, снимала. Лицо было так сосредоточено на белье, будто она решала задачу по математике. Я улыбнулся. Она всё такая же, только стала намного взрослее и в роли жены смотрелась неплохо. Франческа вдруг улыбнулась. Кто-то стоял рядом с ней. Это был ребёнок. Она взяла его на руки и поцеловала в щёку. Маленькая копия Янаги, мальчик поцеловал её в ответ и обнял. Она была счастлива — я увидел это в её взгляде. Отвернулся от окна. На минуту мне стало тяжело дышать, но всё быстро кончилось. Я вдруг ощутил, что на душе стало легко.
Моя любовь никуда не ушла, теперь чув-

* Стихотворение Саши Бест

OS2'.indd 73 14.09.2011 23:04:50

ство стало другим. Оно наполнилось до конца теплотой и проникло во все участки моего подсознания, и испарилось вместе с тоской. Мне будто не хватало именно этого — последнего взгляда. Только сейчас, казалось, была поставлена точка между нами. Я вспомнил свой сон, только сейчас вместо меня был её сын.

— Вы зайдете, Майк? — Янаги был попрежнему невозмутим. — Может, вы что-то для себя проясните?

Задумался. А что мне прояснять? Всё закончилось много лет назад. Каждый устроил свою жизнь так, как сумел. Она не зациклилась, как я, и продолжала жить. Она не ограничила себя в общении, вышла замуж, пусть даже за иностранца, и родила ребенка. Франческа счастлива, и я рад, что она не прожила эти годы впустую. Мне понравилось, какой я увидел её.

Улыбнувшись, я произнес:

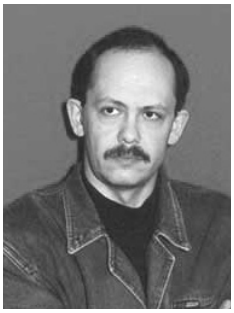
— Ничего больше не надо. Я увидел всё, что хотел. Спасибо.

Пожав руку японцу, вышел из такси.

На улице было тепло, и я снял свой плащ. Сколько можно в нём ходить, пора найти что-то новое. Ещё раз посмотрел на балкон. Кивнул Янаги и пошёл прочь от их дома, в Рим, начинавший возвращать себе краски.

И только на долю секунды, ещё не скрывшись за углом, я посмотрел ещё раз на неё. Рядом с ней был её сын и махал рукой отцу.

OS2'.indd 74 14.09.2011 23:04:50



Михаил Крупин

На колокольне

На колокольне

...Эта непоправимо-белая страница
Г. Адамович

Отселе, как на теле оробелом,
Пупырышком виднеется Парнас,
И оком окончательно незрелым
Мы и не примечаем, как от нас

Отскакивает воздух загорелый,
Хоть по заветам ждем еще внучат,
И наши ножки из непоправимо-белой
Страницы неба все еще торчат...

***

Как великое слово тускнеет без меньшего,
Так луна в обессиленной сини —
Без звёзд с утра.
Александр Данилович Меньшиков,
А как выглядела бы Россия,
Если бы Ты не смешил Петра?

Интересно, когда ты забыл окончательно
Сиволапое детство, овчинный тулуп?
Расстегаи твои с обветшалой зайчатиной
Не подавали к царскому столу.

В тёмный век ещё не были быдлом мещане,
Терпеливо жующим любые куски,
И пришлось угоститься лихими лещами
И бежать от возмездия, кинув лотки.

OS2'.indd 75 14.09.2011 23:04:50

Но карета Лефорта не проехала мимо,
Ты вскочил на запятки, и ямщик поднажал.
Так спаслась отечественная пантомима
И разговорный жанр.
Кавалькада друзей и министров старательно
Хохотала вослед за царёвым баском.
Александр приворовывал так обаятельно,
Что поймать его — значит, прослыть дураком.

К чёрту всякие «благоволите покорнейше»,
И ещё не снимая колпак и трико,
Если видишь, задумался царь над реформишкой,
Важно тут же шепнуть: «Это очень легко!»

Разоренье Москвы, испарение Китежа,
И пожар, и парад, и мораль, и метель...
Пётр нахмурится: «Сань, а мужик это выдержит?»
«Очень даже легко, я ведь тоже оттель!»

И пошёл сквозь приватные веси и сёла
Вихрь указов, морочащих прежний закон,
Гениальных, лукавых и просто весёлых:
«Это просто, мин херц! Это очень легко!»

Пусть не видно, что финские прячут чащобы,
Неизвестно, прибавят ли хлеба поля,
Только если не хочешь шуткарить до гроба,
Если хочешь иметь свой завод хрусталя,
Титул, шхуну, клинок, салютующий берег,
В общем, если ты хочешь пойти далеко
(но не столь далеко, где скитается Беринг!),
То всегда повторяй: «Это очень легко».

Как великое слово немеет без меньшего,
Так ли оды восторг не усилить
Без порчи пера?
Александр Данилович Меньшиков,
А как выглядела бы Россия,
Если бы Ты не смешил Петра?
Незадачливый висельник
Стоит подо мною густая страна.
Звучит — осязаю и слышу,

OS2'.indd 76 14.09.2011 23:04:50

Как в жизни, божественной смерти струна.
Я сам её, что ли, колышу,
Не склонен к иному в высокой петле?..
Но город ко мне подрастает:
Гол грянет, возлают трибуны во мгле —
И неба уже не бывает.

Но снова кружатся, как в чаше без дна,
Концерты, кресты, галереи...
Лишь мысль не даёт мне покоя одна —
Что, может быть, можно быстрее.
Московское солнце
...И из нор своих, с жара на холод,
Чтобы знать, как упорна трава,
Мы всё едем в предутренний город
Под безветренным знаком — «Москва».

Я люблю этот город зелёный —
Притворяйся он белым, святым,
Провались он в свой кубик бульонный,
Растворённый шаром золотым.

Побреду я таким-то бульваром,
На афишу кидая соплю...
Чту, лелею кустистую ярость
В наших ворогах, просто люблю

Эту пост-алкогольную нежность
В нас, играющих походя в ящик,
И какую-то безнадежность
Поездов, на восток уходящих.

Там поэтов, серьёзных и в шалость,
Народилось, построилось малость,
Подошла к Магомету гора.
И в подошвах у гор завязалась
В мировую культуру игра.

OS2'.indd 77 14.09.2011 23:04:51

***

Весна. И душами владеет
Земля. (Аидом не грузи).
Весна — и Пушкин молодеет
На всех календарях Руси.

С каким тяжёлым умиленьем
Он смотрит в нашу кутерьму:
«Ах, и читать ещё не лень им ,
И править нищую суму...»

Да полно, барин! Снег наш тает!
И, хочешь, каждого спроси —
Картошкой Пушкин прорастает
В просторном погребе Руси.
* * *
Простишь ли Ты меня, Господь,
Младенец снежнобровый,
Что столько вёрст слепая плоть,
Как пьяный, правит словом.

За то, что от чужих щедрот
Отпрянуть — славы мало,
Что окаянное ядро
Не вытравляю ало.

Что гром Твой, знамо, умалил,
Что заполошна лира;
Что губы слабые мои
Никак по кубкам мира

Не добредут к Твоей руке
(Хоть не тужу о хлебе)...
Что вижу свет Твой на песке,
И тень свою — на небе.

***

Отстранённые вороны
У перрона, что у пня.
Да родная «соколёна»
Провожала в ночь меня.

OS2'.indd 78 14.09.2011 23:04:51

Покрестила на дорогу,
Осветила путь слезой:
Вот тебе три века сроку,
Душный тамбур, поезд злой...
(И украдкой покрестила).
Грохочи же, вражья сила!
Содрогайся до кости!..
Торопись, душа-Светило,
Землю сбоку обойти!
Живо ты, раз в тёмном поле
Все загривки золоты, —
Ты грохочешь, словно поезд,
Поезд бьётся, будто ты!
Уж от мыслящей осоки
Гонят тень иголки волн.
Молодой, уралорогий,
Восстаёт сибирский вол —
Позевал и перевёл,
Наклонил рогов сугробы,
Будто сбросил сто потов:
К похищению Европы
Был не годен, стал готов.

Бесполезна оборона!
Против лома нету клона!
Гнись, миланская броня!..

Так родная соколёна
Проводила в ночь меня.

***

Легко ль в конторе величавой
Пить старческий пиратский ром,
Когда Раскольников курчавый
Стоит за дверью с топором?

Без вариантов, уничтожит.
Покается, рванёт потом
К соборам... да пока не может,
Стоит, собака, с топором.

OS2'.indd 79 14.09.2011 23:04:51

Лентяй, талант и недотёпа,
Судьбе каких-то там аренд
Не уплативший до потопа.
И вечный и чумной студент.

Лишь смутно помнит Бога-сына —
Глядел «ужастики» весь век.
Процентщик, видится, — машина,
Не верится, что человек.

А у того — слюна на мачте,
Компьютер — гномик и колосс,
Гнездо сорочье и хомячье:
Все файлы скалятся всерьёз,

Полны роскошных, бренных бредней,
И лишь в последнем файле — гром.
В нём память, что студент в передней
Стоит, сияя топором.

***

Спи, Гамлет, до обеда, без просыпа...
Ад подождёт, посветит божья высь.
Спи, золотой. Не мир, а ты рассыпан,
И ангелы твои передрались.

***

Так и тесна была, и невесома,
Что, глядя в два морских и царских дома,
Себя не видел... И когда смешал
Всё журналист земной, и я, как чашка,
Не питая Отцом, расплёснут тяжко,
Кривизнами обвит зеркальных жал,
Времён не узнавал... Но сквозь и через
Трезвон себе я не был дрянен, черен, —
Мой прах мне нравился. И это (грим впивался!)
Меня пугало...
Но я страх убрал,

OS2'.indd 80 14.09.2011 23:04:51

Признав, что птицы пели, Бог смеялся,
Архангел радовался, и пророк играл.

Одна Родина

(из «Песен южных славян»)

Переулком драным,
Каблуком стуча —
Дьякон — раным-рано.
Подпевает рана,
Вьётся епанча...

Что ж, певец, примстился?
Что седлаешь смерть?
С миром распростился —
Не певец, а кметь.
Мне-то — не успеть.
Распевает птица
За моей стрехой.
Только я глухой,
И певец примстился.

У карпатских вод
Берег неглубокий —
Проливные боги,
В зёрнышках народ —
В плёнках золотых,
В совах, трясогузках,
В поясках нерусских
И мысках простых.

В ожиданье вечном
Кубки на весу...
Не сюда, конечно,
Я несу слезу.

Льюсь ручьём безвидным —
В полынью Руси.
Всех смертей проси —
Здесь ли быть убитым?

OS2'.indd 81 14.09.2011 23:04:51

Курит у крылечка
Старый Бог побед.
Светит в доме печка.
В поле тьма, как свет.
В поле, близ креста ,
Красная звезда —
Что орёл двуглавый.
Знаешь, слава славой,
Да отходчив Спас...
Дай-ка прикурю я.
Там пока за нас
Иноки воюют.

Дочь Посейдона

На яхту с неба прилетела
И лепетала: «Вот полёт!..»
Верь — солнце высмеяло тело,
Как моря мягкий переплёт.
Не мог прочесть я сквозь обложку
От света золотых излук.
Листал... Одну, вторую ножку
Переворачивал, ни букв,
Ни мук не зная... И заплакал,
И успокоился, и вне
Души нашёл прямое благо:
На верной мертвенной волне
Душа, как знание, привстанет...
Глядит и видит — корабли.
Морей неспешное латанье.
Да это страшное летанье
Над зыбкой бусинкой Земли...

Почвенник

Первый ангел вострубил...
Откровение св. Иоанна Богослова

И снова я лёгок и счастлив, как бездарь,
И этот лужок от Камчатки до Бреста,
Сглотнув парничок плохо сшитых широт,
Смеётся и просится мне под живот.

OS2'.indd 82 14.09.2011 23:04:51

Я лягу: мне пальцы куснут белорусы,
Мазнут по лодыжкам тунгусов укусы,
И дух мой, рванувшись на ост и на вест,
Татарское сердце насадит на крест.

А как не завидовать маленьким мира? —
Цветку — щекотнувшему с грядки Памира?
Несущей куда-то былинки мордве —
Пусть не укусившей — пропавшей в траве?
Мой крест не поднять с этой лёгкой поляны.
Сыграют кузнечики мне, молдаваны...
Распадок высокий! Мой крест ещё спит,
А ты и его проглоти — расщепи!

Но там, где асфальт возлагается рядом,
Уж мне не возлечь — только шагу награда.
Отрыва потрава! Подвох для юнца!
К чему из травы восставать на Творца?

Не встану с возлюбленной этой поляны!
В лианах её и жуки — великаны!..
К чему этот мир расширять во весь дух? —

Сейчас вострубит за подлеском петух.

***

Вот яд, последний дар моей Изоры...
А. Пушкин, “Моцарт и Сальери”
Ты безумна, Изора...
Арс. Тарковский

С кем ты, безумная Изора,
Всю ночь прошлялась без призора,
Весёлых моцартов травя,
Мошонки пошляков ловя?..

О, замирание позора
При восхваленьях соловья!

OS2'.indd 83 14.09.2011 23:04:51

А если на зелёном корте
Поутру дать тебе по морде —
Кто за тебя сыграет сет?
Проводит в траурный клозет?

Кто волен выкупаться в чёрте,
Не посрамляя эполет?.. —

Не Пушкин, так поручик Фет.

А кто согреет, молодица?
Глуха крещенская столица,
И ночью иней кружевной
Корсет оледенит волной...

Отравленных проступят лица —
Неуязвимой новизной
Любви твоей —

Сквозь снег земной.

***

Зайди в музей,
Когда заходит солнце,
И экспонаты все перебери
Рукой своей.
Мечом рука очнётся,
И гридница очнётся изнутри.

Дощатых стен текучие волокна
Взломают алебастра полынью.
Прочь бросишься — тебя настигнут окна,
И духи дня перевернут ладью...

Заплачут чайки,
Жаворонок скажет,
Кого он так боялся и любил...
Слепой нагайке был порядок важен,
Да Бог наутро... вёрсты расклубил.

OS2'.indd 84 14.09.2011 23:04:51

...Да вспыхнет саблею рука,
И сам ты вспыхнешь —
Перед Олегом княжич Игорёк —
Весь вскинутый судьбою на убийство,
Всей правдой раскалённый — солнца клок!

Хоть плачь, твоим весельем боги водят
И крови, точно вечности, хотят...
Заходит солнце —
И в музей заходит,
В небытие лучами колотя.

Как скоро семисферное величье
Утрачивает золотая знать!..

Кому легко под волхвованье птичье
Себя живого в смерти вспоминать

OS2'.indd 85 14.09.2011 23:04:51

Любовь Малиновская

Большая рыба

В пригороде Каяни располагался небольшой посёлок, он был полурыбацким, полу... непонятно каким. Посёлок потихоньку вымирал, большинство его жителей были старше среднего возраста. Детей бегало немного, они были чумазыми и вдохновлёнными местной скудной природой и байками стариков.

Финляндия пасмурно любовалась последними деревенскими детьми, забавляла их и не давала ни о чём забыть.

Сын рыбака, мальчик Ласло, дружил с сыном мясника, Хольфу, и сыном контрабандиста — Эйнеке. Они весело гонялись за впечатлениями вокруг небольшого озера, холодного, как сама зима, и тёмного, как вечная память. Разговаривали немного, в основном, вечером у костра, собравшись втроём на берегу озера.

— Ребята, а я услышал недавно одну историю, только она страшная. Я её расскажу ночью около костра, — сказал Ласло.

— Да мы не боимся твоих историй, когда про Нильса-привидение рассказал, все только смеялись! — отозвался Эйнеке. Хольфу, как всегда, молчал, так как был немым. Он только один раз кивнул головой в сторону Эйнеке.

— Нет, уж в этот раз все перепугаетесь! — радостно протянул Ласло.

Вечером, когда все собрались у костра, Ласло оживился и начал свой рассказ.

— Помнишь, Хольфу, я уезжал с отцом на ярмарку в Лоогань, там мы видели настоящую ведьму! Когда я сидел на повозке, она ко мне подошла! Ну и страшна! Одна нога короче другой, зубы длинные и страшные! Глаза навыкате, и рога торчат!

— Ну, уж ты ври, да не завирайся! Рога торчат! — передразнил Эйнеке.

— Правда! У отца спроси!

— Да и спрошу!

— Да и спроси! Отец увидел, что она ко мне подошла, и как заорёт на неё: «Пошла вон, старая, сглазишь мне сына!» Она только ногой шаркнула и ушла. Вечером я пошёл побродить по ярмарке, думал, крысу поймаю. А тут опять она! Братцы, я обмер! У неё глаза светились!

— Ну, уж ты ври, да не завирайся! Глаза светились!

— Правда! У отца спроси!

— Да и спрошу!

— Да и спроси! Ну вот. Она так тихо говорит мне: «Мальчик, ты веришь в чудесное»? — Я говорю, верю, бабушка. — «Тогда послушай: в каждом посёлке есть свой дух или плоть. Они охраняют посёлок от порчи злых сил. Ты знаешь духа своего посёлка? Знаешь, где он есть?» — Нет, бабушка. — «Тогда думай о нем почаще, вспоминай его. Он тебе раскроется. Дети ближе к НИМ, недалеко ушли ещё, могут уловить. Лови. И друзьям скажи, пусть тоже ловят. НЕ забывайте».

Повисла пауза.

— Ну как? Страшно?

Эйнеке передернуло, ему стало жутковато, но, конечно, как храбрый малый, он весело произнёс: «Чушь какая!». Хольфу кив-

OS2'.indd 86 14.09.2011 23:04:51

нул два раза Эйнеке.
— Ну, будем думать о духе или плоти? — заупрямился Ласло.
— Если только делать нечего!
— А делать и нечего. Давайте попробуем, может, узнаем, кто он.
— Ты в это веришь? Уже 50-й год, а ты как ребёнок. Байками забавляешься.
— Ой, уж ты взрослый! 12 лет от горшка!
— Сам такой! — обиделся Эйнеке. Он всегда хотел казаться взрослым, хотя сам боялся темноты до ужаса.
— Ну, давайте попробуем! — и Хольфу кивнул на этот раз Ласло.
— Ну, ладно. Начинай! — скомандовал Эйнеке.
И Ласло стал прислушиваться к лесу, озеру, мельнице, полю... Он слушал голоса, звуки, жесты и запахи. Он слушал этот маленький мирок, он не боялся его, как Эйнеке. Он любил жить. И жить здесь.
— Может, это лесной дух? — крикнул Ласло.
— Нет, в лесу всё спокойно, там светло и такому духу было бы непривычно.
— Да, точно.
Ребята ещё долго перебирали возможные места и подходящих духов и не заметили, как уснули. Они спали долго и безмятежно, им ничто не угрожало; казалось, они находились под невидимой защитой, которая силится открыться им и скоро откроется.
Эйнеке вскочил первым и разбудил ребят. «Мне приснилось!» — орал он истошным голосом, и все встрепенулись, как воробьи, и замерли в нетерпении.
— Мне приснилось озеро. Сначала тихое и голубое, но потом подул ветер, и, казалось, неспроста! Волны были острыми, а из глубины доносился тихий и властный стон. Я подошёл к озеру, и оно отхлынуло и успокоилось. Вот.
— Да! Точно! Озеро! Оно же тёмное и загадочное. Как же мы вчера не догадались! Молодец, уловил! — обрадовался Ласло.
Эйнеке был напуган, он хотел поскорее уйти и вдруг посмотрел на Хольфу. Тот размахивал руками и мотал головой.
— Что?
— Что? Ты видел?
Хольфу медленно кивнул.
— А что ты видел?!!!
Хольфу стал показывать на дно озера, растягивать широко руки, прыгать, мычать, достал из сумки носовой платок, потряс им, потом показал бритву.
Все впали в оцепенение. Надо было срочно понять, что это было.
— Эх, уродился! Что ж ты, немой, как рыба!!! — заорал Эйнеке.
— Рыба! Хольфу, это была рыба? — закричал Ласло.
Хольфу радостно замотал головой.
— Она большая?
Кивок.
— Очень?
Два кивка.
— А что такое бритва и платок?
Хольфу растерялся. И потом целый день ребята представляли себе эту чудесную рыбу, и только оставалось понять, добрая она или злая.
Ласло не спалось. Он чувствовал что-то. С утра он побежал к Эйнеке. Но его мать сказала, что он болен: внезапно поднялась высокая температура, даже за доктором в Каяни послали.
Ласло задумался, и ему вдруг стало страшно. Страшно за всё, что случилось и могло случиться. Может, не стоило слушать эту ведьму? Может, нельзя соваться куда не звали. Он пошёл домой. Когда отец вернулся, Ласло сознался ему во всём. И что разговаривал со старухой, и что снилось ребятам. Отец для начала как следует выпорол сына и только потом на-

OS2'.indd 87 14.09.2011 23:04:52

чал говорить. «Вы, глупые дети, натворите бед. Пойдём к старому Пильно, он чего скажет».

Старый Пильно был полусумасшедший дед, живший на опушке леса и не разговаривающий ни с кем, кроме своей собаки. Но, тем не менее, его почитали мудрецом и ходили на опушку за советом. Ласло с отцом шли два часа и наконец вечером, уставшие, подошли к его дому. Они постучались. Никто не открыл. Тогда отец толкнул дверь и никого не увидел в доме. Они решили подождать. Но как-то неуютно было в доме старого Пильно: двери скрипели, печь смотрела страшно и горбилась от удивления.

Так прошло три часа в едином безмолвии отца и сына. Ласло не выдержал и вышел на улицу. И как же он удивился, увидев ту самую старуху с лопатой и псом. Они только подходили к дому. «Отец, выйди сюда!» — заорал Ласло. Отец вышел, мальчик тут же спрятался за его спину. Отец крикнул:

— Эй, старуха, что ты делаешь у дома старого Пильно?

— Потише, не кричи. Это больше не дом Пильно.

— А почему? Где он сам? — заволновался отец.

— Он там, где духи поют ему вечные песни и прозрачными ладонями едва дотрагиваются до его бороды. Он там, где покой живёт с самого начала сотворения мира, он счастлив. Я знаю.

— Он что, умер?

— Да, умер. Вчера вечером.

— А ты откуда узнала?

— Я его кровь. Родная сестра. Я знала давно, когда он умрёт. Я пришла три дня назад, чтобы похоронить его.

— Так он был ещё жив!

— Был жив. Потом умер.

— Ведьма! — закричал отец Ласло.

— Не кричи, все и так знают.

Отец взял сына за руку и поспешил прочь от этого места. Он говорил мальчику: «Ни за что не ходи сюда! Никогда!»

Ласло кивнул головой.

Вечером он пошёл навестить Эйнеке. Тот уже сидел на кровати и весело болтал ногами.

— Ну что, ходили к ведьме?

— Ходили. А ты откуда знаешь?!

— Да она под окном прошла и подмигнула мне. Тут всё как рукой сняло. Потом доктор пришёл и сказал матери: «Будете мне ещё голову морочить своими делами. Здоровый парень, жара нет, только зря проездил». Мать развела руками и дала ему денег сколько-то. Слушай, надо к ней сходить и рассказать про рыбу!

— Да ты что! Меня отец побьёт! — просопел Ласло.

— А откуда он узнает?

— Да мало ли.

— Трус?

— Нет. Не трус. Завтра пойдём.

Ласло пришёл домой. Лёг в постель, и ему вдруг показалось, что старуха смотрит в окно и улыбается. Ласло перевернулся на другой бок и уснул. Ему приснился удивительный сон: будто на дне их знакомого тёмного озера лежит огромная коричневая рыба; она всматривается в толщу воды своими выпученными глазами, вроде ищет кого-то. Она прекрасно видит и много знает. Она не шевелится и только иногда подёргивает своими плавниками: один из них острый, как бритвенное лезвие, а другой нежный, как шёлк. Рыба видит над собой ноги купающихся ребятишек, донья лодок и сети с недавно пойманными. Она слышит всплески воды, бульканье и все подводные шумы. Она застыла в ожидании. Но всё же одно эта рыба знает точно: то, что она никогда не умрёт...

OS2'.indd 88 14.09.2011 23:04:52

Ласло проснулся. Он давно не просыпался дома, ведь приезжал домой где-то раз в полгода. Он уже три года работал и учился в Каяни. А тут всё было по-старому: запахи дома, тёмное озеро... Из переписки с друзьями Ласло знал, что Эйнеке женился, стал контрабандистом, ездит с отцом «по делам», Хольфу уехал в город и открыл школу для глухонемых детей, иногда приезжает домой к родителям. Да и сам он, Ласло, жил хорошо. Только волновал один вопрос: что стало с ведьмой, сестрой старого Пильно.

Ласло оделся, вышел на улицу. Он вдруг вспомнил себя совсем юным, двенадцатилетним, вспомнил, как они с ребятами собирались у костра, пели песни, рассказывали страшные истории. И как-то грустно стало ему оттого, что не вернуть прошлого, и больно оттого, что его нельзя забыть.

И вот уже взрослый человек подходит к дому на опушке леса, отворяет дверь и видит там старуху. Она заметно рада его видеть, сажает за стол, наливает суп, угощает грибами и просит не забывать, приходить почаще, приходить так же, как Хольфу и Эйнеке, хотя бы раз в неделю...

А большая коричневая рыба на дне тёмного озера все так же всматривается в воду и бороздит её плавниками: одним, острым, как бритвенное лезвие, другим — нежным, как шёлк...

2009

OS2'.indd 89 14.09.2011 23:04:52

Алексей Шмелёв

Апельсиновые рощи

***

Знаешь, тот, кто боится заплыть за буйки ,
Непременно полюбит твой взгляд!
Потому что глаза твои глубоки...
Потому что глаза твои — яд.

Маяком он будет стоять на мели
И смотреть в бесконечную тьму,
Потому что из глаз твоих корабли
Никогда не вернутся к нему...

Он забудет людей, и, когда его стен
Вдруг коснётся чужая рука,
Он услышит в глазах твоих пенье сирен
И уткнётся лицом в облака.

И лишь только решит он проститься с тобой
И остаться с пришедшей с земли,
В его грудь, словно молот, ударит прибой,
И он рухнет в объятья твои!..

Твои нежные губы холодной волной
Оборвут его призрачный сон,
Он увидит твоё каменистое дно
И обломки таких же, как он.

Море

Море подслушало,
как я признавался тебе в любви ,
и унесло слова мои на самое дно.
Как старые затонувшие корабли,

OS2'.indd 90 14.09.2011 23:04:53

слова мои лежат на дне его...
А рядом — у поверхности воды —
песчаный берег, словно пепел, бел,
На нём тобой забытые следы —
их море тоже заберёт себе...

***

Что Вы плачете здесь, одинокая глупая деточка?
Александр Вертинский

Ночь рассыпала звёзды-монеточки,
Опустились монетки на дно.
Что же Вы, моя бедная деточка,
Так печально глядите в окно? —

Ни скамеечки Вам, ни горжеточки,
Ни ночных переулков Москвы,
На столе с мармеладом конфеточки
Да початая пачка халвы.

Час пройдёт, и конфеты закончатся.
Вы возьмёте любимый роман.
До чего Вам снова захочется
Оказаться на месте Жоан!

И ничто в Вашей маленькой спаленке
Этой ночью не радует глаз.
За стеной спит уставшая маменька,
Она очень боится за Вас...

Ни скамеечки Вам, ни горжеточки,
Ни ночных переулков Москвы...
Не терзайте себя, моя деточка,
Ведь никто Вас не спросит, кто Вы...

OS2'.indd 91 14.09.2011 23:04:53

Ольга

Ты — горе и величие
несущая в горсти,
души моей язычество
прими или крести...

Скажи мне, Ольга, видно ли
при тусклом свете дня,
тебе — Святой —
как идолы горят внутри меня?

Мы все, как свечи, выгорим
на медленном огне,
ты — выпитая Игорем —
зачем явилась мне?!

Я знаю: ночью лунною
во мне угаснет бой,
и Царствие Перуново
падёт перед тобой...

И станут просто глиною
все капища мои.
Ну, а пока, любимая,
вот голубь мой. Лови!

***

...быть может, так встречаются в пустыне два миража,
и воздух плавится меж ними, едва дрожа,
но мы не миражи, мы — люди —
нам речь дана!
На что нам речь дана?..

И всё ж не сумев подобрать нужных слов,
мы только кивнули друг другу пугливо,
а старый фотограф — ловкач-птицелов —
поймал наши чувства в силок объектива.

OS2'.indd 92 14.09.2011 23:04:53

Апельсиновые рощи

Пусть увидите теперь вы
То, как бледный, словно снег,
В самом сердце дикой сельвы
Смотрит в небо человек,

На лице, как на ладони ,
Вся судьба его видна,
Уж кто-кто, а он-то помнит ,
Для чего пришёл сюда!

И в руке своей сжимает
Полувыцветший берет —
Уж кто-кто, а он-то знает,
Что назад дороги нет...

Можно было жить попроще,
Спать в дому, а не в пыли,
Но апельсиновые рощи
Снова грезятся вдали.

И вроде всё идёт, как надо,
Лишь не ясно, почему
Вот уже три ночи кряду
Снится тот же сон ему:

Как под небом Санта-Клары
Тихо женщина поёт:
«Оставайся здесь, Гевара,
Там тебя никто не ждёт...»

День Побед*ы*

«Россия. Май. Привычный с детства праздник.»

плакат, скамейка, старая вдова,
оркестр, президент, ОМОН в КАМАЗе,
слова, медали, ленточки, слова,
раскаты вальса, пожилые пары,
воспоминанья о далёких днях...

OS2'.indd 93 14.09.2011 23:04:53

Лишь тополиный пух летит над тротуаром,
забыв об одноногих тополях.

***

Средь чужих орбит бледная луна
По небу шаром катится,
А под нею спит русая страна
В простеньком своём платьице...

О, как чист её строгий свод бровей,
Косы за спиной спутаны,
Безмятежен блеск куполов церквей,
И задумчив вид путников.

И пусть манит блеск самых дальних неб,
Мне б всю жизнь смотреть да смотреть на то,
Как из рук её прорастает хлеб
И горят глаза синевой цветов!..
Пыль
Звёзды с небес смотрят пристально, дальним сияньем маня,
Еду на быстром коне по бескрайнему полю...
Ты ль надо мною? Ты ль надо мною вьёшься, душа моя?..
Пыль надо мною! Пыль надо мною. Пыль надо мною...

Не узнаю в лунном свете я близкие сердцу края —
Чёрные избы застыли под белой луною...
Ты ль подо мною? Ты ль подо мною стонешь, родная земля?..
Пыль подо мною! Пыль подо мною. Пыль подо мною...

Что ж мне опять в конском топоте чудится песнь соловья?
Сердцу в холодной ночи не давая покоя...
Ты ль предо мною? Ты ль предо мною, встала, любовь моя?..

***

Виталию Веникееву

И снег пойдёт. И снег растает.
И мы придём. И мы уйдём.
И души наши птичьей стаей
Вернутся в свой далёкий дом.

OS2'.indd 94 14.09.2011 23:04:54

Но это после, а сегодня
Живём у наших снов в плену,
А мимо женщины проходят,
В ладонях пронося весну...

Как ни пытайся — не привыкнуть
К сиянью их нездешних глаз...
Любуйся! Но сумей окликнуть
Ту, что приходит только раз...

Мой друг! Прошу, не зарекайся
Ни от вина, ни от вины...
И из последних сил старайся
Запоминать земные сны!

OS2'.indd 95 14.09.2011 23:04:54

Дмитрий Меркушов

Закат на окраине

Мороз прихватил щёки. Руки, слава Богу, в перчатках: к тележке не примёрзнут. Работа у Коли — катать целый день тележку по рынку, собирать по ларькам пустые коробки и отвозить к мусорному баку. Для тринадцатилетнего кормильца семьи — очень неплохо.

— Тёть Люб, коробки есть?

— Нету. Яблоко хочешь?

— Хочу.

— Ну, держи тогда.

Яблоко было румяное, как щёки тёти Любы. И сладкое. Коля успел съесть половину, но откуда ни возьмись налетел Карен и сказал:

— Не хочешь ли яблочком поделиться, Колян?

Карену шестнадцать, он местный силач. Он у своего отца трехпудовые мешки с картошкой в каждой руке таскает. Попробуй откажи.

— Карен, чё к Кольке пристаешь? — вмешалась тётя Люба. — На вот тебе другое.

— О, тёть Люба, молодец!

А ещё Карен всегда налетает откуда ни возьмись (так тётя Маша говорит, продавщица в кондитерском ларьке на четвёртой линии).

Вот вчера, например. Коля возвращался домой, зашёл в свой двор. Там в доме в окнах на четвёртом этаже закат ещё отражался, а внизу заката уже не было видно. Коля загляделся, а тут сзади Санёк и Толик, «друзья» из одного подъезда. Им каждому по четырнадцать, и оба втюрились в девчонку из этого дома.

— Колян, ты че это в Ленкино окно смотришь? — спросил Санёк.

— Да нет, я на закат смотрю!

— Ты за кого нас держишь? — и Толик ударил Колю в живот.

И вот налетел откуда ни возьмись Карен. Толику так двинул, что он отлетел метра на полтора. Санёк удрал.

Сегодня, наверное, приставать не будут.

— Ты чего замер, Николай? — это был дядя Семён из ларька с «Кока-колой» и соками.

— Щас иду, — ответил Коля, засунул яблоко в карман и повёз тележку дальше.

Там пришлось задержаться: дядя Семён своими коробками полтележки ему закидал.

— Что-то народу мало, а, Николай?

— Да, дядя Семён. А чего это так?

— Новый Год, наверное. Вон смотри, как у Светки пиво расходится! А я вот, дурак, вчера всё продал. Сегодня бы на два рубля цену поднял.

— Вам-то чего жалеть, дядя Семён? Вон у вас сколько коробок пустых сегодня.

С тех пор как выпал снег, Коле его три тысячи достаются гораздо сложнее, чем летом. То есть пока катишь тележку по прямой, то всё в порядке, вроде даже легче. Но когда надо поворачивать, то приходится мучиться: в колёса забился снег, они не поворачивают, сам скользишь.

OS2'.indd 96 14.09.2011 23:04:54

С тётей Светой Коля не стал болтать: тихо забрал пять коробок из-под пива и пошёл дальше. Что-то она странная стала: сидит в глубине, на Колю только глаза подняла, всё смотрит на какую-то штуку, вроде градусника.

Всё, конец линии. Теперь за тёти-Светиным тентом направо, а там — мусорный бак уже.

В баке, прямо по пустым коробкам, яблочным огрызкам и гнилой картошке, взад-вперёд прохаживался дядя Лёша. Курил «Беломор», часто стряхивал пепел. Раньше они с тётей Светой болтали каждую свободную минуту, у дяди Лёши ещё застоявшийся пепел с папиросы частенько падал прямо на сапоги. Теперь отчего-то оба молчат, только посматривают иногда друг на друга.

— Чё, привез, Колян? — спросил дядя Лёша.

— Ну, да.

— Чего стоишь-то? Давай их сюда.

Коля начал кидать дяде Лёше пустые коробки, тот их распределял в баке. Лицо у него было занятое — будто он директор рынка. И на тётю Свету не посмотрел, когда она выглянула зачем-то из-под тента.

— Обожди здесь чуток, Колян, щас ЗИЛ придёт.

Коля достал из кармана яблоко, стал доедать. Как раз доел и выбросил огрызок, как со стороны шоссе зарокотал ЗИЛ, который каждый день привозит пустой мусорный бак.

Из кабины выглянул знакомый водитель — молодой, румяный, с круглым лицом.

— Дядь Лёш, готов? — крикнул он.

— Ты, тёзка, сам будь готов, — отмахнулся дядя Лёша.

Водителя тоже Алексеем зовут, как и дядю Лёшу.

Водитель дёрнул в кабине рычаг, ЗИЛ зарычал пуще прежнего, и две железные стрелы подняли с багажника пустой мусорный бак, подвешенный на цепях, и опустили его на землю.

— Хорош! — закричал дядя Лёша и замахал над головой руками.

Они с Колей отсоединили цепи. Потом дядя Лёша подбежал к кабине ЗИЛа и вскочил на подножку. Стал что-то кричать внутрь. ЗИЛ послушно чуть-чуть проехал вперед, а потом задом вырулил к полному баку.

Как будто дядя Лёша машине командует, а не водителю.

Дядя Лёша прикрикнул на Колю:

— Чего размечтался? Крепи давай!

Коля очнулся и побежал присоединять крюки на цепях к баку. Возился Коля долго. Водитель успел уже вылезти из машины, закурить и заговорить с дядей Лёшей:

— А чего это Светка на тебя букой смотрит, а, дядь Лёш?

— Чего-чего... Поссорились.

— Да не так она смотрит, будто поссорились. Ай-яй-яй, а что это она в руках держит?

— Градусник. Заболела, наверное.

— Да что-то я таких градусников отродясь не видал, чтобы они не температуру показывали, а какие-то палочки. Слышь, дядь Лёш, а вы с ней, чай, не того?

— Зрение у тебя, тёзка... Всё высмотришь чепуху какую-нибудь.

— Да ладно, дядь Лёш. Чё скрывать-то?

— Слышь, тёзка! Запахни варежку-то уже, застудит!

— Молчу, молчу.

— Вот и молчи. Полезай в машину, вон Колян уже полчаса как бак прицепил.

Тёзка подчинился.

Бак ухнул, цепи закряхтели и с усилием приподняли его над землёй. Совершив долгое и тоскливое путешествие под серым небом, бак с тяжёлым грохотом опустился на ЗИЛ. Грузовик аж присел под его весом.

— Будь здоров, дядь Лёш! — крикнул

OS2'.indd 97 14.09.2011 23:04:54

водитель.

— И тебе не болеть, — ответил дядя Лёша с ухмылкой.

Тётя Света выглянула из-под своего тента, с укором посмотрела на дядю Лёшу.

Коля проследил, как ЗИЛ выезжает на шоссе, и поплёлся к своей тележке.

На второй линии скучнее, чем на первой: работают под общим навесом одни азербайджанцы. Торгуют овощами-фруктами. Между собой только переговариваются на своем лающем языке.

Коля быстро прошел вторую линию (всего три коробки), свернул на третью. Здесь, наверное, вообще ничего не будет: продают всякие свитера, колготки, а кто их пойдёт первого января покупать.

Ошибся. Какая-то тётка-покупательница (и откуда она только взялась!) долго ругалась с продавщицей, а когда Коля до них дошёл, стала хватать вещи с прилавка и швырять в Колину тележку. Продавщица сначала опешила, потом бросилась к тележке, стала оттуда вещи доставать. Подоспел хозяин ларька — азербайджанец в лаковых ботинках и в дублёнке.

Он отстранил продавщицу, твёрдо взял за локоть покупательницу и строго спросил:

— Чего тебе не нравится, родная моя?

— Да колготки ваши — дерьмо! Я позавчера купила, вчера на Новый Год надела, так они тут же и разошлись!

Азербайджанец улыбнулся в усы:

— Да беда ли дело! Я тебе щас две, нет, три пары колготок бесплатно дам, хочешь? И цветы подарю. Как можно: такая красивая женщина, и злится?

Покупательница удивилась:

— Где ж вы цветы сейчас возьмёте?

— Этот вопрос решаемый. Колян! На тебе пятьсот рублей, сбегай купи этой очаровательной женщине три розы. Сдача твоя.

Коля схватил купюры и побежал к ларьку с цветами, единственному на рынке.

— Тётя Наташа, дайте три розы! — и протянул ей пятьсот рублей.

Тётя Наташа, полная женщина, с носом картошкой, улыбнулась:

— А что это тебе, Коль, цветы понадобились?

— Да не мне это.

— Ну ладно, — она протянула ему три тёмно-красных розы и сдачу, двести рублей.

Он побежал обратно, а там хозяин ларька уже чуть ли не на свидание приглашал покупательницу. Цветы пришлись кстати: она с благодарностью их приняла.

Коля поспешил скрыться: этот азербайджанец, может, только при женщине такой добрый. А как она уйдёт — он тут же потребует свои двести рублей.

«Отдать ли матери эти деньги?» — стал размышлять Коля, скрывшись за поворотом на четвёртую линию. Всё равно придется отдать, наверное. Если ничего не купить. А что купить?

— Э, Колян! — раздалось за спиной.

Карен. Хочет деньги отнять.

Карен подбежал:

— Слышь, Колян. Вроде как Новый Год наступил, так держи подарок.

Коля посмотрел на Карена, потом на коробку, которую тот ему протягивал. Взял коробку. Открыл. В коробке были цветные карандаши и альбом для рисования.

— Ты что это, Карен?

— Эге, Колян, бери, пока я обратно не забрал.

Коля взял коробку под мышку и потащил тележку по четвёртой линии. Тары здесь не было совсем, и скандалов никаких не случилось.

OS2'.indd 98 14.09.2011 23:04:54

Коля быстро дошёл до конца, шустро перекидал все коробки в мусорный бак, а там и дядя Лёша сказал:

— Давай-ка, Колян, иди домой.

— А что так рано, дядя Лёш?

— Иди-иди.

Тетя Света выглянула из своего убежища, улыбнулась. Коля отправился домой. Оглянувшись у автобусной остановки, он увидел, что дядя Лёша, как и раньше, болтает с тётей Светой. Она смеётся, а он гордо улыбается и поворачивает двумя пальцами во рту папиросу.

Коля не пошёл, как обычно, пешком, а поехал на автобусе. Уселся на самое лучшее место — прямо за водителем, прижал к коленям обеими руками свою коробку, огляделся — в автобусе, кроме него, никого не было — и стал смотреть в окно.

За окном, один за другим, были дома. Совершенно одинаковые: все кирпичные и коричневые. Но закатное солнце ложилось на них по-разному: у одних свет падал только на верхние этажи, а другие были освещён сверху донизу. В витринах магазинов на первом этаже отражался автобус — отражение было изломанным, как бумажная гармошка. А в одной из витрин Коля даже смог рассмотреть себя.

Коле ехать надо было три остановки. На первой вошла бабушка, в руках у неё были две тяжеленные сумки. Поставила, отдышалась, посмотрела на Колю.

— С Новым Годом, сынок.

— С Новым Годом, бабушка.

— Хочешь апельсин? На вот, — и она достала из одной сумки большой фрукт.

— А вы что, продавали апельсины?

— Да, сынок, но что-то сегодня не склалось. Вон ещё пятнадцать кило осталось.

— А давайте я куплю? У меня мама любит апельсины.

— Да что ты? По сорок-то рублей? Ну, тебе по двадцать пять, как сама брала.

— Ну, восемь кило я и возьму.

И Коля протянул ей двести рублей. Она отдала ему одну сумку.

— Спасибо, сынок.

Бабушка вышла на следующей остановке.

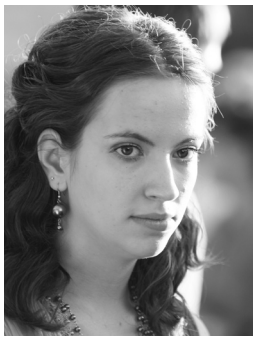
Во дворе никто ему не встретился. Он вошёл в свой подъезд, поднялся на свой второй этаж. И дома никого нет: мать задержалась, наверное.

Коля снял куртку, сапоги, положил сумку с апельсинами в углу в прихожей. Помыл руки. Пошёл в свою комнату и выглянул в окно. За окном до самого горизонта были гаражные крыши, кое-где из них торчали фонарные столбы. Ни на одном столбе не работали фонари, и цветов у этой картины было два: красный от заката и чёрный в тенях.

Коля достал из коробки альбом и карандаши.

2005

OS2'.indd 99 14.09.2011 23:04:54



Таисия Зинина

Случайный шёпот

Курица

Я люблю по утрам ловить улепётывающую курицу сна за павлиний хвост.
Я люблю насаживать её, чертыхающуюся, дёргающую короткими ножками реальности,
на длинный вертел предложений.
Но сначала с предвкушением ощипывать по Фрейду, обнажая множество аллюзий на
нежном бело-розовом тельце.
Стойко выдерживая соблазн многозначительности за её стеклянными глазами,
аккуратно класть выдернутые двусмысленности в свою коробочку.
Я люблю показывать эту коробочку зевакам,
которые пристально рассматривают когтистые следы на своих подушках.
Я люблю показывать им свои нетерпеливые руки охотника.

Случайный шёпот

Молчание
зимнего вечера
беспредметно
мимолётно нечего
мимолётно трепетно,
сонно.
мимо него
незаметно,
эмалево шум.
из крана вода
монотонно,
нагоняя то-
мную дрёму
на ум.

OS2'.indd 100 14.09.2011 23:04:55

Укромно
и тихо

Зарю
Из узорно-оконного
слома
смотришь,
смотрю
и в случайном
молчишь
заложенно
больше люблю,
чем в хо’лодно-
модном,
упорном,
лишь.

Не стараясь угодить...

Ни на умницу
Ни на трудягу
Не смахну
Свернулась в клубочек
Пойду-ка сосну
Пойду-ка прилягу
На часочек
Нежным звуком
Тикающих слов
Ютится тишина у мочек
И мама снова
Подоткнёт одеяло снов
Тёплый комочек
Под баюкающей
Гущей букв
Неровное дыхание
Неровный почерк
И с молоком
Из детства
Напевание
Бессвязных точек.

OS2'.indd 101 14.09.2011 23:04:55

А вот по глазам..

Глаза курились зеленью и карим,
Глаза теплились чёрным в глубине.
В затишье погуби! Молчались
И теплота ползла по целине.

Глаза клубились сладковатым смрадом.
Глаза углились взорванным вовне,
Накопленным и затаённым адом,
Блестела капля на прозрачном дне.

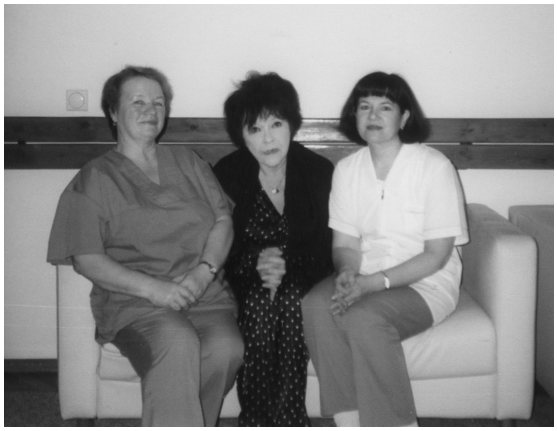
Глаза в свою бутылочную глубь вмещали
Возможное и нет, бесцветный цвет,
Повёрнутые вверх горизонтали,
Кричащий голос порванных газет.

OS2'.indd 102 14.09.2011 23:04:55

Владимир Коркунов

Стихи о больничной одинокости* «Глубокий обморок» Беллы Ахмадулиной

Удивительные ощущения — от мгновенной ранимости, до глубокого, постепенного понимания — охватывают, когда читаешь стихотворения Беллы Ахмадулиной разных лет. Образы наслаиваются и перемежаются, скрываются между, казалось бы, простыми словами. Открытость строк, сопряжённая с какой-то метафизичной открытостью: «Как ты любил? — ты пригубил / погибели...», позволяет как в колодец заглянуть в тщательно скрываемое, что до того момента старательно запутывалось в словах, несущих порой не меньший, а даже больший эмоциональный заряд. Удивительно спокойны стихи к Цветаевой, но стоит остановиться, подпустить их ближе, принять внутрь себя, и... сокровенная, спрятанная боль, настолько сильная, что, пожалуй, только она и сдерживает конструкцию стиха, не даёт ему разорваться на эмоции, заглатывает и перебрасывает в то время и пространство, где находится лирическая героиня:



Галина Колосова, Белла Ахмадулина, медсестра

Две бессмыслицы — мёртв и мертва,
две пустынности, два ударенья —
царскосельских садов дерева,
переделкинских рощиц деревья

А незадолго до этого, подчёркивая сублимацию ужаса этих «простых» слов, этой жизни до, бьющей наповал и ищущей выход: «...Елабуга ластится раем...» Если уже и Елабуга — рай, то что же всё остальное, что же происходит внутри воссозданной Цветаевой?

Защитницы беззащитных строк

И три десятилетия спустя после написания этих пронзительных строк, Ахмадулина оставалась верна себе — тончайший лиризм, сокрытое между строк острое чувство, до которого добраться можно — через нюансы, отдельные слова, полунамёки... Читаешь — словно летишь по строкам, мастерски сделанным, приятным глазу и уху. А если остановиться, вчитаться, то... Вот среди больничных будней промелькнёт вырвавшаяся из тайной (божественной?) глубины эмоция, когда всё остальное — антураж, бутафория, стремление придушить гнетущее:

* Фотографии из архива автора

OS2'.indd 103 14.09.2011 23:04:56

В ночи мой почерк прихотлив, заядл.
Но всё-таки — какая одинокость:
«Скорбященским» кладбищем ум занять
и капельницы славить одноногость.

Эти строки из лирического цикла Ахмадулиной «Глубокий обморок», написанного на границе веков — в 1999 году, в котором автор поведала читателям о пребывании в Боткинской больнице в конце 1998-го. В этих «бреднях», как назвала полуночные размышления автор, отражён не только больничный быт, но и беззащитность человека, его хрупкость и ранимость. Для чего нужны эти стихи? Для вящей славы? Конечно, нет! Для себя, для защиты от неизвестности, для погружения в привычную и защищающую стихию:

Что плох мой стих — забуду, в нём забудусь,
как девочка, он беззащитно прост.

Но кто-то же должен защищать — и пациентку, и её стихи? Так и появились в стихотворных строчках санитарки, русские женщины, которых в больницу пригнала отнюдь не профессия, а страна, в которой стали беззащитными и стихи, и их автор, и наконец — санитарки, выброшенные из родных Кимр в пугающую неизвестность.
Но вместе — проще, вместе можно выдюжить. На утренних электричках потянулись они в Боткинский приют и буквально «оккупировали» его:

...Но вот что странно: умыслом каким
все сёстры, все сиделки, санитарки,
как сговорившись, прибыли из Кимр.
Приятно, но загадочно, не так ли?

Безусловно, загадочно!

Интерес предопределил знакомство, а потом — дружбу и стихи. И не только. Всем сердцем прикипела Ахмадулина к женщинам, сохранившим не только милосердие, но и тепло души, возлюбила их. И полетели письма, написанные старательным мелким почерком: «Моя дорогая и незабываемая Таня! — писала Белла Ахатовна Татьяне Коростелёвой, одной из санитарок конца 90-х, — ...я часто спрашивала о Вас Таню Быкову и просила, при случае, передать Вам привет. <...> За всё, и за эту Вашу доброту, снова благодарю Вас и желаю Вам успехов, радостей и утешений».

Татьяна Быкова

Именно Таня Быкова, упомянутая в письме, своей удивительной добротой и умением сопереживать скрашивала Ахмадулиной безрадостные больничные будни. «Вот Таня как уйдёт к ней, так и пропала, — вспоминает ещё одна кимрская санитарка, Галина Колосова. — Я говорю: “Ну что ж ты, Тань!” — А она: “Ну как же, от неё не уйдёшь!” Она очень любила разговаривать...» Но при этом была избирательна в общении. Елизавета Кулиева, дочь Ахмадулиной, в интервью «Независимой газете» (авторы Марина Завада, Юрий Куликов) отмечала: «Обычно все зависело от ее отношения к человеку. Если она была к нему расположена, то доверяла восторженно, безгранично. Если

OS2'.indd 104 14.09.2011 23:04:56

же возникало негативное отношение (причем часто необъективное, необъяснимое), тогда — абсолютнейшая неприязнь. Она не грубила — хотя и резкость позволяла себе, сталкиваясь с негодяями. Но мама делала отчужденное, мрачное лицо, как бы выражающее: мне с вами так скучно». Так получилось, что кимрским санитаркам Белла Ахмадулина доверяла не только тело, но и душу.

Сохранённая в памяти

Наша единственная встреча с Беллой Ахмадулиной случилась осенью 2008 года при содействии подруги её дочери Ани — Насти Коваленковой. Летним вечером 2008-го она продиктовала мне телефон Бориса Асафовича Мессерера, и, дозвонившись, я смог поговорить с Беллой Ахатовной. Предыдущий наш разговор состоялся за десятилетие до этого, после того как к нам пришло письмо, начинающееся трогательными словами:

Глубокоуважаемый дорогой Владимир Коркунов!*
Простите, что я без приглашения, как бы насильно, вступаю в почтительное и дружелюбное знакомство с Вами. Причиной тому стала Ваша брошюра «Трагедия кимрского Покровского собора», которую подарила мне милая Танечка. Это поучительное, без назидательности, и душераздирающее, без излишнего надрыва, чтение вплотную совпадает со скорбными помыслами и чувствами, издавна сопутствующими моей, как и многих людей, жизни.

И — далее — как бы, между прочим: *«У меня кое-что затеяно в честь Кимр, если получится, я пошлю Вам».*
Этим кое-чем были стихи о Кимрах, наполненных, как мы уже говорили, спокойными, но вместе с тем трогательными и пронзительными образами. Она называла Кимры столицей сердца и искренне удивлялась — как же так:

Восславить Кимры мне давно пора.
Что я! — иные люди город знали:
он посещаем со времён Петра
царями и великими князьями.

Обложка книги «Трагедия Кимрского Покровского собора», после знакомства с которой Ахмадулина писала стихи о Кимрах

И — восславила. Вероятно, в Кимрах, как и в Тарусе (но Таруса — иное, она освящена великой Цветаевой) Ахмадулина видела ту уходящую Россию, которую нежно любила. Те черты, которые Белла Ахатовна отмечала в стихах, посвящённых Кимрам: *«Урод и хам взорвёт Покровский храм...», «В том месте — танцплощадка и горпарк, / ларёк с гостинцем ядовитой смеси. / Топочущих на дедовских гробах / минуют ли проклятье и возмездье?», «...две Тани, Надя, Лена. / В подательницах пищи и лекарств / пригожесть Кимр спаслась и уцелела»* — свойственны многим городам советского времени, когда были попраны

* Белла Ахмадулина писала моему отцу — Владимиру Ивановичу Коркунову — В.К.

OS2'.indd 105 14.09.2011 23:04:57

святыни, и нынешней реальности, когда глобализация стирает национальные черты, царят беззаконие и беспредел, и только отдельные люди, как оплоты того духовного, русского, и хранят истинную национальную красоту. И кажется подчас, что любовь её, скорее — к России, а не к Кимрам, к России через образ Кимр и, как получилось, к санитаркам, тем людям, с которыми её свела судьба. Брошюра «Трагедия кимрского Покровского собора», как мы узнали из письма Ахмадулиной, попала в руки Беллы Ахатовны через другую Татьяну — Коростелёву, пришедшую в Боткинскую больницу на то недолгое время, когда Галина Колосова (к образу которой мы ещё вернёмся) уходила работать в прибольничной церквушке. После этого и родились письма, случились телефонные разговоры, в которых Белла Ахатовна расспрашивала о Кимрах, искренне огорчаясь тому, что город, и без того разрушенный, теряет свой дух, свою русскость...

Встречи после встречи

Встреча, о которой говорили, состоялась осенью 2008 года... В тот день, несмотря на осенне-промозглую погоду, приветливо улыбнулось на внезапно расчистившемся небе солнце, благодаря чему весь маршрут (от Беллы Ахатовны я отправился к Кириллу Ковальджи, а затем к Валерию Дудареву в «Юность») я проделал пешком. Незваным и нежданным гостем (постеснявшись позвонить накануне) я шёл мимо Савёловского вокзала и редакции «Комсомольской правды», неподалёку от которых располагалась квартира Ахмадулиной и Мессерера. У подъезда разговорился с охранником. Он предложил оставить привезённые книги у него или дождаться Бориса Мессерера. *«Впрочем,* — добавил он, пододвигая книгу с телефонами жильцов, — *Вы можете позвонить Белле Ахатовне — она дома — и если она захочет Вас принять, передать книги лично».*

Позже мы сидели за столиком на кухне; привезённые книги были аккуратно положены Беллой Ахатовной рядом, а вокруг с тихим рычанием ходила собака, «бросившаяся» на меня, стоило переступить порог квартиры. Впрочем, это был скорее порыв, и, схватив за ладонь, она не только не укусила, даже не поранила — только держала.

* * *

Наш разговор длился часа полтора. Мне запомнился рассказ о событиях, случившихся в дни смерти Надежды Яковлевны Мандельштам. В то время страна ещё не отболела после репрессий и лагерей, 101-х километров и изъятий личных архивов. Беспокоясь, что правительство устроит обыск в доме покойной, Ахмадулина, схватив в охапку американского корреспондента, отправилась к жилищу Надежды Яковлевны. Но — время было другим, и то, что в 30-е годы стало бы неизбежной реальностью, стремительно теряло силу. Какое было властям дело до нехитрого скарба покойницы! Зато небесам — дело было: *«Был зимний день. Скромные ее приспешники шли, пели церковно. Горели свечки. Все прохожие смотрели на эту процессию. А когда опускали гроб в могилу, раздался гром огромной силы. Но не устрашающий, а благородный».*

Они обе были благородной души — На-

OS2'.indd 106 14.09.2011 23:04:57

дежда Яковлевна и Белла Ахатовна. В тот же день, но позже, мы сидели с Кириллом Ковальджи на лавочке возле дома на Малой Грузинской и говорили об этом удивительном, не поддающемся осмыслению таланте; позже беседовали с Валерием Дударевым в его полутёмном кабинете, а нам внимали, расположившиеся за столом юные кудесницы слова, Катя Ратникова и Юля Маринина, которым только предстоит путь к величию и слога, и души... Позже были встречи с Татьяной Коростелёвой, снабжавшей Ахмадулину книгами о Кимрах, позже — с Татьяной Быковой, своей теплотой и отзывчивостью обогревшей её, скрасившей одинокость больничных дней. А теперь — с Галиной Колосовой (это произошло в апреле 2011 года), одной из последних, вместе с Людмилой Степановой, кимрячек поры «Глубокого обморока», до сих пор работающих в Боткинской больнице.

«На душе становится легче»

«*Она очень тихая была*, — вспоминает Галина Алексеевна. — *Всё тихо принимала, стоически. Другая ноет... Сколько таких лежит больных! А она нет — всегда по-доброму. Она и болела благородно. Человек... я не знаю... очень доброй души*».

На глазах у Галины Алексеевны слёзы, на столе — книжка стихов Ахмадулиной: *«После того как она ушла, я всё время перечитываю её стихи, и на душе становится легче...»*

Я спрашиваю об их последней встрече.

Галина Алексеевна на минуту задумывается, чуть слышно произносит: *«Она тогда слабенькая была. Я зашла в палату. Она чуть слышно: “Ой, Галя, здравствуйте. Я плохо себя чувствую. Переводят меня”. Вот пожалилась... И Борис там был. Быстро они собирались, он суетился. А я ей пожелание зашла сказать, чтобы всё добро было — мол, не волнуйтесь, поправитесь... А когда ушла в отпуск, узнала, что её больше нет...»*

Чтобы перевести тему, я рассказываю Галине Алексеевне о встрече с Таней Быковой, о событиях конца 90-х, когда больничные события попадали в стихи, когда в палате, где располагалась известная пациентка, кимрские нянечки изливали душу. Открываю «Знамя» за 2001 год, читаю письмо Беллы к Наталье Ивановой: *«О страдалице, найденной в снегу и доставленной в больницу прохожими, ярко рассказала мне ночью горестно плачущая Таня, живущая в Кимрах. С этим древним, когда-то величественным и благонравным селом, ныне бедным и небеспорочным городом, прочно свёл меня пристальный пунктир прерывистой, но непрерываемой связи»*. Потом — стихи, повествующие об этих событиях:

...Когда над мыслью о скончанье дней
угрюмая посмеивалась тайна,
в мою палату, стен её бледней,
вошла, рыдая, санитарка Таня.

Галина Колосова

OS2'.indd 107 14.09.2011 23:04:58

Её в реанимацию послал
профессор, и Татьяна побежала.
Врачи молчали на своих постах,
а на своём — покойница лежала.
Её в снегу прохожие нашли...

И чуть позже, трогательным, душещипающим аккордом: *«Особенно Татьяну потрясла / волос ещё живая беззащитность».*

Галина Алексеевна вздрагивает и рассказывает, что в то время (конец 90-х) они редко виделись с Ахмадулиной — лишь случайно, когда она забегала на третий этаж терапии из церквушки, в которой работала... И вдруг вспоминает эпизод из недавнего прошлого: *«Возили мы её с Людой головушку смотреть, было прохладно. Белла Ахатовна никогда ничего не просила. Я предлагала укрыться, но она: не-не-не... И дорога неровная, везёшь на сидячей колясочке, неудобно... Она: "Ничего, ничего". Ей всё хорошо было...»*

Вспоминаю, что Татьяна Быкова называла Галину Колосову больничным летописцем — мол, сохранилось немало фотографий из больничных буден. Прошу показать. И передо мной расцветает толстый альбом с фотографиями. На некоторых — Белла Ахмадулина с медсёстрами, врачом-терапевтом, Борисом Мессерером. Какое это близкое и уже — неисправимо далёкое...

* * *

И человек, оторвавшийся от близких своих и ушедший безвозвратно *(«В день похорон некоторые люди, подходя ко мне, произносили: «Лизочка, соболезнуем. Ушел гениальный поэт». При чём здесь поэт? Я маму потеряла»* — из интервью Елизаветы Кулиевой «НГ»), останется жить в литературе, вечно жить. А имя Белла, ставшее от большой славы, согласно Андрею Битову, не именем, а словом (подобно Есенину, Пастернаку), *«ёмче фамилии»,* будет оставаться хранителем благости и доброты, благородства и большой любви к сущему. И — гениаль-

OS2'.indd 108 14.09.2011 23:04:58

Виктория Кан

Маскарад

Мокрая чайка

Мокрая чайка бьётся крылом на асфальте.
Поймайте, продайте, за милость отдайте,
Не всё ли равно ей теперь,
Раз высохло море и ветер, как раненый зверь,
Скулит над чужою бедою?
Зачем теперь крылья?
Зачем по ночам маяки?
Молчать от бессилья теперь
И кормиться с руки.

Седое солнце

Меня звало твоё седое солнце
За дальние вершины серых гор,
Где ледяной вода была в колодце
И, спрятанный от всех, стоял шатёр.

Я видела твои седые звёзды,
Я трогала живые облака,
Я слышала, как по ночам смеётся
За лесом старым вещая сова.

Я падала в нескошенные травы
И в небе растворялась до конца.
Не надо было ни друзей, ни славы,
Ни клятв, ни обручального кольца.

OS2'.indd 109 14.09.2011 23:04:58

Юноша с глазами монаха

Юноша с глазами монаха
Смотрит, как Христос на блудницу,
Словно в мире солнца и мрака
Может ещё что-то случиться.

Словно бы знаком был он лично
С Иродом, Пилатом, Иудой.
Смотрит он светло, необычно,
Словно бы несёт в себе чудо.

Словно он несёт в себе слово
Книги судеб и откровений.
В первый раз от взгляда мужского
Захотелось встать на колени.

Когда ангелы спят

Когда ангелы спят, облачившись в простые одежды,
Одолжив оперенье на время глупцам и невеждам,
Когда где-то проносятся стаи бескрылых творений,
Не людских, может быть, в это время
Кто-то тихо играет на старенькой сломанной скрипке,
Одолжив у судьбы восемь тактов за радость улыбки.
И невидимый свет отражается в озере, тая,
Звёзды падают в эти мгновения, кто-то взлетает...

Не Золушка

Она пришла сюда за вдохновеньем,
Она так долго одевалась в дрожь,
Что даже на какое-то мгновенье поверила в неслыханную ложь,
В разорванное платье недотроги, в добрейшую улыбку палача,
Она, которой так мешали ноги в тот миг,
Когда спускалась, не дыша,
По лестнице хрустального позора,
По лезвию несбыточной судьбы,
Не Золушка — наследница Гоморры,
Виновная, такая же, как вы,

OS2'.indd 110 14.09.2011 23:04:58

Она не обещает и не просит,
Хотя пришла сюда, наверно, зря,
Ведь шляпы так давно уже не носят
И туфельки не льют из хрусталя.

Служила музой у первых лиц

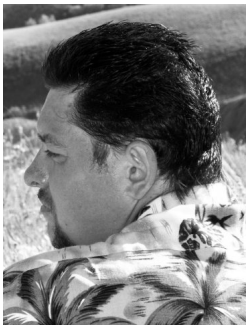
Служила Музой у первых лиц
Или приправой у первых блюд,
Не понимала осенних птиц
И не ждала, кого вечно ждут.

Спать не ложилась, мела мосты
Ночью. Под звёздами. Дочиста.
Чтобы наутро стереть следы,
Все имена и отчества...

Маскарад

Был маскарад. Весёлым серпантином
Век новый начинался налегке.
Блестел бокал, как лебедь с горлом длинным,
В нетвёрдой от шампанского руке.
И я была насмешлива и колка
И, пачкая помадой всех подряд,
Искала здесь того, кто скажет, сколько
Ещё столетий ждать мне звездопад...
А ты, роняя пепел, так серьёзно
Вдруг посмотрел тогда, что я зажглась,
Как ёлка новогодняя, и звёзды
Посыпались, к ногам моим ложась.
И вскинулись внезапно струны скрипки
В гирляндах огнедышащих волос...
На память напиши мою улыбку,
Скользящую по водопаду слёз.

OS2'.indd 111 14.09.2011 23:04:58



Андрей Коровин

Детство на Оке*

Детство на Оке

я помню этот лес: грибы, деревья
маслята, ельник, вот отец, а вот я
июль в зените, месяц в рукаве
отец кричит ну что? — опять маслёнок!
маслёнок тоже в сущности ребёнок
а кто это там прячется — в траве?

но очень скоро выйдем мы из леса
там пруд не понимает ни бельмеса
блестят на солнце рыбы караси
и мы — на этом зеркале пейзажа
где темпера и глушь и тишь и сажа
и деревенька, Господи спаси

и дальше мы идём с отцом куда-то
в руке отцовской удочка зажата
в затонах окских ждёт подкормку лещ
скажи: скажи: ты жив ещё, ворюга?
узнаемся ль, увидевши друг друга
жизнь движется стремительней чем речь

ах лечь бы в речь отдав себя теченью
когда вся даль небес открыта зренью
и ты плывёшь всевидящ как река
в твоих руках уже играют рыбы
и вот за это, Господи, спасибо
что в звёздном небе движется Ока

* Стихотворения публикуются в авторской редакции

OS2'.indd 112 14.09.2011 23:04:59

Станция Дно

в тебя проливается озеро
закат наполняется розовым
и липы застывшие бронзово
следят за вертлявой плотвой
пиявками и водомерками
живёт твоё озеро мелкое
зачитанной летом листвой

запойные песни кричащие
душе твоей словно причастие
где каждое слово мычащее
до крайности доведено
забудешь про зорьки и удочки
летящие дни тут как туточки
всё кончено
станция Дно

Демидова узкоколеечка
на стыках стучащая в темечко
мы жизнь променяли на времечко
«кукушка» везёт грибников
в Козлово в Астапово в Омуты
и все самогоночкой промыты
от Кашина до Соловков

Качели

скрипят качели
звук качается
и больше нету никого
а человек не получается
как будто не было его

в столице в центре
в тихом дворике
танцпол и церковь по утрам
и трезвые гуляют дворники
с мамашами напополам

OS2'.indd 113 14.09.2011 23:04:59

но я как будто бы
вне времени
зашёл услышав тихий звук
а здесь песочницы беременны
от взрослых ног
и детских рук

а здесь
беременны машинами
ползут улитки-гаражи
и окна кажутся витринами
в которых нету ни души

и тихим скрипом
улетающим
беременны движенья рук
и я смотрю на них
пока ещё
не кончился в пространстве
звук

Из кинохроники жизни

закадровый голос не ярок
но ты пропускающий свет
сентябрьский сквозной полустанок
что шепчешь ты поезду вслед

в котором окне прогоревшем
секунду другую назад
ты пил с удивительным лешим
кричал ему *свидимся брат*

в какой просыпался постели
с обоями на потолке
кто жил за тебя в твоём теле
кто плыл за тебя по реке

твоя чешуя золотая
не помню которого дня
сквозняк электричек листая
уже не припомнит меня

OS2'.indd 114 14.09.2011 23:04:59

очнёшься
ты жил или не жил
не вспомнишь ни лиц ни имён
лишь свет удивительный брезжил
лишь снился загадочный сон

Весенний Крым: свинг

Весенний Крым. И каждый день — в цвету.
И у весны расцвёл язык во рту.
И Божья влага в небесах пролита.
Ко мне приходит сон, и в нём — они:
Бессонные бенгальские огни —
Сугдея, Феодосия, Джалита.

Владычица морская — говори.
Пусть в небесах свингуют тропари
На день седьмой и на двунадесятый.
Пусть любит нас Господь в своём Крыму,
И я у смерти времени займу,
И мы проснёмся — вместе, как когда-то.

Рождество в Топловском монастыре

Наташе Мирошниченко и Серёже Ковалю

в январских небесах
святой Екатерины
зелёная звезда
качается в груди
и снег вокруг горит
и светит свет старинный
в рождественских яслях
маячит впереди

мы маленькие мы
осколки синей глины
мычащие во сне
бредущие во тьму
нам время пятки жжёт
нам ветер дует в спину

OS2'.indd 115 14.09.2011 23:04:59

нам хлещет в лица дождь
и радостно ему

не надо лишних слов
над этою купелью
умыться и уснуть
и видеть как во сне
из каждого куста
горящего капелью
зелёная звезда
рождается во мне

Матросы: в небесах

мои золотые матросы
живут в небесах корабля
и тянут канаты и тросы
чтоб вечно крутилась земля

у них — виноградные губы
и штормом исполненный взгляд
и в солнцем отлитые трубы
они беспокойно трубят

и радостный северный ветер
колотится в их паруса
и самые кроткие дети
бесстрашно глядят в небеса

Памяти Валерия Прокошина

засыпали в кузнечиках
руки искали в осоке
камышовою флейтой
сзывали друзей и подруг
в опрокинутой полночи
птицы слились в караоке
и в запруде мерцал нам
луны потерявшийся круг

OS2'.indd 116 14.09.2011 23:04:59

не о Лете письмо
у реки постороннее имя
не о городе павшем
четыре столетья назад
мы очнулись в случайное время
мы стали родными
и увидели свет
словно небо очистило взгляд

золотая плотва моя
и краснопёрая стая
вы-то помните эхо
уснувшее в дальнем бору
то ли время течёт по губам
ослепительно тая
то ли это кончается жизнь
с расширением ru

Вот что со мной приключилось

весь понедельник из меня выходили красивые рыбы
во вторник я рыбой красивой стал и сам
и дни потекли медленно как река в среднем течении
и плавники моих рук отдались спокойствию серебра

там где небо переходит в Большого Бога
там где звёзды стоят на охране наших границ
я был рыбой в воде я плыл между ними и плыл бы
в среднем течении долгой Млечной реки

и камыши-осоки шуршали мне речи ветра
и вчерашние звёзды отдавали теплом костра
и какие-то люди на берегу пели грустные песни
и юные девушки голые как русалки плыли рядом

тонули в тёмной воде

OS2'.indd 117 14.09.2011 23:04:59

Зимние сумерки: смерти нет

Разбиты сумерки зимы параличом.
А солнце плавает у Бога за плечом.
Лишь электричества небесные жучки
Висят на ниточках как будто лампочки.

Мы в зимних сумерках, как бабочки впотьмах —
Тельца залётные на ангельских правах —
Всё машем крыльями, всё требуем любви.
Хоть Бог вдохнул уже заветное: «живи!»

Покуда вечная не воцарится тьма,
Пусть светит всякая и охра, и сурьма,
И каждый звук пусть источает Божий свет.
Покуда сумерки. Покуда — смерти нет.

Речь: под языком

кто ты был пескарик под языком
когда рот ещё назывался ртом
и слова проплывали мимо
я-то помню жаберный твой испуг
когда череп дня обращался в слух
и рыдал ты во сне совином

плавники твои расцвели в груди
далеко за крыльями не ходи
был пескариком стал синицей
а что речь горька да горда печаль
так уж лучше б ты по сей день молчал
трудно быть говорящей птицей

Памяти Алексея Парщикова

ты выйдешь к солнцу сам не зная где ты
какие там живые экспонаты
где луг поющий где осипший берег
где девушка плывущая нагая
где высушены строки на песке

OS2'.indd 118 14.09.2011 23:04:59

и в зеркале межрёберного вида
где видно только сердце только воздух
ты вдруг увидишь парусные буквы
регаты слов и кругосветки фраз

и дальше где взлетающее небо
встречается в нелётную погоду
смотри её к тебе ведёт за руку
голубоглазый мальчик-самолёт

ведь нет живых и мёртвых не обижу
от смерти слишком дерзкое лекарство
раздавленные ягоды в ладони
и оперное дерево дождя

* * *

Были мы крупнее пыли.
Ели, думали, любили.
По-английски говорили.
Кончился завод.

Мы лежим в земле раздельной.
И один лишь крест нательный
(оловянный, деревянный)
там, где сердце, —
жжёт.

OS2'.indd 119 14.09.2011 23:04:59

Мария Андреева

Santa Maria

* * *

Ты напичкан цитатами Че Гевары.
Прихожу к тебе ночью цедить отвары:
От тебя идёт запах красного перца молотого.
Я себя ощущаю коктейлем Молотова —
Просто подожги меня да и кинь.
Я лечу кометой в ночную синь
твоих глаз.
Нас
всё равно не запомнят. Возьми меня и засахари,
революцию отложим-де на потом.
Нарисуй на груди моей знак Анархии
только для того, чтобы стереть его языком.

* * *

Звёзды горят во мне мелкой россыпью.
Ночью вышла из дома босая.
Я ищу мальчика с лёгкой поступью,
С русыми волнистыми волосами.
Не важен мне знак его Зодиака
(хотя пусть уж лучше, как я, близнец),
Мы будем два влюблённых маньяка —
где появляемся вместе – свистит свинец,
где поцелуемся — землятресенье,
оползень, лавина, цунами, шторм,
где засыпаем — в одно мгновенье
в воздухе разливается хлороформ,
где мы смеёмся (на это не жалко времени),
в рост из земли идут весёлые травы,
женщины разрешаются раньше срока от бремени,
и в рай попадают те, кто счастливы, а не те, кто правы.

OS2'.indd 120 14.09.2011 23:05:01

Santa Maria

Я большая гнилая шхуна Santa Maria,
тысяча восемьсот три раза видевшая рассвет-закат,
Океана Тихого посреди я
Затонула страшно сказать сколько лет назад.

Надо мной тяготеют воды километры.
Я старею: остался один правый борт.
По движению рыб узнаю направление ветра.
Вот сегодня, наверное, будет Nord.

Это вовсе не худшая жизнь (или смерть?) для шхуны —
По крайней мере, не быть разобранной по запчастям.
Иногда в меня заплывают русалки, гадают по рунам,
Мертвецам, песочной гуще, ракушкам, водорослям.
Это вовсе не худшая жизнь или смерть для шхуны —
Океан мне подмигивает — волна.
Ни один на свете акварельный рисунок
Не передаст, какая у меня здесь
не пронзительная, не оглушительная,
а единственно возможная
настоящая
тишина.

А не собою

Я хочу быть вот этой девочкой в шортах,
Послезавтра едущей в пионерлагерь,
А не собою, занудной, в программках и шотах,
а не собою — сплошные траблы и баги.
а не собою — сутки за ноутбуком,
а не собою — плачу, когда кончаю,
а не собою — машенька-бяка-бука —
машенька-сложаруки,
машенька-не сделаю, но пообещаю,
а не собою — Дакота до Wild West-а,
а не собою — шесть хронических заболеваний,
а не собою — Господи! здесь так тесно,
а не собой — издохнувшей от воспоминаний.

OS2'.indd 121 14.09.2011 23:05:01

Защити меня

Преданней братьев, сестёр нежнее —
буду тебе я всего нужнее,
буду холодным фруктовым желе я —
вот тебе ложечка — ешь не жалея.
Буду каналом для телепортаций,
буду родной твоей диссертацией:
ты напиши меня,
и обоснуй меня,
и защити меня,
защити.

Местоимение

Местоимение — вместо имени.
Под многоразовым «ты» да «он»
зачем скрываю тебя, любимый мой?
Зачем я прячу твой звон, свой стон?

Местоимение — вместо имени —
бывает личным и притяжательным...
Сижу одна со своим «люби меня»,
жестоким, жгущим и настоятельным.

Местоимение — вместо имени.
Во всех возможных местах возьми меня.

Возьми на паперти и на скатерти —
монетой мелкою, крошкой хлебною —
и губ не смей убирать с сосцов.
Тебе я буду вернее матери
и долговечнее всех отцов.

Местоимение — вместо имени,
уговори меня, проговори меня,
наговори меня на диктофон.
Уколыбель меня, дообезболь меня
и забирай, забирай в свой сон.

OS2'.indd 122 14.09.2011 23:05:01

* * *

Люблю смотреть на животы беременных,
В них что-то есть, что очень привлекает.
Причём беременность в уме не связываю с процессом,
От которого она и бывает.
Мне все беременные кажутся зачавшими непорочно,
Ходят, выставляют животы — как нарочно —
Счастливые, пропускаемые любой очередью,
В метро даже я уступаю, со своей мёртвой дочерью.

Раздевай

На Кубе, когда любовники расстаются
и один из них спешит, говорят:
«Одевай меня помедленней, я спешу».
Из какой-то эзотерической книжки

Одевай меня помедленней
(я спешу) —
Обвяжи цветными лентами.
Погляжу-
сь в зеркало —
хорошааа!
Голая-смешная-в ленточках —
ни гроша
за душой.
А за душой только ты.
Не только за, но и вне души.
Потому что душа... она у меня в животе.
А ты... в ягодице, в бедре, в ребре — везде!
А ты — в меня (из меня?) бьющее через край.
Милый мой, я так опаздываю!
Раздевай!!!

Car-poem

Перед нами ещё не остывший, но мёртвый город.
Диагноз: смерть с наступлением ночи.
Сейчас жигули припаркуются на обочине —
там внутри будут долго придумывать повод.
Она:

OS2'.indd 123 14.09.2011 23:05:01

Обещала маме не лезть на переднее место,
молча любоваться видом Его затылка.
Скрещивала пальцы, когда говорила «честно».
...по стеклу размазана бабочка-легкокрылка.

Приоткроет дверцу и вдруг ударится
в эту злую смрадную тишину,
чёрную, как кожа у Лени Кравитца.
— Можно я чуть-чуть ещё посижу?

Он:
Немножко стыдится своей машины.
На работе его задолбали боссы.
И насквозь уже этой тоской прошило:
Наклониться бы, целовать её волосы.
И...
.....
Это как бывает — твердишь молитвенно:
Ну за что мне хреновый такой денёк?
И устал, и грязь, и слякоть, и ливень, но
Вдруг... тебя пересекает радугой поперёк.
.....
Она:
Полчаса прошло, а во рту всё вертится
Смесь слюны и радости на двоих.
Поджимает ноги на месте смертницы.
Улыбается, живее всех-всех живых.

* * *

Желание быть твоей матерью
Побороло желание искать в тебе отца.
Тонкая, белая — под тебя скатертью.
Склонился и пробуешь оба мои сосца,
И губы кривишь. Что, горько? Кисло?
Это *перебродившее материнство.*

OS2'.indd 124 14.09.2011 23:05:01

* * *

Выклянчила тебя,
Вымолила тебя,
Вырыдала тебя.
Страдалица.

Выдумала тебя,
Вырисовала тебя,
Высосала тебя
Из пальца.

Выродила тебя,
Выпеленовала тебя,
Выкормила тебя
Грудью.

Вылюбила тебя,
Выстрелила в тебя,
Вот перед вами Я,
Судьи.

OS2'.indd 125 14.09.2011 23:05:01

Алина Богачёва

В этом городе

В этом городе

В этом городе пахнет мечтами и изредка рыбой,
одуревшие женщины помнят на вкус только соль
то ли моря, а то ли слезы. Каждый первый босой
здесь почти что моряк, или каждая третья — Ассоль,
без которых промокнувший город заметно остыл бы.

В этом городе ждут месяцами своих капитанов,
уходивших на целую вечность — и всё в никуда,
оставляя кому-то на старых машинах «Продам»,
а в постелях покинутых жен — рассыпные года,
привозя расписные шелка и атласные раны.

В этом городе ценят секунды сошедших на берег,
их раскатистый смех и походку под качку земли,
их рассказы и солнечных глаз несмолкающий блик,
огрубевшие руки и взгляд, утонувший в дали
серебристого моря и в чьей-то чужой атмосфере.

Настроение

я сегодня осталась без мыслей, без чувств, ~~без вина~~
без вины, только молча слежу за победами чаек,
так бездумно кричащих на взморье у створок окна;
а на кухне надрывно визжит — будто брошенный — чайник.
я его не расслышу ~~и переспрошу~~. кто о чём,
я ж о боге томительно думаю. ~~где он и с кем там~~.
солнце пристально пенится в небе оплывшей свечой,
растворившейся жёлтой таблеткой, сгорающей лентой.
оголённые нервы заката, ~~а попросту ЛЭП~~,
расчеркнули прибой. как устало и нервно дымится

OS2'.indd 126 14.09.2011 23:05:02

сигарета в потухшей руке. беззастенчивый степ
исполняют мне голуби, ~~делая умные лица~~.
я ещё посижу, покурю и, пожалуй, пойду
и примкну в бесполезной гряде к пешеходному строю
копипастом шагающих рядом. О жизнь, я гряду!
Я лечу! ~~Я живу! я сверлю, я шпаклюю, я рою~~

Набросок

Если бы оказаться
под кожей твоих картин,
продираться, царапая веки,
ломая пальцы,
глотая белила, охру, ультрамарин,
ресницами по следам своим
осыпаться,
выныривать на поверхность
по счету «три»,
застыть обездвиженной мне,
остановиться
...затем лишь,
чтоб посмотреть на тебя изнутри,
глаза мне рисующего
~~в пустых глазницах~~.

Связь поколений

Здесь раньше была война, и
какой-то нелепый бог
нам в ней приказал проснуться.
И вымерли урожаи,
и каждая из дорог
захлопнулась, чтоб им пусто.
И мы вспоминали матерь,
хоть гибни, ругай, тоскуй,
но выживи в этой муке.
... а ты надеваешь платье
и нитку жемчужных струй
на тонкие свои руки.

Здесь раньше была война, и
мы больше боялись крыш,

OS2'.indd 127 14.09.2011 23:05:02

чем ты — высоты и мошек.
Мы крепче держали сваи
и, если ты нас простишь,
мы жрали котов и кошек.
Мы выли, как тощий пёс, и
под завтрак из требухи
мы дохли у батареи...
... а ты заплетаешь косы,
выплёскивая духи
на нежную кожу шеи.

Здесь раньше была война, и
мы спали под едкий дым.
Мы прятались в гуще пара.
А в небе рычали стаи.
И кто-то шёл молодым,
чтоб вскоре вернуться старым.
Великий план «Барбаросса»
всего лишь швырнул смертей.
Я это ещё застала...
... а ты пьёшь Мартини Россо
и кончиками ногтей
~~царапаешь край бокала~~.

...с фотографии

Этот город рожден погребённым заживо,
перекроен под смерть, перечерчен начерно,
принимая всё, что ему назначено,
он забыл в обломках своих людей,
тех, что либо мертвы, либо взбудоражены,
задаваясь вопросом о том, когда же он
перестанет в домах их буравить скважины
перекрёстным воплем очередей.

Я, погибшая где-то в дыму Осетии /
перестрелках Грозного / взрывах Косово,
молодая, яркая и раскосая,
и давно уставшая умирать,
я смотрю на тебя с этой нежной сепии
и не плачу, ты знаешь, в таком бесцветии,
безоглядно смирившись с твоим бессмертием
и — уже — своим, чтоб тебе под стать.

OS2'.indd 128 14.09.2011 23:05:02

В этих чёртовых войнах за независимость
нет свободы прийти невредимой с улицы;
если что обычно и адресуется,
то дробящий нервы шальной снаряд.
Генералам кричат без конца: «Брависсимо!»,
если сшили сраженье, слатали миссию.
Я прошу тебя, Господи, прекрати сие
и в другой Вселенной устрой свой ад.

Декабрь

Я не вижу тебя, и тело
моё слева грызёт декабрь,
я сижу, задыхаясь в прозу
твоих писем, где ни о чём:
между строчек живут пробелы,
и подавленный вздох не набран,
и фильтрация от мороза
тёплых слов.
Может быть, сотрём?
Может, как-то переиначим,
разойдёмся, сбежим, докрутим
отношения наизнанку:
не знакомы — и все дела?
Незнакомки чуть больше значат
в твоей жизни, чем я. По сути,
я живу, сочиняя танку
о моментах, где умерла:
...
«Идёшь навстречу,
мокрый снег падает в такт
твоему сердцу.
Я стою и жду, зная,
что пройдёшь, не заметив».
...
Я б, конечно, ещё вернулась,
поскреблась бы тихонько ногтем,
обхватила твои ладони
и укуталась на всю жизнь
в нерасправленную сутулость
и в глаза из тугого дёгтя.
Может, просто, давай прогоним
нашу зиму: мол, отвяжись.

OS2'.indd 129 14.09.2011 23:05:02

Может, просто: сожжём все свечи,
зажигалки, костры, мосты и
спички, факелы, да хотя бы
в нашей комнате включим свет.
Не сердись на меня при встрече.
Я всё время боюсь: остынем,
не сумев пережить декабрь,
~~как забытый полночный бред~~.

Пробуждение

Мой Художник слёг, заморозив пальцы,
отвернул мольберт, обесцветил краски.
В его снах шаманы, костры и пляски.
Он устал веками не высыпаться.

Его дом прозрачен, на рамах иней,
неживые кисти во льду застыли.
Все холсты безмолвны под слоем пыли,
неподвижен пепел в пустом камине.

...смыт узор оконный, метель допета,
луч пройдёт сквозь шторы, виска коснётся.
Мой Художник встанет, согретый солнцем,
нарисует снег и подпишет: «Лето».

Зверь

Ты вернись ко мне, в обжитые́ руки, припади к ногам, прикоснись губами, то ли пьяным, то ли пьянящим взглядом растопи мой мир. Одинокий мир. Мы отбросим лишнее в ночь: и звуки, и печальный вздох, и игру глазами, и твоё «прощай», и моё «не надо», залатаем ворох ненужных дыр.

Ты вернись ко мне, я же стыну, стыну, тереблю подол и рифмую слоги, я почти пропала в своём безлюдье на виду у всех, на слуху у всех. И как дочь — к отцу или матерь — к сыну, я хочу к тебе через все пороги, наплевав на гордость, друзей и судей, увидать твой образ, услышать смех.

Ты вернись ко мне в неизвестных числах (я не жду, ты слышишь? лишь на балконе... иногда курю) без звонков, анонсов. Постучи. Я просто открою дверь. Сквозь комок любовниц, пустые мысли, из чужих, любимых тобой, ладоней, ты вернись без

OS2'.indd 130 14.09.2011 23:05:02

окликов и вопросов, мой отчаянный,
одичавший зверь.

* * *

Спасите тех, кто одинок зимой,
кто пьёт постылый день пустынных улиц.
Они, как прежде, снова промахнулись,
идут, никем не жданные, домой.

Спасите тех, кто одинок в толпе,
кто дни считает по своим зарубкам,
когда три девки — верка, надька, любка —
хранят молчание людских степей.

Спаси того, кто одинок с тобой,
кто пьёт горячий чай с остывшим взглядом,
кто, с океаном споря за награду,
пытается перекричать прибой.

Твоя любовь

Любовь не по пятам, любовь впритык,
когда колотишь сердце кулаками,
и вдруг «Люблю!» срывается на крик
от слов: «Давай останемся друзьями».

Любовь не вполовину, а всерьёз,
забывшая и принципы, и твёрдость,
не знающая мер, пределов, доз
и слов о том, что у тебя есть гордость.

OS2'.indd 131 14.09.2011 23:05:02

Иван Карпов

Не выходи за эти сени...

* * *

Не выходи за эти сени,
Там в парке веткою скрипучей,
Как по стеклу иглой, Есенин
Себя твоим безверьем мучит.

Зашторь окно, там чьи-то дети
Ещё играют в вышибалу.
Зашторь, как будто это ветер,
Как будто не было начала.

2010

* * *

Проспекты рисуют тугое кольцо.
Стекает по арке фонарь леденцом.
И арку уже продолжает крыльцо,
Родное.

Там бабушка где-то у старых икон.
Там Дом бережёт золочёный огонь.
Там вишня берёзе поёт у окон
И пахнет покоем.

Там рухнул мой крёстный с покоса в траву.
Там Ангелы тучами в небе плывут.
Там детство парное в просевшем хлеву
Струится в ведёрко.

Как будто у прошлого настежь крыльцо.
Обветрило верой шальное лицо.
Проспекты рисуют тугое кольцо

OS2'.indd 132 14.09.2011 23:05:03

* * *

Заройся в сено на повети,
Пока не сбрендил в этой хате,
Где вой собачий шалый ветер
Из щели задувать заладил.

Где у потрёпанной иконы
Не шепчет бабушка о мире.
Где парень с нищим лексиконом
Считает мелочь у трактира.

Играйся в жмурки за калиткой,
Пока ещё хватает силы,
С горбатой тёткой бледноликой,
По имени Россия.

* * *

Хрипит паровоз, за верстою верста,
В окне оставляя пенаты.
Укутаться жадно в черничных листах,
Как в запахе хлеба из хаты.

В прозрачную реку подолгу смотреть,
И слушать, как дышит берёза,
И руки распахивать ранней заре,
Роняя за пазуху слёзы.

Горбатые сваи, остатки моста...
Ты грезил здесь первой любовью,
И что-то умел разглядеть ещё там,
В ручье, под пшеничною бровью.

Уйти бы на поле на трели сверчков,
И в ониксовом небосводе
Напиться воды из созвездия Ковш,
Упавшего прямо в колодец.

Хрипит паровоз, за верстою верста,
Летит без оглядки куда-то.
В вагоне черничный обрывок листа
Распластан, ботинком примятый...

OS2'.indd 133 14.09.2011 23:05:03

Скрипка Ротшильда

Там оголял фонарь проём
И надпись наискось «Россия».
И то ли пахло мёртвым сном,
А то ли плакало бессилье.

Металось время в проводах,
Ложилось на головы пеплом.
И подступал неясный страх,
И скрипка Ротшильда скрипела.

2011, зима

Птичья стая

Янтарным жаром дышит лето,
И набухают небеса.
Кружится стая над Планетой,
Взлетают птичьи голоса.

К какому сказочному югу,
В какой невыпитый закат...
Ветрами, рвущимися с луга
За мякоть кучевых громад...

В края невидимого сада,
Где ни терпенья, ни петли...
Где между Каином и братом
Уже не ноет, не болит...

Туда, где крыльев чуть касаясь,
По нитям света, поутру
Проходит девочка босая
И теплит спички на ветру...

2011, зима

OS2'.indd 134 14.09.2011 23:05:03

* * *

Во тьму распахнутые веки...
По млечным снам, по облакам,
Меж рёбрами грудная клетка
Орлиный отпускает гам.

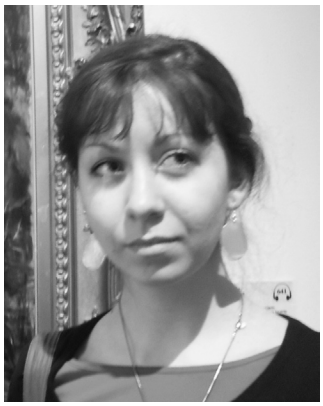
Всё тем же гибельным началом
Земля с опущенным лицом .
И жадный ветер рыщет шало,
И плачет брошенным птенцом.

Прольётся свет, и что-то будет.
С погостов кружится листва.
Бредут к огню всё те же люди
И превращаются в слова.

Мне б зачерпнуть ладонью неба
С песком созвездий по холмам,
И улететь на запах хлеба,
И затеряться там...

2011, весна

OS2'.indd 135 14.09.2011 23:05:03



Наталья Зайцева

Майка и баня

Баня у них была своя. Строил папа, Майка помогала. Папа в мастерской пилил на станке доски, потом шлифовал на большом грязном столе. Папа был в толстых каменных варежках — антизанозных — маленькие предметы в руки этим варежкам не давались.

— Майка, дай два гвоздика, тоненьких, — говорил папа.

Она подходила к заданию с большой ответственностью. Те самые маленькие гвоздики нужно было отыскать в большой тёплой деревянной плошке, наполненной холодным и влажным, маслянистым железом. Болтики, винтики, гаечки, гвоздики и куча разного мусора.

— Хорошенькие? — спрашивала она, становясь на цыпочки перед столом.

— Отличные, — хвалил папа, по одному беря из Майкиных замёрзших пальцев эти сокровища.

— А им не больно, когда ты их бьёшь?

— Не-а, наоборот. Они же хотят быть на своем месте, как все. Я им помогаю.

В мастерской пахло холодной пылью, смешанной со снегом и опилками. Если попросить, папа с дедушкой выпиливали из тонких досок кружочки, которые шли на головы тряпичных кукол. Если оставались лишние, то делали из них «просто так колёсики».

Зима от детства казалась длинной, тянущейся почти весь год, как время до вечера без мамы. И, как и до вечера, до лета нужно было придумывать, чем занять себя.

Одной ранней зимней ночью Майка с маленькой, еще несмышлёной сестрёнкой смотрела мультик. Было страшно весело, несмотря на снег и ночь. Тут по коридору прошаркала бабушка своими тапочками, какие никто давно не носил. Майке иногда казалось, что если надеть бабушкины тапочки (даже просто на секунду — выскочить отпереть калитку), то можно чем-нибудь заразиться. Например, бабушкой.

Бабушка остановилась на пороге и обиженным голосом одёрнула хохочущих Майку и Ольку:

— Девочки, не смейтесь. Папа себе пальцы отрезал.

Сразу стало страшно и обидно. Обидно оттого, что испортился вечер: в тёплую уютную комнату заглянуло что-то мрачное, глядящее осуждающе, как безрукий человек на здоровых. Неприятно, что бабушка сказала всё это так, как будто им должно было быть стыдно, что они не знали и смеялись...

И страшно было, потому что представился папа, как он пилит доску вдоль, нагнувшись над станком — над тем самым добрым станком, который выпиливает игрушечные

OS2'.indd 136 14.09.2011 23:05:03

кружочки! — и р-раз! Доска съезжает в сторону, и рука у папы срывается, срывается на бешеные, визжащие железные зубы… В глазах у Майки сделалась, как за окном, ночь.

Пальцы папа отрезал себе не целиком, а только верхние кусочки, и только на среднем и указательном. На правой руке. Папа левша, так что ему даже повезло. Только не сможет теперь на гитаре играть перебором.

Утром он ходил к врачу, а Майка выскочила во двор посмотреть снег — около мастерской и у двери дома на дорожке были капли. Майка представила, как папа вчера нёс осторожно впереди себя правую руку.

— Интересно, а где пальцы?

Ей хотелось войти в мастерскую и посмотреть. Но было страшно.

Рука у папы забинтованная. Он сказал, что доктор предлагал отрезать пальцы с ноги и пришить на руку, но папа отказался.

— Что я потом, всю жизнь хромать буду?

А Майка не поверила, что можно на руку пришить ножные пальцы...

Так эти картинки и засели на мысленном экранчике:

Папа без пальцев идет по снегу.

Пальцы без папы на полу в мастерской.

И рука с пальцами от ноги.

Когда у папы зажила рука, он снова начал строить баню и даже снова пилил на станке. А Майка говорила ему:

— Не пили, а то помогать не буду.

— А кто же будет доски делать? — смеялся папа.

— Пусть дедушка делает.

— А дедушку что же, не жалко? Не боись, второй раз я их не отрежу.

Ноябрь 2010

OS2'.indd 137 14.09.2011 23:05:03

Дмитрий Меркушов

Славянское слово. Украина

Украина в XIII-XVII вв. Краткая историческая справка

После нашествия Батыя в 1237-1241 гг. Киев приходит в запустение, и наступает фактический закат Киевской Руси. Русь окончательно распадается на отдельные княжества, в том числе (на территории современной Украины) Киевское княжество, Черниговское княжество, Галицкое Княжество, Владимиро-Волынское княжество, частично Турово-Пинское княжество, а также Переяславское княжество.

Закарпатье, хотя и было затронуто нашествием Батыя, оставалось в составе Венгерского королевства, в которое входило с IX в.

В состав Великого княжества Литовского долгое время входили украинские и белорусские земли, и с господством Золотой Орды на этих землях в значительной степени было покончено усилиями Великого княжества Литовского. Начиная с XIII столетия в борьбе с Тевтонским орденом и Галицко-Волынским княжеством формируется Литовское государство.

При Великом князе Литовском Гедимине (1316—1341) произошло укрепление территориального единства Великого княжества Литовского (присоединились Минск, Орша, Брест, Пинск, Туров), утвердилась преемственность княжеской власти. Происходили попытки присоединить Киевское княжество: в 1324 г. (?) Гедимин разбил войско князя Киевского при реке Ирпень и установил протекторат над Киевским княжеством.

В 1385 г. в условиях борьбы с крестоносцами и Московским княжеством, раздираемое внутренними конфликтами, Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтийское вступило в союз с Польским королевством, подписав Кревскую унию.

После Кревской унии усилились польские и католические влияния в Великом княжестве Литовском, постепенно удалялась от власти православная русская знать. Против сближения с Польшей выступали многие православные князья, в государстве на протяжении ста лет произошли три гражданских войны. Во второй половине XV столетия Великое княжество Литовское превратилось из своеобразной федерации украинских, белорусских и собственно литовских княжеств в централизованное государство.

Люблинская уния 1569 г. приводит к возникновению нового государства — Речи Посполитой, конфедерации Польского королевства и Великого княжества Литовского.

В 1596 г. Брестская уния Православной Церкви Киевской митрополии с Католической церковью вызывает переход в католицизм части русской знати.

В XIV в. начали появляться группы бегле-

OS2'.indd 138 14.09.2011 23:05:03

цов с территории Великого княжества Литовского, а позже — и Речи Посполитой, которые перебирались в незаселённые степи в низовьях Днепра. Переселение происходило по разным причинам, в основном из-за бедности и уголовного преследования.

Днепровские казаки (также называвшиеся черкасами) около 1553 или 1556 г. образовали Запорожскую Сечь, которая считается старейшим из всех казачьих формирований (среди других — Донское казачье войско, Яицкое казачье войско).

В дальнейшем политическое и религиозное давление со стороны Польши привело к параллельному существованию реестрового казачества, официально состоявшего на службе у польского короля, и нереестрового, которое королевская власть постоянно старалась ликвидировать, но фактически не могла никак контролировать. Такое противодействие нереестрового казачества и официальной королевской власти на фоне общего притеснения как неказацкого крестьянского населения Украины, так и реестрового казачества, привело в 1620-30-х гг. к многочисленным казацко-крестьянским восстаниям. Все эти восстания потерпели поражение, и в 1638-48 гг. установился период «золотого покоя», на время которого казацкие восстания прекратились.

В 1648 г. украинские казаки вновь подняли восстание из-за усилившегося притеснения польскими магнатами. Восстание возглавил бывший сотник реестровых казаков Богдан Хмельницкий.

Хотя восстанию поначалу сопутствовал успех, в 1651 г. после ряда поражений от польских войск Хмельницкий вынужден просить помощи у русского царя. 1 октября 1653 г. Земский собор постановил рекомендовать царю «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять». В 1654 году была созвана Переяславская Рада, заявившая о переходе подконтрольных восставшим территорий под протекторат России.

Русские войска поддержали восставших казаков, что привело к русско-польской войне 1654-1667 гг.

Чтение украинских текстов

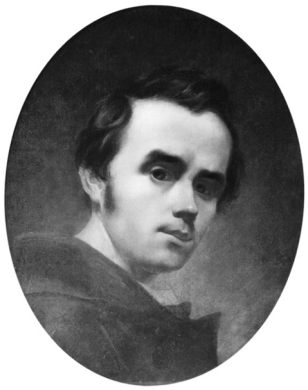
Современное украинское правописание сформировалось в течение XIX-XX вв. Произношение букв близко к русскому, за следующими исключениями:

- безударные гласные произносятся так же чётко, как ударные ([о] не превращается в [а] и т. п.): допомога (помощь);
- звонкие согласные на конце слова и перед глухими не оглушаются: зараз (сейчас), Шевченко;
- буква г фонематически составляет звонкую пару букве х. В отличие от русского, но как и в других славянских языках, падежное окончание -ого не произносится со звуком [в]: кого;
- буква ґ обозначает «твёрдое г» (такое, как в русском); используется, в основном, в словах иностранного происхождения: ґрунтуватися (основываться);
- буква е произносится близко к звуку, обозначаемому русской э: відділення (отделение);
- буква є соответствует русскому е, то есть означает йотированный или смягчающий звук: Європа, втретє (в третий раз);
- буква и произносится близко к русско-

OS2'.indd 139 14.09.2011 23:05:03

му безударному [ы] или средне между [и] и [ы]: питання (вопрос);
- буква і произносится близко к русскому [и]: російський (русский);
- буква ї произносится как [йи]: Київ;
- русской букве ё соответствуют сочетания йо: його (его);
- в обозначает, как правило, не звук [v] (который образуется смыканием нижней губы с верхними зубами, в украинском языке употребляется только перед е, и: позбавити — лишить), а [w] (образуется смыканием губ): Київ;
- ч обозначает не мягкий, а твёрдый звук: вчора (вчера);
- щ обозначает сочетание двух звуков, [ш] + [ч], также твёрдых: площа (площадь);
- согласные, обозначаемые буквами б, п, в, ф, м, г, х, ґ, к, ж, ш — почти всегда твёрдые, исключение — согласные в некоторых заимствованных словах (Мюнхен, но парфуми) и длинные мягкие шипящие как результат ассимиляции (розкішшю (роскошью) ← розкіш (роскошь) + ю);
- ц часто бывают мягким: перець (перец), паляниця (вид хлеба);
- сочетаниями дж и дз часто обозначаются соответствующие аффрикаты, слитно произносящиеся звонкие аналоги звуков [ч] и [ц]: джерело (жерло, источник), дзвін (звон, колокол); но на стыке морфем те же буквосочетания произносятся раздельно: піджарити (поджарить), підземний (подземный).

OS2'.indd 140 14.09.2011 23:05:04



Тарас Шевченко

Катерина

Василию Андреевичу Жуковскому на память 22 апреля 1838 года

I

Кохайтеся, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужі люде,
Роблять лихо з вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде в свою Московщину,
А дівчина гине —
Якби сама, ще б нічого,
А то й стара мати,
Що привела на світ божий,
Мусить погибати.
Серце в’яне співаючи,
Коли знає за що;
Люде серця не побачать,
А скажуть — ледащо!
Кохайтеся ж, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужі люде,
Знущаються вами.

Не слухала Катерина
Ні батька, ні неньки,
Полюбила москалика,
Як знало серденько.
Полюбила молодого,
В садочок ходила,

I

Любитесь, чернобровые,
Да не с москалями,
Потому что москали — чужие люди,
Приносят вам беду.
Москаль любит шутя,
Шутя кинет;
Пойдёт в свою Московщину,
А дивчина погибает —
Если бы сама, ещё бы ничего,
А то и старая мать,
Что привела в мир божий,
Должна погибать.
Сердце вянет с песней,
Если знает, за что;
Люди сердца не увидят,
А скажут — лентяйка!
Любитесь же, чернобровые,
Да не с москалями,
Потому что москали — чужие люди,
Издеваются над вами.

Не слушала Катерина
Ни отца, ни матушки,
Полюбила москалика,
Как знало сердечко.
Полюбила молодого,
В садик ходила,

OS2'.indd 141 14.09.2011 23:05:04

Поки себе, свою долю
Там занапастила.
Кличе мати вечеряти,
А донька не чує;
Де жартує з москаликом,
Там і заночує.
Не дві ночі карі очі
Любо цілувала,
Поки слава на все село
Недобрая стала.
Нехай собі тії люде
Що хотять говорять:
Вона любить, то й не чує,
Що вкралося горе.
Прийшли вісти недобрії —
В поход затрубили.
Пішов москаль в Туреччину;
Катрусю накрили.
Незчулася, та й байдуже,
Що коса покрита:
За милого, як співати,
Любо й потужити.
Обіцявся чорнобривий,
Обіцявся вернутися.
Тойді Катерина
Буде собі московкою,
Забудеться горе;
А поки що, нехай люде
Що хотять говорять.
Не журиться Катерина —
Слізоньки втирає,
Бо дівчата на улиці
Без неї співають.
Не журиться Катерина —
Вмиється сльозою,
Возьме відра, опівночі
Піде за водою,
Щоб вороги не бачили;
Прийде до криниці,
Стане собі під калину,
Заспіває Гриця.
Виспівує, вимовляє,
Аж калина плаче.

Пока себя, свою судьбу
Там загубила.
Зовёт мать ужинать,
А дочка не слышит;
Где шутит с москаликом,
Там и заночует.
Не две ночи карие глаза
Любовно целовала,
Пока слава на всё село
Недобрая стала.
Пускай себе те люди
Что хотят, говорят:
Она любит, да и не слышит,
Что вкралось горе.
Пришли вести недобрые —
В поход затрубили.
Пошёл москаль в Турцию;
Катрусю накрыли.
Не заметила, да и неважно,
Что коса покрыта:
О милом, как петь,
Хорошо и погрустить.
Обещался чернобровый,
Обещался вернуться.
Тогда Катерина
Будет себе московкою,
Забудется горе;
А пока что, пускай люди
Что хотят говорят.
Не сокрушается Катерина —
Слёзоньки утирает,
Потому что девчата на улице
Без неё поют.
Не сокрушается Катерина —
Умоется слезою,
Возьмёт вёдра, в полночь
Пойдёт за водою,
Чтоб враги не видели;
Придёт к колодцу,
Станет себе под калину,
Запоёт «Грица» .
Распевает, выговаривает,
Аж калина плачет.

OS2'.indd 142 14.09.2011 23:05:04

Вернулася — і раденька,
Що ніхто не бачив.
Не журиться Катерина
І гадки не має —
У новенькій хустиночці
В вікно виглядає.
Виглядає Катерина...
Минуло півроку;
Занудило коло серця,
Закололо в боку.
Нездужає Катерина,
Ледве-ледве дише...
Вичуняла та в запічку
Дитину колише.
А жіночки лихо дзвонять,
Матері глузують,
Що москалі вертаються
Та в неї ночують:
«В тебе дочка чорнобрива,
Та ще й не єдина,
А муштрує у запічку
Московського сина.
Чорнобривого придбала...
Мабуть, сама вчила...»
Бодай же вас, цокотухи,
Та злидні побили,
Як ту матір, що вам на сміх
Сина породила.

Катерино, серце моє!
Лишенько з тобою!
Де ти в світі подінешся
З малим сиротою?
Хто спитає, привітає
Без милого в світі?
Батько, мати — чужі люде,
Тяжко з ними жити!

Вичуняла Катерина,
Одсуне кватирку,
Поглядає на улицю,
Колише дитинку;
Поглядає — нема, нема...

Вернулась — и радёхонька,
Что никто не видел.
Не горюет Катерина,
И мысли не имеет —
В новеньком платочке
В окно выглядывает.
Выглядывает Катерина...
Минуло полгода;
Закрутило вокруг сердца,
Закололо в боку.
Болеет Катерина,
Еле-еле дышит...
Выздоровела, да за печкой
Ребёночка качает.
А женщины зло звонят,
Матери насмехаются,
Что москали возвращаются
Да у неё ночуют:
«У тебя дочка черноброва,
Да ещё и не одна,
А муштрует за печкой
Московского сына.
Обзавелась чернобровым...
Видать, сама учила...»
Хоть бы вас, цокотухи,
Да бедность побила,
Как ту мать, что вам на смех
Сына породила.

Катерина, сердце моё!
Горюшко с тобою!
Куда ты в мире денешься
С малым сиротою?
Кто спросит, приветит
Без милого в мире?
Отец, мать — чужие люди,
Тяжко с ними жить!

Выздоровела Катерина,
Открывает форточку,
Глядит на улицу,
Качает ребёночка;
Глядит — нету, нету...

OS2'.indd 143 14.09.2011 23:05:04

Чи то ж і не буде?
Пішла б в садок поплакати,
Так дивляться люде.
Зайде сонце — Катерина
По садочку ходить,
На рученьках носить сина,
Очиці поводить:
«Отут з муштри виглядала,
Отут розмовляла,
А там... а там... сину, сину!»
Та й не доказала.
Зеленіють по садочку
Черешні та вишні;
Як і перше виходила,
Катерина вийшла.
Вийшла, та вже не співає,
Як перше співала,
Як москаля молодого
В вишник дожидала.
Не співає чорнобрива,
Кляне свою долю.
А тим часом вороженьки
Кують речі недобрії.
Що має робити?
Якби милий чорнобривий,
Умів би спинити...
Так далеко чорнобривий,
Не чує, не бачить,
Як вороги сміються їй,
Як Катруся плаче.
Може, вбитий чорнобривий
За тихим Дунаєм;
А може — вже в Московщині
Другую кохає!
Ні, чорнявий не убий,
Він живий, здоровий...
А де ж найде такі очі,
Такі чорні брови?
На край світа, в Московщині,
По тім боці моря,
Нема нігде Катерини;
Та здалась на горе!..
Вміла мати брови дати,
Карі оченята,

Разве ж и не будет?
Пошла бы в сад поплакать,
Так видят люди.
Зайдёт солнце — Катерина
По садику ходит,
На рученьках носит сына,
Глазами водит:
«Тут с муштры высматривала,
Тут разговаривала,
А там... а там... сын, сын!»
Да и не досказала.
Зеленеют по садику
Черешни да вишни;
Как и раньше выходила,
Катерина вышла.
Вышла, да уже не поёт,
Как прежде пела,
Как москаля молодого
В вишенник дожидалась.
Не поёт чернобровая,
Клянёт свою долю.
Творят свою волю —
Куют речи недобрые.
Что надо делать?
Когда был бы милый чернобровый,
Умел бы остановить...
Так далеко чернобровый,
Не слышит, не видит,
Как враги смеются ей,
Как Катруся плачет.
Может, убит чернобровый
За тихим Дунаем;
А может — уже в Московщине
Другую любит!
Нет, чернявый не убит,
Он живой, здоровый...
А где ж найти такие глаза,
Такие чёрные брови?
На краю света, в Московщине,
На той стороне моря,
Нет нигде Катерины;
Та сдаёт в горе!..
Умела мать брови дать,
Карие глаза,

OS2'.indd 144 14.09.2011 23:05:04

Та не вміла на сім світі
Щастя-долі дати.
А без долі біле личко —
Як квітка на полі:
Пече сонце, гойда вітер,
Рве всякий по волі.
Умивай же біле личко
Дрібними сльозами,
Бо вернулись москалики
Іншими шляхами.

II

Сидить батько кінець стола,
На руки схилився;
Не дивиться на світ божий:
Тяжко зажурився.
Коло його стара мати
Сидить на ослоні,
За сльозами ледве-ледве
Вимовляє доні:
«Що весілля, доню моя?
А де ж твоя пара?
Де світилки з дружeньками,
Старости, бояре?
В Московщині, доню моя!
Іди ж їх шукати,
Та не кажи добрим людям,
Що є в тебе мати.
Проклятий час-годинонька,
Що ти народилась!
Якби знала, до схід сонця
Була б утопила...
Здалась тоді б ти гадині,
Тепер — москалеві...
Доню моя, доню моя,
Цвіте мій рожевий!
Як ягодку, як пташечку,
Кохала, ростила
На лишенько... Доню моя,
Що ти наробила?..
Оддячила!.. Іди ж, шукай

Да не умела на этом свете
Счастья-доли дать.
А без доли белое личико —
Как цветок в поле:
Печёт солнце, айда ветер,
Рвёт всякий, когда захочет.
Умывай же белое личико
Мелкими слезами,
Потому что вернулись москалики
Другими путями.

II

Сидит отец в конце стола,
На руки склонился;
Не смотрит на свет божий:
Тяжко огорчился.
Около его старая мать
Сидит на скамейке,
За слезами еле-еле
Выговаривает дочери:
«Что, свадьба, дочка моя?
А где ж твоя пара?
Где светилки с подружками,
Старосты, бояре?
В Московщине, дочка моя!
Иди же их искать,
Да не говори добрым людям,
Что есть у тебя мать.
Проклятый час-годиночка,
Что ты народилась!
Как бы знала, до захода солнца
Утопила бы...
Досталась тогда б ты гадине,
Теперь — москалю...
Дочка моя, дочка моя,
Цветёт моя розовая!
Как ягодку, как пташечку,
Любила, растила
На горюшко... Дочка моя,
Что ты наделала?..
Отблагодарила!.. Иди ж, ищи

OS2'.indd 145 14.09.2011 23:05:05

У Москві свекрухи.
Не слухала моїх річей,
То її послухай.
Іди, доню, найди її,
Найди, привітайся,
Будь щаслива в чужих людях,
До нас не вертайся!
Не вертайся, дитя моє,
З далекого краю...
А хто ж мою головоньку
Без тебе сховає?
Хто заплаче надо мною,
Як рідна дитина?
Хто посадить на могилі
Червону калину?
Хто без тебе грішну душу
Поминати буде?
Доню моя, доню моя,
Дитя моє любе!
Іди од нас...»
Ледве-ледве
Поблагословила:
«Бог з тобою!» — та, як мертва,
На діл повалилась...

Обізвався старий батько:
«Чого ждеш, небого?»
Заридала Катерина
Та бух йому в ноги:
«Прости мені, мій батечку,
Що я наробила!
Прости мені, мій голубе,
Мій соколе милий!»
«Нехай тебе бог прощає
Та добрії люде;
Молись богу та йди собі —
Мені легше буде».

Ледве встала, поклонилась,
Вийшла мовчки з хати;
Осталися сиротами
Старий батько й мати.
Пішла в садок у вишневий,

В Москве свекруху.
Не слушала моих речей,
Так её послушай.
Иди, дочка, найди её,
Найди, поздоровайся,
Будь счастлива у чужих людей,
К нам не возвращайся!
Не возвращайся, дитя моё,
Из далёкого краю...
А кто ж мою головушку
Без тебя похоронит?
Кто заплачет надо мною,
Как родное дитя?
Кто посадит на могиле
Красную калину?
Кто без тебя грешную душу
Поминать будет?
Дочка моя, дочка моя,
Дитя моё любимое!
Иди от нас...»
Еле-еле
Благословила:
«Бог с тобою!» — та, как мёртвая,
На пол повалилась...

Обозвался старый отец:
«Чего ждёшь, голубушка?»
Зарыдала Катерина
И бух ему в ноги:
«Прости меня, мой отец,
Что я наделала!
Прости меня, мой батюшка,
Мой сокол милый!»
«Пускай тебя бог прощает
Да добрые люди;
Молись богу да иди себе —
Мне легче будет».

Еле встала, поклонилась,
Вышла молча из хаты;
Остались сиротами
Старый отец и мать.
Пошла в сад в вишнёвый,

OS2'.indd 146 14.09.2011 23:05:05

Богу помолилась,
Взяла землі під вишнею,
На хрест почепила;
Промовила: «Не вернуся!
В далекому краю,
В чужу землю чужі люде
Мене заховають;
А своєї ся крихотка
Надо мною ляже
Та про долю, моє горе,
Чужим людям скаже...
Не розказуй, голубонько!
Де б ні заховали,
Щоб грішної на сім світі
Люди не займали.
Ти не скажеш... Ось хто скаже,
Що я його мати!
Боже ти мій!.. Лихо моє!
Де мені сховатись?
Заховаюсь, дитя моє,
Сама під водою,
А ти гріх мій спокутуєш
В людях сиротою,
Безбатченком!..»

Пішла селом,
Плаче Катерина;
На голові хустиночка,
На руках дитина.
Вийшла з села — серце мліє;
Назад подивилась,
Покивала головою
Та й заголосила.
Як тополя, стала в полі
При битій дорозі;
Як роса та до схід сонця,
Покапали сльози,
За сльозами за гіркими
І світа не бачить,
Тілько сина пригортає,
Цілує та плаче.
А воно, як янгелятко,
Нічого не знає,

Богу помолилась,
Взяла земли под вишнею,
На крест прицепила;
Промолвила: «Не вернусь!
В далёком краю,
В чужой земле чужие люди
Меня похоронят;
А в своей эта крошка
Надо мною ляжет
Да про долю, моё горе,
Чужим людям скажет...
Не рассказывай, голубочек!
Где б ни похоронили,
Чтобы грешной на этом свете
Люди не назвали.
Ты не скажешь... Вот кто скажет,
Что я его мать!
Боже ты мой!.. Горе моё!
Где мне спрятаться?
Спрячусь, дитя моё,
Сама под водою,
А ты грех мой искупишь
В людях сиротою,
Незаконнорожденным!..»

Пошла селом,
Плачет Катерина;
На голове платочек,
На руках ребёнок.
Вышла из села — сердце томится;
Назад посмотрела,
Покивала головою
Да и заголосила.
Как тополь, встала в поле
У разбитой дороги;
Как роса да на восходе солнца,
Покапали слёзы,
За слезами за горькими
И света не видит,
Только сына прижимает,
Целует да плачет.
А он, как ангелочек,
Ничего не знает,

OS2'.indd 147 14.09.2011 23:05:05

Маленькими ручицями
Пазухи шукає.
Сіло сонце, з-за діброви
Небо червоніє;
Утерлася, повернулась,
Пішла... тілько мріє.
В селі довго говорили
Дечого багато,
Та не чули вже тих річей
Ні батько, ні мати...

Отаке-то на сім світі
Роблять людям люде!
Того в'яжуть, того ріжуть,
Той сам себе губить...
А за віщо? Святий знає.
Світ, бачся, широкий,
Та нема де прихилитись
В світі одиноким.
Тому доля запродала
Од краю до краю,
А другому оставила
Те, де заховають.
Де ж ті люде, де ж ті добрі,
Що серце збиралось
З ними жити, їх любити?
Пропали, пропали!

Єсть на світі доля,
А хто її знає?
Єсть на світі воля,
А хто її має?
Єсть люде на світі —
Сріблом-злотом сяють,
Здається, панують,
А долі не знають, —
Ні долі, ні волі!
З нудьгою та з горем
Жупан надівають,
А плакати — сором.
Возьміть срібло-злото
Та будьте багаті,
А я візьму сльози —

Маленькими рученьками
Пазухи ищет.
Село солнце, из-за дубравы
Небо краснеет;
Утёрлась, повернулась,
Пошла... только мечтает.
В селе долго говорили
Кое-чего много,
Да не слышали уже тех речей
Ни отец, ни мать...

Вот такое-то на этом свете
Делают людям люди!
Того вяжут, того режут,
Тот сам себя губит...
А за что? Святой знает.
Свет, вишь, широкий,
Да нету где расположиться
В свете одиноким.
Тому судьба запродала
От краю до краю,
А другому оставила
То, где закопают.
Где ж те люди, где ж те добрые,
Что сердце собиралось
С ними жить, их любить?
Пропали, пропали!

Есть на свете доля,
А кто её знает?
Есть на свете воля,
А кто её имеет?
Есть люди на свете —
Серебром-золотом блестят,
Видать, барствуют,
А судьбы не знают, —
Ни доле, ни воле!
С унынием да с горем
Жупан надевают,
А плакать — стыд.
Возьмите серебро-золото
Да будьте богаты,
А я возьму слёзы —

OS2'.indd 148 14.09.2011 23:05:05

Лихо виливати;
Затоплю недолю
Дрібними сльозами,
Затопчу неволю
Босими ногами!
Тоді я веселий,
Тоді я багатий,
Як буде серденько
По волі гуляти!

Горе выливать;
Затоплю недолю
Мелкими слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!
Тогда я весёлый,
Тогда я богатый,
Как будет сердечко
По воле гулять!

III

Кричать сови, спить діброва,
Зіроньки сіяють,
Понад шляхом, щирицею,
Ховрашки гуляють.
Спочивають добрі люде,
Що кого втомило:
Кого — щастя, кого — сльози,
Все нічка покрила.
Всіх покрила темнісінька,
Як діточок мати;
Де ж Катрусю пригорнула:
Чи в лісі, чи в хаті?
Чи на полі під копою
Сина забавляє,
Чи в діброві з-під колоди
Вовка виглядає?
Бодай же вас, чорні брови,
Нікому не мати,
Коли за вас таке лихо
Треба одбувати!
А що дальше спіткається?
Буде лихо, буде!
Зустрінуться жовті піски
І чужії люде;
Зустрінеться зима люта...
А той чи зустріне,
Що пізнає Катерину,
Привітає сина?
З ним забула чорнобрива
Шляхи, піски, горе:
Він, як мати, привітає,
Як брат, заговорить...

III

Кричат совы, спит дубрава,
Звёздочки сияют,
Вдоль дороги, щирицей ,
Суслики гуляют.
Спят добрые люди,
Что кого утомило:
Кого — счастье, кого — слёзы,
Все ночка накрыла.
Всех накрыла темнёхонька,
Как детей мать;
Где ж Катрусю приласкала:
В лесу или в хате?
Или на поле под копною
Сына забавит,
Или в дубраве из-под колоды
Волка высматривает?
Хоть бы вас, чёрные брови,
Никому не иметь,
Коли за вас такое горе
Надо отбывать!
А что дальше случится?
Будет горе, будет!
Встретятся жёлтые пески
И чужие люди;
Встретится зима лютая...
А тот встретится ли,
Что узнает Катерину,
Приветит сына?
С ним забыла чернобровая
Дороги, пески, горе:
Он, как мать, привечает,
Как брат, заговорит...

OS2'.indd 149 14.09.2011 23:05:05

Побачимо, почуємо...
А поки — спочину
Та тим часом розпитаю
Шлях на Московщину.
Далекий шлях, пани-брати,
Знаю його, знаю!
Аж на серці похолоне,
Як його згадаю.
Попоміряв і я колись —
Щоб його не мірять!..
Розказав би про те лихо,
Та чи то ж повірять!
«Бреше, — скажуть, — сякий-такий!
(Звичайно, не в очі),
А так тілько псує мову
Та людей морочить».
Правда ваша, правда, люде!
Та й нащо те знати,
Що сльозами перед вами
Буду виливати?
Нащо воно? У всякого
І свого чимало...
Цур же йому!.. А тим часом
Кете лиш кресало
Та тютюну, щоб, знаєте,
Дома не журились.
А то лихо розказувать,
Щоб бридке приснилось!
Нехай його лихий візьме!
Лучче ж поміркую,
Де то моя Катерина
З Івасем мандрує.

За Києвом, та за Дніпром,
Попід темним гаєм,
Ідуть шляхом чумаченьки,
Пугача співають.
Іде шляхом молодиця,
Мусить бути, з прощі.
Чого ж смутна, невесела,
Заплакані очі?
У латаній свитиночці,

Увидим, услышим...
А пока — отдых
Да тем временем разузнаю
Путь на Московщину.
Далёкий путь, паны-браты,
Знаю его, знаю!
Аж на сердце похолодеет,
Как его вспомню.
Померил и я когда-то —
Чтоб его не мерить!..
Рассказал бы про то горе,
Та разве ж то поверят!
«Брешет, — скажут, — сякой-такой!
(Конечно, не в глаза),
А так только портит язык
Да людей морочит».
Правда ваша, правда, люди!
Да и зачем то знать,
Что слезами перед вами
Буду выливать?
Зачем оно? У всякого
И своего порядочно...
Чур же его!.. А тем временем
Дайте лишь огниво
Та табаку, чтоб, знаете,
Дома не печалились.
А то о горе рассказывать,
Чтоб уродине приснилось!
Пусть его лукавый возьмёт!
Лучше ж подумаю,
Где-то моя Катерина
С Ивасем скитается.

За Киевом, да за Днепром,
Вдоль тёмного леса,
Идут дорогой торговцы,
«Пугача» поют.
Идёт дорогой молодица,
Должно быть, с богомолья.
Отчего ж смутна, невесела,
Заплаканы глаза?
В латаной свиточке,

OS2'.indd 150 14.09.2011 23:05:05

На плечах торбина,
В руці ціпок, а на другій
Заснула дитина.
Зустрілася з чумаками,
Закрила дитину,
Питається: «Люде добрі,
Де шлях в Московщину?»
«В Московщину? оцей самий.
Далеко, небого?»
«В саму Москву, Христа ради,
Дайте на дорогу!»
Бере шага, аж труситься:
Тяжко його брати!..
Та й навіщо?.. А дитина?
Вона ж його мати!
Заплакала, пішла шляхом,
В Броварях спочила
Та синові за гіркого
Медяник купила.
Довго, довго, сердешная,
Все йшла та питала;
Було й таке, що під тином
З сином ночувала...
Бач, на що здалися карі оченята:
Щоб під чужим тином сльози виливать!
Отож-то дивіться та кайтесь, дівчата,
Щоб не довелося москаля шукать,
Щоб не довелося, як Катря шукає...
Тоді не питайте, за що люде лають,
За що не пускають в хату ночувать.

Не питайте, чорнобриві,
Бо люде не знають;
Кого бог кара на світі,
То й вони карають...
Люде гнуться, як ті лози,
Куди вітер віє.
Сиротині сонце світить
(Світить, та не гріє) —
Люде б сонце заступили,
Якби мали силу,
Щоб сироті не світило,

На плечах сума,
В руке посох, а на другой
Заснуло дитя.
Встретилась с торговцами,
Прикрыла дитя,
Спрашивает: «Люди добрые,
Где дорога в Московщину?»
«В Московщину? Вот эта самая.
Далеко, голубушка?»
«В саму Москву, Христа ради,
Дайте на дорогу!»
Берёт грош, аж трясётся:
Тяжко его брать!..
Да и зачем?.. А дитя?
Она ж его мать!
Заплакала, пошла дорогой,
В Броварах заснула
Да сыну за горький
Пряник купила.
Долго, долго, сердешная,
Все шла да спрашивала;
Было и такое, что под забором
С сыном ночевала...
Глянь, на что сдались карие глаза:
Чтоб под чужим забором слёзы выливать!
Так-то вот смотрите и кайтесь, девчата,
Чтоб не довелось москаля искать,
Чтоб не довелось, как Катря ищет...
Тогда не спрашивайте, за что люди лают,
За что не пускают в хату ночевать.

Не спрашивайте, чернобровые,
Потому что люди не знают;
Кого бог карает на свете,
Того и они карают...
Люди гнутся, как те лозы,
Куда ветер веет.
Сиротине солнце светить
(Светит, да не греет) —
Люди б солнце заслонили,
Как бы имели силу,
Чтоб сироте не светило,

OS2'.indd 151 14.09.2011 23:05:05

Сльози не сушило.
А за віщо, боже милий!
За що світом нудить?
Що зробила вона людям,
Чого хотять люде?
Щоб плакала!.. Серце моє!
Не плач, Катерино,
Не показуй людям сльози,
Терпи до загину!
А щоб личко не марніло
З чорними бровами —
До схід сонця в темнім лісі
Умийся сльозами.
Умиєшся — не побачать,
То й не засміються;
А серденько одпочине,
Поки сльози ллються.

Отаке-то лихо, бачите, дівчата.
Жартуючи кинув Катрусю москаль.
Недоля не бачить, з ким їй жартувати,
А люде хоч бачать, та людям не жаль:
«Нехай, — кажуть, — гине ледача дитина,
Коли не зуміла себе шанувать».

Шануйтеся ж, любі, в недобру годину,
Щоб не довелося москаля шукать.
Де ж Катруся блудить?
Попідтинню ночувала,
Раненько вставала,
Поспішала в Московщину;
Аж гульк — зима впала.
Свище полем заверюха,
Іде Катерина
У личаках — лихо тяжке! —
І в одній свитині.
Іде Катря, шкандибає;
Дивиться — щось мріє...
Либонь, ідуть москалики...
Лихо!.. серце мліє — Горе!..
Полетіла, зустрілася,
Пита: «Чи немає
Мого Йвана чорнявого?»

Слёзы не сушило.
А за что, боже милый!
За что светом томит?
Что сделала она людям,
Чего хотят люди?
Чтоб плакала!.. Сердце моё!
Не плачь, Катерина,
Не показывай людям слёзы,
Терпи до погибели!
А чтоб личико не увяло
С чёрными бровями —
До восхода солнца в тёмном лесу
Умойся слезами.
Умоешься — не увидят,
То и не засмеются;
А сердечко отдохнёт,
Пока слёзы льются.

Вот такое-то горе, видите, девчата.
Шутя кинул Катрусю москаль.
Злосчастье не видит, с кем ему шутить,
А люди хоть видят, да людям не жаль:
«Пускай, — скажут, — гибнет плохое дитя,
Коли не сумело себя сберечь».

Берегитесь же, милые, в недобрый час,
Чтоб не довелось москаля искать.
Где ж Катруся плутает?
Под забором ночевала,
Раненько вставала,
Поспешала в Московщину;
Ан глядь — зима пришла.
Свистит полем вьюга,
Идёт Катерина
В лаптях — горе тяжкое! —
И в одной свитке.
Идёт Катря, шкандыбает;
Смотрит — что-то виднеется...
Видно, идут москалики...
сердце млеет —
Полетела, встретила,
Спрашивает: «Нет ли
Моего Ивана чернявого?»

OS2'.indd 152 14.09.2011 23:05:05

А ті: «Мы не знаем».
І, звичайно, як москалі,
Сміються, жартують:
«Ай да баба! ай да наши!
Кого не надуют!»
Подивилась Катерина:
«І ви, бачу, люде!
Не плач, сину, моє лихо!
Що буде, то й буде.
Піду дальше — більш ходила...
А може, й зустріну;
Оддам тебе, мій голубе,
А сама загину».

Реве, стогне хуртовина,
Котить, верне полем;
Стоїть Катря серед поля,
Дала сльозам волю.
Утомилась заверюха,
Де-де позіхає;
Ще б плакала Катерина,
Та сліз більш немає.
Подивилась на дитину:
Умите сльозою,
Червоніє, як квіточка
Вранці під росою.
Усміхнулась Катерина,
Тяжко усміхнулась:
Коло серця — як гадина
Чорна повернулась.
Кругом мовчки подивилась;
Бачить — ліс чорніє,
А під лісом, край дороги,
Либонь, курінь мріє.
«Ходім, сину, смеркається,
Коли пустять в хату;
А не пустять, то й надворі
Будем ночувати.
Під хатою заночуєм,
Сину мій Іване!
Де ж ти будеш ночувати,
Як мене не стане?
З собаками, мій синочку,

А те: «Мы не знаем».
И, конечно, как москалі,
Смеются, шутят:
«Ай да баба! ай да наши!
Кого не надуют!»
Поглядела Катерина:
«И вы, вижу, люди!
Не плачь, сын, моё горе!
Что будет, то и будет.
Пойду дальше — больше ходила...
А может, и встречу;
Отдам тебя, мой голубочек,
А сама погибну».

Ревёт, стонет вьюга,
Катит, вертит полем;
Стоит Катря посредине поля,
Дала слезам волю.
Утомилась метель,
Где-где повивает;
Ещё бы плакала Катерина,
Да слёз больше нет.
Посмотрела на дитя:
Умытое слезою,
Краснеет, как цветок
Поутру под росою.
Усмехнулась Катерина,
Тяжко усмехнулась:
Около сердца — как гадина
Чёрная повернулась.
Вокруг молча посмотрела;
Видит — лес чернеет,
А под лесом, у дороги,
Никак, курень видится.
«Идём, сынок, смеркается,
Коли пустят в хату;
А не пустят, то и на улице
Будем ночевать.
Под хатою заночуем,
Сын мой Иван!
Где ж ты будешь ночевать,
Как меня не станет?
С собаками, мой сыночек,

OS2'.indd 153 14.09.2011 23:05:05

Кохайся надворі!
Собаки злі, покусають,
Та не заговорять,
Не розкажуть сміючися...
З псами їсти й пити...
Бідна моя головонько!
Що мені робити?»

Сирота-собака має свою долю,
Має добре слово в світі сирота;
Його б'ють і лають, закують в неволю,
Та ніхто про матір на сміх не спита,
А Йвася спитають, заранне спитають,
Не дадуть до мови дитині дожить.
На кого собаки на улиці лають?
Хто голий, голодний під тином сидить?
Хто лобуря водить? Чорняві байстрята...
Одна його доля — чорні бровенята,
Та й тих люде заздрі не дають носить.

IV

Попід горою, яром, долом,
Мов ті діди високочолі,
Дуби з Гетьманщини стоять.
У яру гребля, верби в ряд,
Ставок під кригою в неволі
І ополонка — воду брать...
Мов покотьоло — червоніє,
Крізь хмару — сонце зайнялось.
Надувся вітер; як повіє —
Нема нічого: скрізь біліє...
Та тілько лісом загуло.

Реве, свище заверюха.
По лісу завило;
Як те море, біле поле
Снігом покотилось.
Вийшов з хати карбівничий,
Щоб ліс оглядіти,
Та де тобі! таке лихо,
Що не видно й світа.

Любись на улице!
Собаки злые, покусают,
Да не заговорят,
Не расскажут смеясь...
С псами есть и пить...
Бедная моя головушка!
Что мне делать?»

Сирота-собака имеет свою долю,
Имеет доброе слово в свете сирота;
Его бьют и лают, закуют в неволю,
Да никто про мать на смех не спросит,
А Ивася спросят, заранее спросят,
Не дадут до речи дитю дожить.
На кого собаки на улице лают?
Кто голый, голодный под забором сидит?
Кто лодыря водит? Чернявые байстрята...
Одна его доля — чёрные брови,
Да и тех люди завистливые не дают носить.

IV

По-под горою, яром, долом,
Будто те тени с высоким челом,
Дубы с Гетманщины стоят.
В овраге плотина, вербы в ряд,
Пруд подо льдом в неволе
И прорубь — воду брать...
Будто обруч — краснеет,
Сквозь тучу — солнце занялось.
Подул ветер; как повеет —
Нет ничего: везде белеет...
Да только лесом загудело.

Ревёт, свищет вьюга.
По лесу завыло;
Как то море, белое поле
Снегом хлынуло.
Вышел из хаты лесник,
Чтоб лес оглядеть,
Да где тебе! такое лихо,
Что не видно и света.

OS2'.indd 154 14.09.2011 23:05:05

«Еге, бачу, яка фуга!
Цур же йому я лісом!
Піти в хату... Що там таке?
От їх достобіса!
Недобра їх розносила,
Мов справді за ділом.
Ничипоре! дивись лишень,
Які побілілі!»
«Що, москалі?.. Де москалі?»
«Що ти? схаменися!»
«Де москалі, лебедики?»
«Та он, подивися».
Полетіла Катерина
І не одяглася.
«Мабуть, добре Московщина
В тямку їй далася!
Бо уночі тілько й знає,
Що москаля кличе».
Через пеньки, заметами,
Летить, ледве дише,
Боса стала серед шляху,
Втерлась рукавами.
А москалі їй назустріч,
Як один, верхами.
«Лихо моє! доле моя!»
До їх... коли гляне —
Попереду старший їде.
«Любий мій Іване!
Серце моє коханеє!
Де ти так барився?»
Та до його... за стремена...
А він подивився,
Та шпорами коня в боки.
«Чого ж утікаєш?
Хіба забув Катерину?
Хіба не пізнаєш?
Подивися, мій голубе,
Подивись на мене:
Я Катруся твоя люба.
Нащо рвеш стремена?»
А він коня поганяє,
Нібито й не бачить.
«Постривай же, мій голубе!

«Эге, вижу, какая пурга!
Чур же ему я лесом!
Пойти в хату... Что там такое?
Вот их очертели!
Недобрая их разносила,
Может, вправду за делом.
Ничипор! Посмотри только,
Какие побелели!»
«Что, москали?.. Где москали?»
«Что ты? Приди в себя!»
«Где москали, лебедики?»
«Да вон, посмотри».
Полетела Катерина
И не оделась.
«Может быть, крепко Московщина
В память ей врезалась!
Потому что ночью только и знает,
Что москаля кличет».
Через пеньки, сугробами,
Летит, еле дышит,
Босая встала посреди дороги,
Утёрлась рукавами.
А москали ей навстречу,
Как один, верхом.
«Горе моё! Судьба моя!»
К ним... только глянет —
Спереди старший едет.
«Милый мой Иван!
Сердце моё любимое!
Где ты так прохлаждался?»
Да к нему... за стремена...
А он посмотрел,
Да шпорами коня в бока.
«Что ж убегаешь?
Иль забыл Катерину?
Иль не узнаёшь?
Посмотри, мой голубь,
Посмотри на меня:
Я Катруся твоя милая.
Зачем рвёшь стремена?»
А он коня погоняет,
Будто её не видит.
«Подожди же, мой голубь!

OS2'.indd 155 14.09.2011 23:05:05

Дивись — я не плачу.
Ти не пізнав мене, Йване?
Серце, подивися,
Їй же богу, я Катруся!»
«Дура, отвяжися!
Возьмите прочь безумную!»
«Боже мій! Іване!
І ти мене покидаєш?
А ти ж присягався!»
«Возьмите прочь! Что ж вы стали?»
«Кого? мене взяти?
За що ж, скажи, мій голубе?
Кому хоч оддати
Свою Катрю, що до тебе
В садочок ходила,
Свою Катрю, що для тебе
Сина породила?
Мій батечку, мій братику!
Хоч ти не цурайся!
Наймичкою тобі стану...
З другою кохайся...
З цілим світом... Я забуду,
Що колись кохалась,
Що од тебе сина мала,
Покриткою стала...
Покриткою... який сором!
І за що я гину!
Покинь мене, забудь мене,
Та не кидай сина.
Не покинеш?.. Серце моє,
Не втікай од мене...
Я винесу тобі сина».
Кинула стремена
Та в хатину. Вертається,
Несе йому сина.
Несповита, заплакана
Сердешна дитина.
«Осьде воно, подивися!
Де ж ти? заховався?
Утік!.. нема!.. Сина, сина
Батько одцурався!
Боже ти мій!.. Дитя моє!
Де дінусь з тобою?

Смотри — я не плачу.
Ты не узнал меня, Иван?
Сердце, посмотри,
Ей же богу, я Катруся!»
«Дура, отвяжися!
Возьмите прочь безумную!»
«Боже мой! Иван!
И ты меня покидаешь?
А ты ж поклялся!»
«Возьмите прочь! Что ж вы стали?»
«Кого? Меня взять?
За что ж, скажи, мой голубь?
Кому хочешь отдать
Свою Катрю, что к тебе
В садик ходила,
Свою Катрю, что для тебя
Сына породила?
Мой батюшка, мой братик!
Хоть ты не чурайся!
Служанкой тебе стану...
С другою любись...
С целым светом... Я забуду,
Что когда-то любилась,
Что от тебя сына имела,
Покрыткою стала...
Покрыткою... какой стыд!
И за что я погибаю!
Покинь меня, забудь меня,
Да не кидай сына.
Не покинешь?.. Сердце моё,
Не убегай от меня...
Я вынесу тебе сына».
Кинула стремена
Да в боковушку. Возвращается,
Несёт ему сына.
Не спелёнутое, заплаканное
Сердешное дитя.
«Вот он, посмотри!
Где ж ты? спрятался?
Ушёл!.. нету!.. Сына, сына
Отец гнушается!
Боже ты мой!.. Дитя моё!
Куда денусь с тобою?

OS2'.indd 156 14.09.2011 23:05:05

Москалики! голубчики!
Возьміть за собою;
Не цурайтесь, лебедики:
Воно сиротина;
Возьміть його та оддайте
Старшому за сина,
Возьміть його... бо покину,
Як батько покинув, —
Бодай його не кидала
Лихая година!
Гріхом тебе на світ божий
Мати породила;
Виростай же на сміх людям! —
На шлях положила. —
Оставайся шукать батька,
А я вже шукала».
Та в ліс з шляху, як навісна!
А дитя осталось,
Плаче бідне... А москалям
Байдуже; минули.
Воно й добре; та на лихо
Лісничі почули.

Біга Катря боса лісом,
Біга та голосить;
То проклина свого Йвана,
То плаче, то просить.
Вибігає на возлісся;
Кругом подивилась
Та в яр... біжить... серед ставу
Мовчки опинилась.
«Прийми, боже, мою душу,
А ти — моє тіло!»
Шубовсть в воду!.. Попід льодом
Геть загуркотіло.

Чорнобрива Катерина
Найшла, що шукала.
Дунув вітер понад ставом —
І сліду не стало.

То не вітер, то не буйний,
Що дуба ламає;

Москалики! голубчики!
Возьмите с собой;
Не чурайтесь, лебедики:
Он сирота;
Возьмите его да отдайте
Старшому за сына,
Возьмите его... потому что покину,
Как отец покинул, —
Пусть бы его не кидала
Лихая година!
Грехом тебя на свет божий
Мать породила;
Вырастай же на смех людям! —
На дорогу положила. —
Оставайся искать отца,
А я уже искала».
Да в лес с дороги, как безумная!
А дитя осталось,
Плачет бедное... А москалям
Всё равно; проехали мимо.
Оно и хорошо; да на беду
Лесничие услышали.

Бежит Катря босая лесом,
Бежит да голосит;
То проклинает своего Ивана,
То плачет, то просит.
Выбегает на опушку;
Кругом посмотрела
Да в овраг... бежит... посреди пруда
Молча очутилась.
«Прими, боже, мою душу,
А ты — моё тело!»
Бултых в воду!.. Подо льдом
Прочь загромыхало.

Чернобровая Катерина
Нашла, что искала.
Дунул ветер над прудом —
И следу не стало.

То не ветер, то не буйный,
Что дубы ломает;

OS2'.indd 157 14.09.2011 23:05:06

То не лихо, то не тяжке,
Що мати вмирає;
Не сироти малі діти,
Що неньку сховали:
Їм зосталась добра слава,
Могила зосталась.
Засміються злії люде
Малій сиротині;
Виллє сльози на могилу —
Серденько спочине.
А тому, тому на світі,
Що йому зосталось,
Кого батько і не бачив,
Мати одцуралась?
Що зосталось байстрюкові?
Хто з ним заговорить?
Ні родини, ні хатини;
Шляхи, піски, горе...
Панське личко, чорні брови..
Нащо? Щоб пізнали!
Змальовала, не сховала...
Бодай полиняли!

V

Ішов кобзар до Києва
Та сів спочивати,
Торбинками обвішаний
Його повожатий.
Мале дитя коло його
На сонці куняє,
А тим часом старий кобзар
І с у с а співає.
Хто йде, їде — не минає:
Хто бублик, хто гроші;
Хто старому, а дівчата
Шажок міхоноші.
Задивляться чорноброві —
І босе, і голе.
«Дала, — кажуть, — бровенята,
Та не дала долі!»
Іде шляхом до Києва
Берлин шестернею,

То не лихо, то не тяжкое,
Что мать умирает;
Не сироты малы дети,
Что матушку схоронили:
Им осталась добрая молва,
Могила осталась.
Засмеются злые люди
Над малым сиротой;
Выльет слёзы на могилу —
Сердечко успокоится.
А тому, тому на свете,
Что ему осталось,
Кого отец и не видел,
Мать отказалась?
Что осталось байстрюку?
Кто с ним заговорит?
Ни родины, ни хаты;
Дороги, пески, горе...
Панское лицо, чёрные брови..
Зачем? Чтоб узнали!
Срисовала, не сберегла...
Пусть бы поблекли!

V

Шёл кобзарь в Киев
Да сел отдохнуть,
Сумками обвешан
Его провожатый.
Малое дитя около его
На солнце дремлет,
А тем временем старый кобзарь
И с у с а поёт.
Кто идёт, едет — не проходит:
Кто бублик, кто деньги;
Кто старому, а девчата
Грошик поводырю.
Засмотрятся чернобровые —
И босой, и голый.
«Дала, — скажут, — бровушки,
Да не дала доли!»
Идёт дорогой до Киева
Берлин шестёркой ,

OS2'.indd 158 14.09.2011 23:05:06

А в берлині господиня
З паном і сем’єю.
Опинився против старців —
Курява лягає.
Побіг Івась, бо з віконця
Рукою махає.
Дає гроші Івасеві,
Дивується пані.
А пан глянув... одвернувся...
Пізнав, препоганий,
Пізнав тії карі очі,
Чорні бровенята...
Пізнав батько свого сина,
Та не хоче взяти.
Пита пані, як зоветься?
«Івась», — «Какой милый!»
Берлин рушив, а Івася
Курява покрила...
Полічили, що достали,
Встали сіромахи,
Помолились на схід сонця,
Пішли понад шляхом.

А в берлине госпожа
С паном и семьёю.
Остановился напротив старцев —
Пыль ложится.
Побежал Ивась, потому что из оконца
Рукою машут.
Даёт деньги Ивасю,
Дивится пани.
А пан глянул... отвернулся...
Узнал, препоганый,
Узнал те карие глаза,
Чёрные бровушки...
Узнал отец своего сына,
Да не хочет взять.
Спрашивает пани, как зовётся?
«Ивась», — «Какой милый!»
Берлин уехал, а Ивася
Пыль покрыла...
Посчитали, что получили,
Встали горемыки,
Помолились на восход солнца,
Пошли вдоль дороги.

OS2'.indd 160 14.09.2011 23:05:06

ISSN 2223-5221

Литературный журнал «Осиянное слово», №2 2011 года. Выходит раз в квартал.
Объём 160 полос.
Подписано в печать 18.09.2011. Формат 84x108/32. Печ.л.10. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз.

Издатель и учредитель:
ООО «МОБИ Паблишинг», 603135, г. Нижний Новгород, просп. Ленина, 41
тел. +7 (831) 218-00-85

Главный редактор: Алексей Витаков
Над выпуском работали: Татьяна Кондратова, Дмитрий Меркушов
Технический редактор: Вероника Алёшкина
Директор по рекламе: Сергей Красниковский
Компьютерная вёрстка: Михаил Корнев
Дизайн: Владимир Лупандин
Координатор: Виктор Бушмин

Адрес редакции для корреспонденции:
111024, г. Москва, ш.Энтузиастов, д11А-1-195
Адрес электронной почты: info@moby-publishing.com
Адрес в интернете: http://osiyannoye-slovo.ru

Переписка с авторами ведется только по почте (обычной или электронной).
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. В исключительных случаях автор может получить рецензию по отдельному запросу в редакцию.

Типография:
ГУП МО «Коломенская типография»
140400, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а
Тел.: +7 (496) 618-69-33
Тел/факс: +7 (496) 618-62-87

Фотографии в номере предоставлены авторами из личных архивов, либо взяты из открытых источников. Все права на опубликованные произведения принадлежат их авторам. Полное или частичное воспроизведение без письменного разрешения издательства запрещено.

© Издательство «МОБИ Паблишинг», 2011
© Литературный журнал «Осиянное слово», 2011

ISSN 2223-5221

OS2'.indd 161 14.09.2011 23:05:06